

П.А. Зайончковский

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
АППАРАТ
САМОДЕРЖАВНОЙ
РОССИИ
В XIX в.

П.А. Зайончковский

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
АППАРАТ
САМОДЕРЖАВНОЙ
РОССИИ
В XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА • 1978

9(С)1
З-17

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зайончковский П. А.

З-17 **Правительственный аппарат самодержавной
России в XIX в. М., «Мысль», 1978.**
288 с.

В книге обобщен большой фактический материал, раскрывающий природу самодержавной власти в России в XIX в.

Анализируя многочисленные источники, автор характеризует все группы российского чиновничества — от низших чинов до высшей бюрократии, дает оценку деятельности государственных сановников того времени.

9(С)1

З $\frac{10604-009}{004(01)-78}$ 94-78

*Ираиде Павловне
Зайончковской, жене,
другу и помощнице
посвящаю*

Введение

Изучение состояния государственного аппарата России, особенно категорий лиц, обслуживавших нужды государства, начиная от высшей бюрократии и кончая рядовыми полицейскими или низшими служащими различных ведомств, имеет бесспорно большое научное значение.

Для XIX столетия, наименее в этом отношении исследованного, рассматриваемая проблема особенно важна для понимания различных вопросов внутренней политики. Государственный аппарат складывался одновременно с образованием государства как орган «господства одного класса над другим»¹, указывал В. И. Ленин.

Высшее и среднее звено государственного аппарата представляется чиновничеством, т. е. лицами, состоящими на государственной службе и имеющими классный чин. По определению В. И. Ленина, чиновничество, или бюрократия, являлось особым слоем людей, специализировавшимся на управлении и поставленным «в привилегированное положение перед народом»². Именно эта часть государственного аппарата и является предметом нашего исследования.

Изучение состояния правительственного аппарата подразделяется на два вопроса. Первый — система государственных учреждений и ее характеристика, второй — личный состав государственного аппарата — чиновничество. Первый вопрос достаточно изучен как в дореволюционной историографии (А. Д. Градовским и Н. М. Коркуновым), так и советскими историками (в частности, Н. П. Ерошкиным). Второй вопрос не стал еще предметом специального научного рассмотрения.

Настоящая работа ставит своей задачей исследование лишь некоторых аспектов этой проблемы. Прежде всего речь пойдет об условиях службы чиновничества, денеж-

ном содержании, бюджете, а также об его численности на протяжении более чем столетия (с конца XVIII—начала XX в.). Помимо этого автор считает необходимым проанализировать состав отдельных групп высшей бюрократии и губернской администрации в середине XIX и в начале XX в.

Автор отдает себе отчет в том, что рассмотрение этих вопросов не исчерпывает изучения проблемы в целом, а лишь намечает основные вехи для углубленного исследования проблемы.

В понятие «чиновничество» мы включаем собственно чиновничество, т. е. лиц, имеющих классный чин и состоящих на службе в государственных учреждениях, а также канцелярских служащих, занимающих аналогичное положение в правительственном аппарате и впоследствии получающих классный чин.

К этому понятию в широком понимании слова можно отнести и некоторые категории лиц, не состоящих на государственной службе. К ним относятся лица, служившие по выборам в органах крестьянского общественного управления, выполнявшие прямые полицейские функции, а также члены земств и городских органов общественного управления, коль скоро и они, хотя бы частично, выполняли те или иные государственные задания. Наконец, к государственному аппарату, опять-таки беря это понятие в широком плане, необходимо отнести и определенные категории лиц, состоявших на частной службе (служащие частных банков, железных дорог и т. д.).

Настоящая работа состоит из четырех глав. В первой главе — «Чиновничество» — исследуется вопрос об условиях службы чиновников, их составе (сословности, образовании, имущественном положении), изменении законодательства о службе, численности, о материальном положении и т. д. Во второй — «Высшая бюрократия накануне Крымской войны» — характеризуются представители этой группы чиновничества, а также рассматривается ее состав на 1853 г. на основе анализа формулярных списков членов Государственного совета, Комитета министров, сенаторов, товарищей министров, директоров департаментов и главных управлений, а также послов и посланников. В третьей главе — «Губернская администрация накануне Крымской войны» — анализируется состояние губернского управления, характеризуются представители губернской администрации (губернаторы,

вице-губернаторы, председатели казенных палат, управляющие палатами государственных имуществ, председатели палат уголовного и гражданского суда и губернские прокуроры) опять-таки на 1853 г. на основе анализа формулярных списков. В четвертой — «Изменение состава высшей бюрократии и губернской администрации к началу XX века» — дается общая характеристика реформ и внутренней политики данного периода, а также анализируется состав этой же категории чиновничества (члены Государственного совета, Комитета министров, сенаторы, товарищи министров, директора департаментов, начальники главных управлений, губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенных палат, управляющие акцизными сборами, председатели судебных палат и окружных судов) по данным на 1903 г.

Автор ставит своей задачей подвергнуть анализу состояние указанных групп российского чиновничества, проследив изменения в его сословном составе, имущественном положении, уровне образования. Вместе с тем в той мере, в какой это позволяют источники, автор стремился отразить влияние экономического развития страны на государственный аппарат. Большой интерес представляет и обратный процесс — как государственный аппарат отражал интересы экономического развития России.

Многолетнее изучение вопросов внутренней политики на материалах России дает веское основание для подтверждения того положения, что наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой на нее оказывают немалое влияние и люди, стоящие во главе администрации.

Автор приносит глубокую благодарность группе своих учеников, оказавших помощь в подготовке к изданию данной книги.

* * *

Источники, положенные в основу данного исследования, можно подразделить на следующие группы: 1) материалы официального делопроизводства; 2) дневники и воспоминания; 3) статистические материалы.

Наибольшую по объему и важнейшую по значимости представляет собой первая группа — официально-документальные материалы, которую в свою очередь можно

разбить на ряд подгрупп. К одной из них относятся законодательные материалы, отразившие положение чиновничества (правила определения на службу, ее условия, продвижение в чинах, штаты тех или иных министерств и ведомств и т. д.). Эти материалы помещены в третьей книге Свода законов Российской империи («Законы о службе гражданской») за различные годы, начиная с 1832 и кончая 1906, а также во всех трех собраниях Полного собрания законов. Вторую подгруппу составляют материалы различных комитетов и комиссий, периодически создававшихся для разрешения тех или иных вопросов, связанных с положением чиновничества. Из них следует упомянуть двухтомное дело Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской, созданной летом 1895 г. при Государственном совете³. В материалах комиссии содержатся подробные сведения об условиях определения на службу и прохождении ее чиновниками и канцелярскими служащими на протяжении всего XIX в. Здесь приводятся данные о деятельности предшествующих комитетов, в частности неоднократно учреждавшихся комитетов по вопросу об отмене гражданских чинов.

К этой же подгруппе относятся материалы Государственного совета и Комитета министров по рассматриваемому вопросу. Среди них обширное дело Департамента законов «Об определении общего срока производства в чины»⁴. Третью подгруппу составляют различного рода доклады, отчеты и записки, а также официальная переписка.

Прежде всего остановимся на отчетах Министерства юстиции за период с 1841 по 1859 г.⁵, так как в них содержатся сведения о количестве должностных преступлений чиновников. Помимо сведений об общем числе привлеченных к суду за указанный срок здесь имеются данные о сословной принадлежности, образовании и имущественном положении судимых чиновников. Эти сведения помещены в двух приложениях перечневых ведомостей — в «Систематическом отчете о числе чиновников, судимых в уголовных департаментах Правительствующего Сената по преступлениям против должности» (речь идет о чинах V—VIII классов) и в отчете «О числе чиновников, судимых в уголовных палатах и равных им местах по преступлениям против должности» (учитываются чины IX—XIV классов). Следует отметить две особенности — неточности, содержащиеся в этих отчетах. Во-первых, с

1846 г. появляется новая графа -- «Осталось с предшествующего года», учитывавшая лиц, дела которых оказались незавершенными в предыдущем году. Однако число этих лиц (для палат уголовного суда оно достигает 50%) * ежегодно включалось в общие сведения о находившихся под судом по должностным преступлениям, что увеличивало их численность. Вместе с тем в Своде об имущественном положении и образовании также имеются сведения об этих лицах. Если для определения числа лиц, находившихся на какой-то год под судом, вопрос решается легко путем исключения тех дел, которые не решены в предшествующем году, то произвести подсчеты подобным образом в отношении образования и имущественного положения невозможно. Поэтому, не имея возможности исключить лиц, дела которых не были решены в предшествующем году, из данных о сословной принадлежности, образовании и имущественном положении, мы исходим из приводимых итоговых сведений на тот или иной год в целом. Нам представляется, что закон больших чисел (речь идет о цифре, превышающей 150 тыс. человек) дает нам основание полагать, что приводимые данные верны.

Второй особенностью используемых статистических сведений являются ошибки в итоговых цифрах. Например, в итоговых данных по сословному положению на 1842 г. значится цифра — 2433, а подсчеты всех данных дают в итоге — 2430. За 1851 г. в итоговые данные «по имущественному положению» вкралась ошибка: вместо 12 514 обозначено 12 454. За 1854 г. в графе «По образованию» вместо 12 150 стоит 12 210.

Среди министерских отчетов несомненный интерес представляет «Краткий отчет действий Министерства внутренних дел с 1825 по 1850 гг.», хранящийся в фонде Мраморного дворца⁶. В отчете приводятся интересные обобщенные данные о численности дворянства в 1846 и 1847 гг. Как отмечается в самом отчете, здесь «собраны в первый раз возможно точные повсеместные сведения о наличном числе и настоящем положении всех лиц, со-

* Рассмотрение дел о должностных преступлениях в Сенате заканчивалось (за очень небольшими исключениями) в текущем году, случаи перенесения дел на следующий год были весьма редки. За 19 лет из 13 562 дел чиновников, судимых Сенатом, на следующий год было перенесено только 81 дело.

стоящих в дворянском звании»⁷, содержатся сведения о численности потомственного дворянства, в том числе о лицах, не имеющих недвижимой собственности, «никогда не бывавших ни в какой службе» и др. Однако эти «возможно точные» сведения в действительности неточны. Так, численность потомственных дворян, не имеющих собственности, определяется в 148 685 человек, а землевладельцев, которые «лично сами занимаются хозяйством», — в 109 444. Таким образом эти две категории лиц дают в сумме 258 129 человек, в то время как общая численность дворян составляла 253 068 человек. При этом надо иметь в виду, что часть поместного дворянства не жила в своем имении и, следовательно, хозяйством не занималась. Однако, даже если и допущена неточность в пределах 10%, эти сведения имеют большое значение для исследования вопроса о состоянии дворянского сословия в XIX в., так как других данных на этот счет не имеется.

Помимо отчетов министерств, можно сказать, перво-степенное значение для исследования темы имеют погодные отчеты созданного в 1846 г. Инспекторского департамента чинов гражданского ведомства при Первом отделении собств. его импер. величества Канцелярии. Департамент просуществовал 11 лет — до 1858 г. В приложениях к его погодным отчетам содержатся данные о численности чиновников по классам и ведомствам. Таким образом, с 1847 по 1857 г. имеются точные данные о численности и динамике роста государственного аппарата⁸.

В 1894 г. был создан Инспекторский отдел в с.е.и.в. Канцелярии с теми же примерно функциями, что и Инспекторский департамент чинов гражданского ведомства, существовавший в 40—50-х годах. Материалы этого отдела, функционировавшего до Февральской революции 1917 г., плохо сохранились. Отсутствуют основные подлинники описи, а существующие написаны лишь после 1917 г. Никаких обобщающих материалов, касающихся численности чиновников, в них не содержится, они не обнаружены и в других фондах. Таким образом, наиболее поздние сведения о численности чиновников относятся к 1857 г.

Большой интерес представляют материалы III отделения с.е.и.в. Канцелярии, касающиеся губернской администрации⁹.

8 марта 1832 г. шеф жандармов Бенкендорф направил циркулярное предписание штаб-офицерам корпуса жан-

дармов с требованием сообщать в III отделение сведения «о лицах, заслуживающих внимания правительства». Круг лиц не был определен. В указанном деле сохранились представления губернских штаб-офицеров с 1840 по 1865 г. В некоторых случаях донесения поступали регулярно — 2 раза в год, в других — имеются пропуски за ряд лет, по-видимому, они не сохранились или же осели в других делах. Круг лиц, о которых давались сведения, ограничивался представителями «губернского начальства» — губернаторы, вице-губернаторы, председатели палат, прокуроры, иногда приводятся данные об архиереях, отдельных помещиках, купцах и т. д. Значительная часть характеристик стандартно-положительная, в иных содержатся конкретные, чаще всего отрицательные сведения.

Четвертую подгруппу официально-документальных материалов составляют формулярные «Списки гражданским чинам» различных классов, адрес-календари и памятные губернские книжки. Формулярные (послужные) списки составлялись на каждого чиновника, и в них фиксировались важнейшие сведения — имя, отчество, фамилия, возраст, вероисповедание, сословное происхождение, образование с указанием, какое учебное заведение закончил, имущественное положение, наличие недвижимой собственности, награды, а также прохождение службы. Из этих сведений нас интересуют: а) имя, отчество и фамилия, б) возраст, в) чин и придворное звание, г) вероисповедание*, д) сословие, ж) образование, з) имущественное положение, е) время пребывания в данной должности. Формулярные списки рассматриваемых гражданских чинов хранятся в Центральном государственном историческом архиве (Ленинград) в фондах Государственной канцелярии (членов Государственного совета, Комитета министров, сенаторов), Коллекции формулярных списков (№ 1349), Сената (№ 1341, 1363, 1364), Департамента общих дел Министерства внутренних дел (№ 1284), Министерства юстиции (№ 1405). Формулярные списки представителей военной и морской администрации хранятся в Центральном государственном воен-

* В дореволюционной России сведения о национальности отсутствуют, однако она устанавливается с большой степенью точности на основе данных о вероисповедании. Трудность в определении национальности представляется только для мусульман, однако их число среди рассматриваемых нами категорий чиновников ничтожно.

но-историческом архиве (фонд либо Коллекции формулярных списков, либо Главного штаба) и в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (также в соответствующей Коллекции формулярных списков). Процент сохранности послужных списков различен: от 90—97 (для членов Государственного совета, Комитета министров) до 59 (для товарищей министров, директоров департамента) на 1903 г. В среднем сохранность формулярных списков колеблется от 75 до 85%.

Формулярные списки являются одним из наиболее достоверных источников. Какое-либо сознательное их искажение исключено. Однако вполне возможны некоторые описки, неполнота сведений, касающиеся главным образом имущественного положения. Нам известен лишь один пример такой неточности, однако весьма существенной. Речь идет о формулярном списке члена Государственного совета А. А. Половцова, у которого в графе о наличии собственности значится: «родовое в Петербургской губернии имение Рапти, у жены благоприобретенный дом в Петербурге»¹⁰. В действительности Половцов, женившись на приемной дочери банкира барона А. Л. Штиглица, после его смерти приобретает огромное состояние, и его недвижимая собственность помимо указанной в формулярном списке составляла приобретенный на имя жены горный Богословский округ на Урале с крупнейшим металлургическим заводом в Надеждинске. В 1895 г. было образовано Богословское акционерное общество, главным акционером которого были Половцовы; они же являлись наиболее крупными акционерами Невской ниточной мануфактуры в Петербурге и Кренгольмской мануфактуры в Нарве; им принадлежал ряд винокуренных заводов и мукомольных производств в Тамбовской и Воронежской губерниях¹¹.

По-видимому, участие в акционерных обществах, как правило, не фиксировалось в послужных списках*, поэтому нет возможности судить о степени участия тех или иных сановников в капиталистическом предпринимательстве. Нужно, однако, заметить, что это участие не имело

* Из всех изученных послужных списков лишь в одном имеются данные о владении акциями: у председателя Владимирской казенной палаты Ю. Г. Политковского было 268 акций Российско-Американской компании (ЦГИА, ф. Коллекции формулярных списков, № 1349, оп. 5, д. 2033, л. 31).

массового распространения. Таким образом, формулярные списки правильно отражают наличие недвижимой собственности, но не всегда дают точное представление о имущественном положении данного чиновника. Так, например, по формулярным спискам у двух министров финансов, являвшихся крупными банковскими дельцами, — И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте — недвижимая собственность не числится. Надо еще иметь в виду, что формулярные списки составлялись на одно и то же лицо неоднократно, и поэтому в них могут содержаться различные сведения относительно имущественного положения.

В формулярных списках имеются и другие недостатки. В одних, правда редких, случаях графа о наличии собственности оказывается незаполненной, в других — не указывается размер земельной собственности. Это относится преимущественно к майоратам и имениям, расположенным в Царстве Польском. Встречаются неточности в графе об образовании. Часто она оказывается незаполненной или же вместо необходимых сведений указывается, например: «в службу вступил юнкером», или «в службу вступил губернским регистратором», или «в службу вступил актуарием в коллегияю иностранных дел» и т. п.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с обработкой формулярных списков¹². Прежде всего надо заметить, что в ряде случаев имеется возможность восстановить недостающие в формулярных списках сведения. Так, в «Списках гражданским чинам», которые будут рассмотрены, содержатся сведения о наличии собственности у чинов высших классов. Иногда можно установить данные об образовании, используя справочники тех или иных учебных заведений (Петербургский лицей, Училище правоведения, Пажеский корпус и др.), содержащие списки окончивших. Так как в эти заведения принимались только дворяне, то тем самым определяется и сословная принадлежность. К сожалению, в перечисленных справочниках не указываются сведения о возрасте и вероисповедании. Однако косвенным путем их также можно определить. В «Списках гражданским чинам» указывается год поступления на службу. Поскольку поступавший на службу имел 21 год от роду, нетрудно произвести нужные вычисления. Фамилия, имя и отчество в большинстве случаев дают возможность определить веро-

исповедание, а следовательно, и национальность. Однако это возможно примерно в 80—90% случаев*.

Надо иметь в виду, что не всегда можно установить все необходимые сведения о лицах, формулярные списки которых не сохранились. Вследствие этого сведения о лицах конкретной служебной категории (например, о членах Государственного совета, сенаторах, губернаторах) содержат, как правило, различные — по числу анализируемых лиц — данные о возрасте, образовании, имущественном положении и т. п. Следует заметить, что даже при наличии формулярных списков те или иные сведения указаны не всегда. В силу этого анализ числа лиц будет различен. Так, данные о губернаторах на 1903 г. выглядят следующим образом¹³:

По:	%
формулярным спискам	76
чинам	100
возрасту	87
вероисповеданию	83
происхождению	77
образованию	77
имущественному положению	85

Обратимся к методике обработки формулярных списков. Прежде всего надо сказать, что при подсчетах исключались лица императорской фамилии, состоящие членами высших государственных учреждений.

Коснемся вопроса установления возраста. Не располагая данными о дне и месяце рождения, мы определяем возраст на 1 января рассматриваемого года. Таким образом, возраст родившегося в 1801 г. на 1853 г. определяется в 51 год и т. д.

Если в графе об образовании отсутствуют сведения об образовании, то данное лицо мы относим к категории получивших «домашнее образование». Не окончившие полного курса учебных заведений в отдельную категорию

* Так, лица с чисто русской фамилией, именем и отчеством зачисляются нами в разряд православных, т. е. русских. Надо заметить, что получение сведений из дополнительных источников о лицах, чьи формулярные списки не сохранились, было слишком ограничено. Однако в некоторых случаях удалось несколько повысить процент анализируемых представителей тех или иных категорий бюрократии. Например, сохранилось только 59% формулярных списков товарищей министров, директоров департаментов на 1903 г., но указанным выше путем удалось установить сведения о 66,7%.

не выделяются. Следовательно, окончившие неполный курс гимназии причисляются к лицам, получившим среднее образование, а окончившие неполный курс университета — к получившим высшее.

Владение собственностью подразделяется на следующие виды: а) владение землей, б) промышленными предприятиями, в) домами и дачами. В основу положено землевладение*, но при этом отмечается и наличие других видов собственности (число промышленных предприятий, домов или дач не фиксируется, а рассматривается как целое). Земельная собственность систематизируется по размерам. Если имение находилось в общем пользовании с братьями и сестрами, то размер его соответственно уменьшался (если число братьев и сестер не указывается, то в расчет принимается их минимальное число: два брата или две сестры). Собственность жен не выделяется, землевладение мужа и жены рассматривается как единое целое. Для 1853 г. отмечается число помещиков, имевших родовую либо благоприобретенную собственность, однако при определении размера имения все виды собственности рассматриваются как единое целое. Если не указаны другие наследники, учитывается имение родителей. Земельная собственность для 1853 г. определяется по числу крепостных душ, для 1903 г. — по количеству десятин земли. К крупной земельной знати относятся лица, владевшие более 1 тыс. крепостных душ и для начала XX в. — более 5 тыс. дес. земли. Надо заметить, что число крупных земельных собственников в действительности будет несколько больше, так как владения без указания размера мы не можем относить к крупным, хотя фактически они являлись таковыми. К подобным имениям принадлежат, например, владения известных польских магнатов Потоцких, Велепольских и др.

«Списки гражданским чинам» — источник наиболее схожий с формулярными списками. В нем помещены все лица, имеющие чин определенного класса. С конца

* Этот вид собственности носит более конкретный и сравнимый характер, понятия же «промышленное предприятие», особенно «дом» или «дача» неопределенные. Нельзя, например, сопоставить дом-дворец А. А. Половцова на Большой Морской (ныне Дом архитектора на ул. Герцена) в Петербурге с деревянным домом в Коломне либо в уездном городе. Но в графе «Собственность» и в том и в другом случае обозначено «владелец дома».

XVIII в. издавались списки чинам первых шести—восьми классов*, в которых указывались фамилия, имя, отчество, должность, а также сведения о прохождении службы. Позднее помещавшиеся в «Списках гражданским чинам» сведения дополняют: графа о наградах, а с начала 40-х годов для первых пяти классов — данные о наличии собственности. «Списки гражданским чинам» в пореформенный период сохраняются только для первых четырех классов**. Для исследуемой темы они представляют интерес только с точки зрения анализа имущественного положения высшей бюрократии, а также получаемого ими содержания. Если формулярные списки анализируемых категорий чиновничества дают возможность проследить имущественное положение сотен чиновников, то анализ «Списков гражданским чинам» — тысяч лиц. Имущественное положение чиновничества по этому источнику анализировалось тем же методом, что и по формулярным спискам.

Говоря о «Списках гражданским чинам», необходимо остановиться на одной их особенности. Среди помещенных в них чиновников имеются лица, не получавшие содержания. К ним относились предводители дворянства, почетные опекуны тех или иных благотворительных учреждений, состоявшие сверх штата чиновники и т. п. Вполне естественно, что это были состоятельные люди, имевшие ту или иную собственность. В некоторых случаях, относительно немногочисленных (примерно 1—2%), не указывалось их имущественное положение. Тогда мы исключали этих лиц из числа анализируемых, но каждый раз с соответствующей оговоркой. Естественно, что в результате процент владельцев собственности среди чинов того или иного класса несколько снижается, так как эти лица бесспорно являлись собственниками, однако найти другой выход не представлялось возможным.

К «Спискам гражданским чинам» в свою очередь при-мыкают ежегодно издававшиеся справочники о составе чиновников того или иного министерства, в которых или

* К сожалению, в вышедшей под моей редакцией в 1971 г. библиографии «Справочники по истории дореволюционной России» вкрадась ошибка: там указывается, что в конце XVIII — первой четверти XIX в. издавались «Списки гражданским чинам...» всех классов.

** Списки издавались по несколько раз в год, а с 1903 г. — дважды: в начале года — полный с указанием имущественного положения, во второй половине — сокращенный.

имеются данные только о должности, фамилии, имени и отчестве, или содержатся более подробные сведения, касающиеся прохождения службы, наград, семейного положения. Однако основной недостаток такого рода справочников — их неполнота.

Наиболее полно численность отражена в издании «Общий состав Министерства финансов». Нами проанализирован выпуск на 1902 г., содержащий краткие сведения о 18 368 лицах. Был проведен сравнительный анализ помещенных здесь данных со сведениями губернских памятных книжек за соответствующий год. В результате оказалось, что сведения, помещенные в «Общем составе Министерства финансов», не полны. Так, например, здесь отмечается, что в Пензенском отделении Государственного банка числится 5 человек¹⁴, а в «Памятной книжке Пензенской губернии» за этот же год — 20¹⁵. Такое же расхождение имеется и по другим губерниям: по Саратовской — соответственно 5¹⁶ и 18¹⁷, по Вятской — 5¹⁸ и 20¹⁹.

То же наблюдается и по штатам казенных палат. Так, в Калужской казенной палате по «Общему составу Министерства финансов на 1902 г.» числилось 14 человек²⁰, а в «Адрес-календаре» и «Памятной книжке Калужской губернии» — 23²¹. Податных инспекторов по «Общему составу Министерства финансов» в Калуге числился 1²², а в «Адрес-календаре» — 17²³.

В некоторых случаях данные «Общего состава Министерства финансов» и памятных книжек совпадают.

Важным справочным источником является «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве», который начал издаваться в 1768 г. Мы попытались на основе анализа «Адрес-календаря» на 1851 г. проверить, в какой степени в нем содержится «роспись всех чиновных особ». По данным отчета Инспекторского департамента, чинов гражданского ведомства I отделения с.е.и.в. Канцелярии за 1850 г. (т. е. на начало 1851 г.) числилось 71 819 «чиновных особ»²⁴. По «Адрес-календарю» на 1851 г., согласно подсчету двух именных указателей (ч. I и II), в первой части значится 22 376 человек и во второй — 14 331, всего — 36 707 человек. Таким образом, в «Адрес-календаре» отражено вдвое меньше чиновных лиц, чем в отчете Инспекторского департамента чинов гражданского ведомства. В действительности разница будет значительно большей, если учесть, что в «Адрес-

календарь» включаются такие категории лиц, которые не числятся в отчете Инспекторского департамента в связи с тем, что они не являются чинами гражданского ведомства. К ним относятся: а) лица женского пола, состоящие в придворном ведомстве, учреждениях императрицы Марии и других благотворительных организациях,—551; б) военное ведомство (военное министерство, а также офицерский состав гвардейского и гренадерских корпусов) — 6291; в) морское ведомство, включая адмиральский и штаб-офицерский состав флота — 1499; г) духовные особы по ведомствам Святейшего Синода и придворному—1084²⁵. Таким образом, общее число лиц, не вошедших в отчет Инспекторского департамента, составляет 9425 человек. Это число будет несколько больше, так как не учтены лица, помещенные в «Адрес-календаре», но не имевшие чина. Общее их число невелико. Это преимущественно учителя, в частности духовного ведомства, а также священники, преподававшие закон божий. Следовательно, если их вычесть из общего числа лиц, значившихся в «Адрес-календаре», то получится 27 082 человека, что составит по отношению к данным отчета Инспекторского департамента чинов гражданского ведомства 37,8%. Таким образом, заглавие «Общая роспись всех чиновных особ» не отвечает действительности.

Губернские памятные книжки, издававшиеся под различными названиями («Справочная книжка...», «Адрес-календарь», «Памятная книжка...», «Календарь»), начинают издаваться с конца 40-х годов (Ковенская губерния, 1848 г.), по большинству же губерний — с 50—60-х годов. В памятных губернских книжках содержатся различные экономико-географические и статистические сведения. Для нашей темы представляют интерес данные о губернской и уездной администрации, освещаемые более подробно по сравнению с другими справочниками. Сведения этого источника весьма разнообразны. Так, в «Памятной книжке Ломжинской губернии» имеются данные о размере получаемого жалованья не только губернских и уездных чиновников, но и чинов таможенного ведомства и даже офицеров частей войск, расположенных на территории губернии.

Таковы источники справочного характера.

Дневники и воспоминания составляют вторую группу исторических источников. Не давая общей характеристики этому виду источников, остановимся на наиболее важных из них.

Особое место здесь занимает дневник М. А. Корфа, который он вел с 1838 по 1851 г. (дневник хранится в фонде Коллекции рукописей библиотеки Зимнего дворца²⁶), состоящий из 14 тетрадей, каждая из которых относится к определенному году²⁷. За исключением последних двух лет, автор вел регулярные, почти ежедневные записи. Дневник является ценнейшим источником для изучения внутренней политики самодержавия. Человек умный и наблюдательный, Корф приводит много интересных сведений, касающихся в первую очередь деятельности Государственного совета, членом которого он состоял. Большим достоинством дневника является его достоверность. Другое дело — оценка фактов и характеристики лиц, даваемые сквозь призму ортодоксально-монархических представлений. В дневнике содержатся многочисленные рассказы о Николае I, о различных сановниках — А. Ф. Орлове, А. С. Меншикове, С. С. Уварове, А. И. Чернышеве и др. Вспоминает автор и своего лицейского товарища А. С. Пушкина.

Несомненный интерес представляют воспоминания сенатора М. Б. Веселовского, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина²⁸. Для настоящей работы использована та часть его воспоминаний, в которой описывается служба автора в канцелярии нижегородского губернатора в конце 40-х годов. Эти мемуары представляют ценность с точки зрения описания нравов местного чиновничества.

Из неопубликованных мемуаров назовем воспоминания Н. П. Боголюбова — путейского чиновника, внука А. Н. Радищева²⁹, в которых содержатся характеристики ряда генерал-губернаторов и губернаторов, а также описывается жизнь провинциального чиновничества. Представляет интерес дневник чиновника Министерства внутренних дел А. И. Артемьева³⁰, главным образом в связи с освещением материальных условий и быта столичного чиновничества.

Из опубликованных дневников и воспоминаний следует сказать о воспоминаниях баварского посланника

Де-Брэ, содержащих очерки об отдельных сановниках николаевского времени, отметим также воспоминания сенатора К. И. Фишера о бюрократии 40-х годов, дневники Д. А. Милютина, П. А. Валуева, А. А. Половцова и воспоминания Е. М. Феоктистова³¹, представляющие интерес для освещения истории второй половины XIX в.

Последнюю группу источников составляют статистические материалы, точнее, материалы переписи 1897 г. Они, казалось бы, могли служить ценным источником для определения численности чиновников в России конца XIX в. Однако составлены данные так, что пользоваться ими в наших целях невозможно. Во-первых, во многих случаях отсутствует само понятие «чиновничество». В одной и той же рубрике объединены лица различных категорий. Так, например, в графе «Придворные чины и служители при дворе» значатся как чиновники, так и различного рода служащие от камердинера до камер-лакея. Во-вторых, число чиновников административного и судебного ведомств, т. е. министерств внутренних дел, финансов, юстиции и др., определяется в 42 034 человека, в то время как в 1857 г. число чиновников этих трех министерств составляло 50 638 человек³². Таким образом, данные переписи не могут служить источником для определения численности чиновников на рубеже XIX—XX вв.

* * *

Вопрос о чиновничестве в XIX в. по существу не являлся предметом специального изучения ни в русской дореволюционной, ни в советской историографии. Лишь в некоторых работах он освещается попутно, главным образом в связи с историей государственных учреждений, и преимущественно не в конкретно-историческом плане, а формально-юридическом. К ним относится в первую очередь многотомная работа А. Д. Градовского «Начала русского государственного права»³³, в которой дается характеристика как центральных, так и местных учреждений, а в связи с этим приводятся некоторые сведения о чиновниках. К подобным историко-юридическим работам надо отнести общий систематический очерк В. А. Евреинова «Гражданское чиновничество в России», вышедший в 1887 г. в Петербурге. В нем содержится много различных сведений, касающихся данного вопроса. Следует назвать работу И. Блинова «Губернаторы»,

изданную в Петербурге в 1905 г., в которой довольно подробно характеризуются обязанности и пределы власти губернаторов.

Более конкретные, хотя и не систематические, сведения о чиновниках того или иного ведомства можно найти в юбилейных изданиях, посвященных столетию различных министерств, а также в «Истории Правительствующего Сената за 200 лет», выпущенной в пяти томах в 1911 г.³⁴

Следует назвать две специальные работы, посвященные чиновничеству: очерк Е. Карновича «Русские чиновники в былое и настоящее время», лишенный научного интереса, и статью Н. А. Рубакина, претендующую на исследование, «Много ли в России чиновников (Из «Этюд о чистой публике»)», опубликованную в 1910 г. в «Вестнике Европы». Автор поставил себе задачу определить численность чиновников по переписи 1897 г. Однако приводимые данные не выдерживают никакой критики. Общее число чиновников Рубакин определяет в 435 818 человек. Он включает в их число 38 082 женщины, которые, как известно, в России чинов не имели и, следовательно, чиновниками быть не могли. Помимо этого сюда включены нижние чины жандармерии и полиции городской и сельской — 94 150 человек; кондукторы, дорожные мастера, конторщики и т. п. — 66 028; телеграфисты, почтальоны и т. п. — 25 730; станичные атаманы, гминные войты, волостные старшины и т. п. — 8369 человек. Здесь фигурируют также 2283 чиновника военного ведомства (непонятно, почему приводится эта цифра, так как их было гораздо больше)³⁵ и 559 военных топографов. Все эти категории составляют 235 201 человек. Таким образом, если вычесть из общих данных указанную цифру, будет 200 617 человек чиновников и канцелярских служащих гражданского ведомства³⁶, что явно не соответствует действительности.

Такова краткая характеристика дореволюционной историографии этой проблемы.

В советской историографии этот вопрос получил освещение только в послевоенный период. Прежде всего следует назвать работу Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России», вышедшую в свет вторым изданием в 1968 г. В книге дается систематическое изложение структуры и функций государственных учреждений России, и особенно подробно

XIX—начала XX в. Вместе с тем сообщаются общие сведения о государственном аппарате. Несомненный интерес представляет монография С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии», изданная в 1974 г. Это исследование основано на большом архивном материале, впервые вводимом в научный оборот. Автор освещает подготовку закона Табели о рангах, характеризует состав и численность чиновничества в XVIII в. Удачей автора являются обнаруженные им в ЦГАДА данные о переписи чиновников, проводившейся в середине XVIII в. и почти точно определившей их численность. Однако с некоторыми положениями этой фундаментальной работы трудно согласиться.

Во-первых, речь идет об определении понятия «бюрократия». «Отличительными чертами бюрократии этого времени, — пишет С. М. Троицкий, — были: 1) систематическое и иерархическое разделение функций между разными отраслями государственного управления, а внутри учреждений — между отдельными чиновниками; 2) введение принципов комплектования и прохождения службы чиновниками в зависимости от личной выслуги, способностей и образования, а не по привилегиям, даваемым «породой», т. е. принадлежностью к определенному слою класса феодалов; 3) изменение материального обеспечения чиновников, выразившееся в замене поместного и натурального жалованья постоянными денежными окладами». В целом это верно. Табель о рангах, безусловно, открывала дорогу проникновению в государственный аппарат представителям всех сословий. Однако и на протяжении XVIII и XIX и даже начала XX в., вплоть до первой русской революции 1905—1907 гг., представители дворянского сословия сохраняли известные и весьма существенные привилегии при определении на службу и получении первого классного чина. Второй вопрос касается численности чиновников. Автор пишет: «После введения новых штатов в 1764 году численность всех разрядов чиновников составила 16 504 чел.»³⁷. При этом Троицкий ссылается на работу Н. Ф. Демидовой «Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.»³⁸. В указанной статье действительно приводится эта цифра, однако Демидова считает, что она касается «количества служащих по штатам 1763 года», а не 1764 г., как отмечает Троицкий. При этом Демидова ссылается на Полное собрание законов. В т. XIV, ч. 2, в

приложении к № 11991 закона 15 декабря 1763 г., помещены штаты всех присутственных мест (высших, центральных и местных). Однако в них включены не только служащие (т. е. чиновники и канцелярские служители), но и различного рода, говоря современным языком, «обслуживающий персонал» (сторожа, курьеры и т. п.). Но главное не в этом. Помимо обслуживающего персонала в штаты включены и военные команды, которые нельзя рассматривать как «служащих». Так, при Сенате показаны две пехотные роты, где состояло 365 человек, а в последнем разделе этого расписания содержатся штаты воинских команд при провинциальных канцеляриях, общее число которых было 8852 человека³⁹. Таким образом, в указанное число чиновников — 16 504 человека включается более 9 тыс. солдат.

Некоторое отношение к исследуемому вопросу имеет книга В. Р. Лейкиной-Свирской «Интеллигенция в России во второй половине XIX века», вышедшая в 1971 г. Книга в целом заслуживает положительной оценки прежде всего как первая попытка осветить данный вопрос. В ней имеется специальная глава — «Чиновники, офицеры, духовенство», которая рассматривает отдельные положения, связанные с характеристикой чиновничества. К сожалению, данные, приводимые автором, во многих случаях неверны. Так, автор берет из книги Е. Карновича «Русские чиновники в былое и настоящее время» неверные цифры о численности чиновников. Так же обстоит дело и с данными переписи 1897 г. Автор не использовал никаких ведомственных изданий («Списки гражданским чинам» и др.), что дало бы возможность привести те или иные статистические сведения. Неверно утверждение Лейкиной-Свирской, повторяемое вслед за Н. А. Рубакиным, что Пажеский корпус был фабрикой «высшей российской бюрократии». Это было далеко не так. На основе проанализированных нами 348 формулярных списков представителей высшей бюрократии в 1903 г. (членов Государственного совета, Комитета министров, сенаторов, товарищей министров, директоров департаментов и губернаторов) только 13 человек окончили Пажеский корпус, что составило около 4%. Неверные сведения приводятся автором о системе военного образования.

В конце 1974 г. в Горьковском университете вышла монография профессора И. В. Оржеховского «Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х годах

XIX века», в которой рассматривается состояние высшей бюрократии и губернской администрации. Автор анализирует данные 350 формулярных списков, обработанных по моему методу. В исследовании Оржеховского содержится много интересных сведений о состоянии государственных учреждений исследуемого им периода.

Успешно работает над темой чиновничества в конце XIX—начале XX в. Б. Б. Дубенцов. Его перу принадлежат две работы, посвященные этим сюжетам. Первая— «Вопрос об отмене гражданских чинов в правительственной политике 80-х гг. XIX в.»⁴⁰ — вкратце освещает этот вопрос на протяжении всего XIX в. Автор приходит к правильным выводам, усматривая существование чинов как помеху для нормальной работы бюрократической машины самодержавия. Вторая статья — «Попытка преобразования организации государственной службы в конце XIX века (Из практики Министерства финансов)»⁴¹ — представляется весьма интересной и оригинальной. В ней впервые в исторической литературе рассматривается вопрос об изменениях в составе государственного аппарата в связи с процессом социально-экономического развития в пореформенный период.

Нужно отметить, что вопрос о российском чиновничестве вызывает большой интерес у зарубежных историков-русистов. В 1967 г. в Берлине вышла в свет монография, посвященная российскому чиновничеству, «Русское чиновничество в первой половине XIX века»⁴². Автор ее — доктор Торке привлек обширный круг опубликованных источников и литературу и на этой базе всесторонне рассматривает проблему. Однако некоторые ведомственные издания и архивные материалы остались вне поля зрения автора. Достоинство книги в том, что автор пытается сопоставить условия службы и положение российского чиновничества с западноевропейским. Работа доктора Торке представляет собой серьезное исследование.

Иллинойский университет издал в 1973 г. книгу профессора Ванева⁴³. Работа основана на изучении законодательных источников и широкого круга литературы на русском и иностранных языках. Следует отметить большую осведомленность автора в области как дореволюционной, так и советской историографии. В работе содержится систематическая обзорная характеристика государственного управления в России и бюрократии на протяжении XVIII—XIX вв. К сожалению, автор не

использовал ведомственные издания («Адрес-календари», памятные книжки, «Списки гражданским чинам» и т. п.), имеющие значение для изучения данной проблемы.

Статья американского историка В. Пинтнера «Социальная характеристика русской бюрократии в первой половине XIX века»⁴⁴ носит справочный характер. Автор тщательно изучил находящиеся в ЦГИА в Ленинграде формулярные списки русских чиновников первой половины XIX в., служивших в высших центральных и выборочно местных (по Курску, Пензе, Воронежу, Владимиру) учреждениях, классифицировал их по ряду признаков (сословию, имущественному положению, образованию и т. п.). Заслуга Пинтнера заключается в том, что он первым из зарубежных исследователей обратился к изучению формулярных списков. Успешно работает над данной темой профессор Иллинойского университета Брус Линкольн.

* * *

В заключение автор считает необходимым сделать следующую археографическую оговорку: отточием в цитатах отмечаются места, опущенные им при цитировании документа.

Чиновничество

Издание в 1722 г. закона, вводившего Табель о рангах, положило начало образованию в России чиновничества как особой группы, наделенной рядом прав и преимуществ. Собственно, введение Табели о рангах явилось своеобразным развитием закона 1682 г. об уничтожении местничества. Отныне основной путь получения дворянского звания лежал через службу. Именно с этого момента фактически появляется наряду с поместным служилое дворянство, которое с каждым годом увеличивается.

Табель гражданских чинов (мы не касаемся здесь военного и морского) устанавливала 14 классов, соответствовавших определенным должностям, однако со временем это соответствие постепенно все более и более нарушалось.

С введением Табели занятие любой классной должности в системе государственных учреждений становилось невозможным, если данное лицо не являлось чиновником. Для должностей, стоявших на самых низших ступенях служебной лестницы, игравших «техническую» роль, — канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и т. д. — создавался специальный институт канцелярских служащих. Институт канцелярских служащих являлся начальной ступенью чиновной службы, через которую должна была проходить основная масса будущих чиновников. При этом продолжительность пребывания в ней определяла происхождение и образование.

Чиновничество, составляя особую бюрократическую касту, проводило в жизнь все указания верховной власти.

Рассмотрим основные вопросы, связанные со службой чиновничества.

Поступление на службу в гражданское ведомство определялось тремя условиями: сословным происхождением, возрастом, уровнем знаний¹. По «праву происхождения» вступать в гражданскую службу разрешалось:

детям потомственных и личных дворян², детям священников и диаконов как православного, так и униатского вероисповедания*, а также детям протестантских пасторов и купцов первой гильдии. Помимо этих категорий разрешалось поступать на службу детям приказных служителей (т. е. канцелярских служителей, не имевших чина.— Авт.), ученых и художников, не имевших чина³.

По «праву происхождения» на гражданскую службу могли поступать также дети придворных служителей, почтальонов и других низших почтовых служителей, мастеров и подмастерьев фабрик и заводов, подведомственных Кабинету и Департаменту уделов, «но с тем ограничением, что первые могут быть определены только на места Придворного ведомства, дети почтовых служителей — по Почтовому ведомству, а последние по ведомству Кабинета и Департамента уделов»⁴. Все остальные категории населения, как указывалось в пункте 5 «Устава о службе гражданской», не могли поступать на службу. Однако в последующем пункте говорилось: «Запрещение, в ст. 5 постановленное, остается без действия, и лица, в оном означенные, получают право вступать в гражданскую службу: 1) когда кто из них по месту воспитания своего приобретет право на классный чин или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого на основании сего устава дозволено принимать в службу независимо от рода и звания; 2) когда кто приобретет порядком, для сего узаконенным, ученую или академическую степень»**.

Таким образом, сословные рамки несколько расширились, так как по уставу 1804 г. доступ в университеты был открыт для лиц всех сословий, а последующий устав 1835 г. хотя и ставил своей задачей сделать университеты доступными в основном для детей дворян, но не устанавливал прямого запрещения для поступления в них лиц других сословий***, исключая детей крепостных⁵.

* В последующих изданиях «Устава о службе гражданской» указываются и дети священнослужителей армяно-григоринского вероисповедания.

** К этим учебным заведениям относились университеты, духовные училища, лицеи и училища «высших наук князя Безбородки» в Нежине и Демидовского лицея в Ярославле («Устав о службе гражданской», ст. 60).

*** Надо заметить, что даже в наиболее реакционное время, в конце 40-х — первой половине 50-х годов, многие студенты не принадлежали к дворянскому сословию. Приведем сведения по двум

Надо заметить, что и помимо лиц, окончивших университеты, сословный состав чиновников был шире, чем это указывалось в приведенных статьях устава. Так, например, питомцы воспитательных домов, как указывалось в 54-й статье устава, «определяемые к письменным делам в подведомственные сим домам заведения... по получении классного звания могут поступить в какую-либо другую службу»⁶.

Мы не располагаем общими данными о сословном составе чиновников, однако сведения о чиновниках, привлечавшихся к уголовной ответственности за должностные преступления, дают некоторое представление об этом. Так, за 19 лет, с 1841 по 1859 г., было привлечено к ответственности за должностные преступления палатами уголовного суда и «равными им местами» 78 496 чиновников⁷, принадлежащих к самым низшим классам — от XIV до VIII*. По сословной принадлежности они подразделялись на следующие группы (в %):

факультетам Московского университета — юридическому (наиболее аристократическому по составу) и историко-филологическому (наиболее демократическому) за 1847 и 1856 гг. (в %).

Юридический факультет

	1847 г.	1856 г.
Потомственные дворяне	59,4	68,2
Дети чиновников, обер-офицеров и духовенства	16,2	14,8
Разночинцы	15,6	11,7
Иностранцы и лица, сословная принадлежность которых не установлена	9,5	5,2

Историко-филологический факультет

	1847 г.	1856 г.
Потомственные дворяне	35,4	41,2
Дети чиновников, обер-офицеров и духовенства	27,5	41,2
Разночинцы	26,3	11,2
Иностранцы и лица, сословная принадлежность которых не установлена	10,8	6,4

(Т. Б. Рябикова. Численный и сословный состав студентов Московского университета. — «Вестник МГУ». Серия историческая, 1974, № 5, стр. 62). Если учесть, что дети чиновников — это дети чиновников низших рангов, а обер-офицерские дети — дети солдат, выслужившихся в офицеры, то процент разночинцев будет еще выше.

* «Суду уголовной палаты предавались в преступлении должностей: 1) чиновники, служащие в общем составе губернского управления; 2) чиновники, состоящие в особенных управлениях по губерниям: в таможенном, соляном, почтовом, лесном... 3) чиновники, состоящие в составе правительствующего Сената и министерских департаментов; 4) канцелярские служители и разного рода нижние чины, состоявшие в гражданской службе; 5) волостные головы и

потомственные дворяне	17,3
дети личных дворян	18,0
» духовенства	3,4
» купечества	7,4
» разночинцев	53,9

Проанализируем указанные группы, точнее, некоторые из них. Потомственное дворянство можно подразделить на две части: первая—это чиновники, выслужившиеся из канцелярских служителей и получившие потомственное дворянство (в некоторых случаях это могли быть и их дети); вторая — дети поместных дворян. Надо заметить, что поместье дворянство, как правило, начинало службу в армии офицерами, а затем уже переходило на гражданскую либо, в редких случаях получив высшее образование, вступало на гражданскую службу опять-таки не с низших чинов.

Вообще, особенно в начале века, гражданская служба у дворян не считалась почетной. Так, автор книги, посвященной столетию государственной канцелярии, по этому поводу писал: «В понятиях того времени гражданская служба вообще не пользовалась особенным сочувствием, клички «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя» и т. п., бывшие в общем употреблении со времени Сумарокова и Фонвизина, наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворянина вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц»⁸.

Говоря о дворянах-помещиках, служивших в Нижнем Новгороде в середине прошлого века, один из чиновников, В. И. Глориантов, писал: «Все они служили управляющими, председателями или же советниками, т. е. начальниками отделений, большая часть из них служила только ради одного почета и получения чинов и орденов»⁹. Следовательно, одна часть потомственных дворян была служилая, вторую представляли собою дворяне-помещики, либо служившие по выборам от дворянства, либо занимавшие те или иные крупные посты. В низших чинах их было не много.

прочие лица волостного и сельского управления» («Свод законов Российской империи», т. 15, ч. II. СПб., 1857, ст. 630). Последние две категории, естественно, в число указанных лиц не входили.

Личными дворянами были дети чиновников, они представляли собою потомственную чиновничью касту во втором, а в некоторых случаях и в третьем поколении. Если учесть, что среди потомственных дворян имеется известное число детей чиновников, то общее их число составит более 20%. Остальная часть чиновников — около 65% — являлись таковыми в первом поколении.

Таким образом, процент потомственного чиновничества, составлявшего особую касту, равнялся примерно 25.

К разночинцам относились дети канцелярских служителей, не имевших классного чина, и других мелких служащих, а также представители различных податных сословий, которые до закона 1827 г. имели право поступать на государственную службу, составляя четвертый разряд канцелярских служителей¹⁰. Надо заметить, что хотя процент разночинцев равнялся тоже 65, но фактически он был бóльшим, так как к их числу мы можем отнести детей духовенства и купцов, порвавших со своим сословием. Надо иметь в виду, что это не означало господства разночинской идеологии среди чиновников. Фактическая или юридическая принадлежность к разночинцам отнюдь об этом не говорила, наоборот, это была наиболее верноподданная категория.

Другая категория чиновников, привлекавшихся к ответственности по должностным преступлениям, судилась в уголовных департаментах Сената*. Следовательно, как правило, чины VIII—V классов — коллежские асессоры, надворные коллежские и статские советники — судились в Сенате. Лица же IV—II классов привлекались к суду в редчайших случаях.

Число чиновников, привлеченных Сенатом за те же 19 лет, составляло 13 481 человек¹¹. По принадлежности

* Согласно существовавшему законодательству, «суду Правительствующего Сената предаются: 1) сенаторы; 2) обер-прокуроры; 3) директора министерских департаментов и канцелярий; 4) губернаторы; 5) губернские предводители дворянства и исправляющие их должность; 6) председатели палат и председательствующие во всех других равных палатах местах по губерниям и областям; также советники главных управлений Сибирских и областные тамошние начальники; 7) губернские и областные прокуроры; 8) муфтии и «кади-эскер» («Свод законов Российской империи», т. 15, ч. II. СПб., 1857, ст. 632).

к сословиям они распределялись следующим образом (в %):

потомственные дворяне	19,6
дети личных дворян	40,3
» духовенства	6,2
» купцов	8,3
» разночинцев	25,6

Из анализа этих данных видно, что процент личных дворян, т. е. потомственных чиновников, значительно возрастает. С другой стороны, резко уменьшается число разночинцев. Это свидетельствует о том, что многие чиновники из этой категории не достигали чинов VIII—V классов.

Приведенные показатели сословного состава чиновников середины XIX в. являются единственными, которыми мы располагаем, однако, как отмечалось в источниковедческом обзоре, их нельзя считать абсолютно точными, особенно для чиновников, судившихся уголовными департаментами Сената, имея в виду их относительно небольшое число. Для конца века имеются данные о проценте потомственного дворянства среди различных категорий чиновничества. Так, в материалах Особого совещания по делам дворянского сословия, хранящихся в фонде Канцелярии Министерства внутренних дел по делам дворянства, содержатся опубликованные А. П. Корелиным¹² указанные выше данные. На основе данных о 101 513 чиновниках различных рангов устанавливается, что среди чинов первых четырех классов потомственных дворян (по происхождению) было 71,5%, V—VIII классов — 37,9 и IX—XIV — 22,3%¹³. Надо иметь в виду, что далеко не все дворяне являлись потомственными помещиками, как об этом свидетельствует анализ имущественного положения чинов первых четырех классов¹⁴.

Обратимся к вопросу об образовательном цензе. В начале века уровень образования чиновников был крайне низким, что прежде всего являлось следствием отсутствия сети учебных заведений. Только в 1804 г. была создана система высших, средних и низших учебных заведений: университеты, губернские гимназии и уездные училища. Основным видом образования было домашнее, весьма и весьма разнообразное, в большинстве своем сводящееся к знанию грамматики и четырех правил арифметики.

Уже в указе 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» говорилось: «Ни в какой губернии спустя пять лет... никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»¹⁵. Однако это не оказало никакого влияния. Вновь организованные университеты и губернские гимназии оставались незаполненными. В результате появился указ 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Указ имел обширную преамбулу, повторявшую цитируемый выше параграф указа 1802 г.; кроме того, далее говорилось: «Предполагаемо было, что все свободные состояния, и особенно сословие дворянское, с поревнованием воспользуется открытием университетов, гимназий и училищ... и что отечественные сии установления предпочтены будут способам учения иностранным—недоступным и ненадежным. Но из ежегодных отчетов Министерства просвещения и из сведений, к нам доходящих, к сожалению, мы видим, что предположения сии доселе не восприняли своего действия». В указе отмечалось, что, кроме Дерптского и Виленского университетов, все другие — открытые учебные заведения; «по малому числу учащихя несоизмеримы способы их учреждения... Между тем все части государства требуют сведущих исполнителей, и, чем далее отлагаемо будет твердое и отечественное образование юношества, тем недостаток впоследствии будет ощутительнее»¹⁶.

Первый пункт указа гласил, что с момента издания его «никто не будет произведен в чин коллежского асессора, если он помимо необходимой выслуги лет» и «сверх отличных отзывов начальства не предъявит свидетельства от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном успехам в науках, гражданской службе свойственным, или что, представ на испытание, заслужил на оном испытании одобрение в своем знании». Те же, кто уже состоял в чине коллежского асессора, должны были сдать такой же экзамен при получении чина статского советника.

Тут же приводилась программа испытаний, которым должны были подвергаться чиновники. Она состояла из четырех разделов: «Науки словесные», «Правоведение», «Науки исторические» и «Науки математические и физи-

ческие». Требования эти, за исключением раздела «Правоведения», не превышали, пожалуй, объема знаний уездных училищ (если не принимать во внимание требование уметь переводить с одного из иностранных языков). Так, по словесным наукам было необходимо знание грамматики русского языка «и правильное на оном сочинений», а также, как уже упоминалось, знание иностранного языка. Программа по правоведению требовала основательно-го познания «права естественного, права римского и права частного гражданского с приложением сего последнего к российскому законодательству». Кроме того, имелось в виду знание важнейших разделов общего права, как-то: «экономии государственной» и уголовных законов. Раздел «исторических наук» предполагал «основательное познание» отечественной истории, а также знания всеобщей истории «с частями, к ней принадлежащими, как-то с географией и хронологией». Кроме того, необходимы были общие понятия о статистике, особенно «Российского государства». Объем знаний по математике и физике был минимален, он включал в себя знания «по крайней мере начальных оснований математики, как-то арифметики с геометрией, и общие сведения в главных частях физики»¹⁷.

Экзамены должны были производиться особой комиссией, состоящей из ректора университета и трех профессоров. В летнее время, с мая по октябрь, как указывалось в законе, должны были организовываться при университетах курсы для подготовки чиновников к указанным экзаменам*.

Указ 6 августа 1809 г. вызвал буквально ужас у чиновничества и лютую ненависть к Сперанскому. Законом об экзаменах на чин были недовольны и широкие круги дворянства**.

Одним из выражений отрицательного отношения чиновничества к указу служит сатирическая пародия «Отче наш», сохранившаяся в фонде М. П. Погодина¹⁸.

* Окончившие гимназии должны были сдавать экзамены только по тем предметам, которые там не преподавались, т. е. правоведению.

** Как утверждает Н. К. Шильдер, указ готовился в глубокой тайне, о нем помимо императора и М. М. Сперанского знал только А. А. Аракчеев, который воспользовался этим для того, чтобы накануне его издания добиться производства ряда лиц в коллежские асессоры и статские советники (Н. К. Шильдер. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1904. стр. 260, 306).

В ней говорилось, в частности:

А что мы не знаем астрономии и по-французски
«прости»,
И предки наши сего не знали,
А дела вершили по справедливости.
Но по простоте нашей завидумке
Умилосердись и в ученые классы
И нас и профессоров не введи.
Нас от разорения, а профессоров от обогащения
Да избежим тем все от лукавого*.

Против указа выступил и Н. М. Карамзин в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», написанной в 1811 г. В записке этой отражены взгляды реакционного дворянства: «Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в коллежские асессоры без свидетельства своей учености... У нас председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита. Секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов. Вице-губернаторы — пифагорову фигуру, надзиратель в доме умалишенных — римское право или умрут коллежскими и титулярными советниками. Их 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные...» Устав об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками¹⁹.

Надо заметить, что этот указ постепенно частично отменялся. Как говорилось в Положении 25 мая 1834 г., «допущены были по уважению нужд и потребностей службы в разных родах ее изъятия из правил, указом сим постановленных»²⁰.

Однако это произошло не сразу. «Никто, — пишет в своих воспоминаниях Ф. Ф. Вигель, — не хотел верить, что строгое исполнение сего указа было возможно. Все полагали, что оно после временной остановки в производстве будет только относиться к юношам, вновь поступа-

* Действительно, как рассказывает Ф. Ф. Вигель, «люди дотоле известные чистотою правил бессеребрности — профессора осквернились взятками. Несколько позже, проведая о том, что молодые дворяне, желающие поступить на службу, не брали труда слушать лекции, а просто за деньги получали аттестат... Лет пять так продолжалось, пока не приняты были меры к пресечению сего постыдного торга ученостью» («Воспоминания Ф. Ф. Вигеля», ч. 3. М., 1861, стр. 76).

ющим на службу... Но во все продолжение царствования Александра указ этот отменен не был». Правда, как отмечал Вигель, в середине 20-х годов действие закона значительно ослабло, и сам он в 1825 г. был произведен в статские советники, не имея университетского свидетельства²¹.

Окончательно указ 1809 г. был отменен в 1834 г., когда было издано «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе»²², подразделявшее всех чиновников по образованию на три разряда: а) лиц с высшим образованием, б) со средним, в) лиц, окончивших низшие учебные заведения либо получивших образование на дому. Последним предоставлялась возможность приобрести права I и II разрядов, сдав соответствующие экзамены. Для каждого из разрядов устанавливались различные сроки производства в чины.

Не располагая общими сведениями об уровне образования чиновников, приведем данные о принадлежности к тому или иному разряду на основе опять-таки сведений о лицах, привлекавшихся к ответственности за должностные преступления.

Как уже отмечалось, эти данные нельзя считать абсолютно точными, тем не менее не исключена возможность, что чиновники, имевшие высшее и среднее образование, могли реже привлекаться к ответственности за должностные преступления. Сделав эту оговорку, приведем данные об образовательном цензе чиновников, привлеченных к суду палатами уголовного суда (за 17 лет, исключая сведения за 1841 и 1843 гг.)²³.

По образованию чиновники низших классов (X—XIV) в процентном отношении составляли:

I разряд (высшее образование)	. . .	3,2
II » (среднее »)	. . .	11,3
III » (низшее »)	. . .	85,5

Для чиновников, привлекавшихся к ответственности департаментами Сената, относящихся в основном к V—VIII классам, уровень образования за 1841—1859 гг. составил соответственно 6,4, 26,0 и 67,6%.

Несмотря на то что к этим сведениям необходимо относиться весьма критически, они бесспорно отражают истинное положение дел, если принять во внимание, что даже в середине 90-х годов процент лиц, принятых на государственную службу с низшим образованием, был

весьма значительным*. Так, по данным Инспекторского отдела собственной е.и.в. Канцелярии, из 4339 лиц, определенных на службу с 1 ноября 1894 по 1 августа 1895 г., высшее образование имели 32,52%, среднее — 15,05 и низшее — 52,43%. При этом из числа лиц, имевших низшее образование, 34,08% окончили уездные училища (примерно 4 класса гимназии без изучения иностранных языков), 10,23% имели образование ниже уездного училища, а 8,12% — никакого. Особенно низок был образовательный ценз у чиновников Министерства внутренних дел. Так, из 1609 человек, поступивших в указанный срок на службу, высшее образование имели только 17%, среднее — 10,32, низшее — 72,68%. При этом не окончивших уездные училища было 25,06%. Надо сказать, что чиновники Министерства внутренних дел в преобладающей своей части являлись представителями полицейской власти²⁴.

Рассмотрим условия определения на службу и чиновничьего производства. Все имевшие право поступления на государственную службу начинали ее с должности канцеляриста (за исключением тех, кто получил высшее образование). Канцеляристы подразделялись на четыре разряда в соответствии с происхождением. К первому принадлежали потомственные дворяне; ко второму — дети личных дворян, купцов первой гильдии и духовенства; к третьему — дети приказнослужителей, купцов II и III гильдий и т. п.; к четвертому — дети мещан и «вообще людей, вышедших из податных сословий», которые принимались на службу до закона 14 октября 1827 г. Для всех этих разрядов устанавливались особые сроки выслу-

* Это положение об образовательном цензе чиновников в середине века подтверждается записью в дневнике А. В. Никитенко от 22 ноября 1861 г.: «Тройницкий (заведовавший отделом статистики в Центральном статистическом комитете.— Авт.) сообщил мне... любопытный статистический факт, извлеченный им из официального источника, что из 80 000 чиновников империи ежегодно открывается вакантных мест 3000. В продолжение двух или трех лет с 1857 года из всех университетов, лицеев и училищ правоведения выпускалось ежегодно 400 человек, кроме медиков. Вывод из этого: как невелико у нас число образованных людей для занятия мест в государственной службе. Я был поражен» (А. В. Никитенко. Дневник. В 3-х т., т. 2, 1858—1865. [Б.м.], 1955, стр. 243). Если принять во внимание, что не все окончивавшие поступали на государственную службу и к тому же значительное число окончивавших университет шло в ведомство народного просвещения, процент чиновников государственного аппарата с высшим образованием был ничтожен.

ги первого классного чина. Лица, окончившие высшие учебные заведения, определялись на службу, получая одновременно соответствующий классный чин²⁵. Окончившие гимназии зачислялись канцелярскими служащими высшего по жалованью разряда, а окончившие гимназии со знанием греческого языка получали чин XIV класса, т. е. коллежского регистратора*.

Итак, за исключением лиц, окончивших высшие учебные заведения, все остальные поступали на службу канцеляристами. Канцелярские служащие, как уже говорилось, подразделялись по происхождению. Этим и определялся срок получения первого классного чина**. Канцелярские служащие первого разряда производились в чин коллежского регистратора через 2 года, второго — через 4 года, третьего — через 5 лет и четвертого — через 12 лет. Для производства в чины из XIV класса в XII, из XII в X и из X в IX устанавливалась выслуга в три года. Производство же из IX в VIII, т. е. в чин коллежского асессора, для дворян осуществлялось через 4 года, для не дворян устанавливалась выслуга в 12 лет***. Кроме того, как уже говорилось выше, для получения этого чина требовалось наличие университетского диплома или аттестата о сдаче соответствующего экзамена. Срок для про-

* Окончившие духовные семинарии приравнивались к окончившим университеты и, поступив на службу, получали классный чин.

** В XIX в. число чинов равнялось не 14, а 12. Чины XIII и XI классов — сенаторского секретаря и корабельного секретаря, хотя юридически не были уничтожены, но в гражданских ведомствах никому не жаловались («Устав о службе гражданской», стр. 301). Таким образом, Табель гражданских чинов состояла из следующих чинов:

XIV класс	коллежский	ре-	VI класс	коллежский	советник
		гистратор	V	»	статский советник
XII	»	губернский се-	IV	»	действительный стат-
		кретарь			ский советник
X	»	коллежский се-	III	»	тайный советник
		кретарь			
IX	»	титулярный со-	II	»	действительный тай-
		ветник			ный советник
VIII	»	коллежский	I	»	канцлер или с нача-
		ассессор			ла 30-х годов дейст-
VII	»	надворный со-			вительный тайный со-
		ветник			ветник I класса. (Этот

чин давался очень редко. За более чем 80 лет (до 1917 г. включительно) его имели буквально несколько человек.)

*** Установление двойного срока объяснялось тем, что чин коллежского асессора до 1845 г. давал получение звания потомственного дворянина.

изводства в чин надворного советника устанавливался в 5 лет, из надворных советников в коллежские — тоже в 5 лет. Наконец, для производства в чин статского советника требовался четырехлетний срок службы в предшествующем чине. Но для производства в чин статского советника недостаточно было одной выслуги лет. Для этого требовались: 1) свидетельство о том, что представленный чиновник, по крайней мере десять лет, служил с ревностью и усердием; 2) что в числе разных должностей, по крайней мере два года, он действительно замещал место советника, прокурора или начальника какой-либо положенной по штату экспедиции (ст. 343). Кроме того, требовался отзыв начальства, в котором указывались «отличные заслуги», которые он имел.

Для производства в высшие чины никакого срока выслуги не устанавливалось, а «пожалование в оное во уважение отличных заслуг и ревностной службы зависит единственно от высочайшего соизволения»²⁶. Такой порядок чинопроизводства существовал до 1834 г., когда было издано «Положение о производстве в чины по гражданской службе». Это положение устанавливало два вида производства: «Производство в чины вообще за усердие и похвальное отправление службы, начальством засвидетельствованное»; «За отличия, состоявшие в каких-либо особенных подвигах и делах, на пользу службы совершенных, или доказавшие особенные труды и достоинства чиновника». Отсюда устанавливалось два срока выслуги лет в том или ином чине: общий и за отличие. Кроме того, положение устанавливало три разряда по образованию, и по каждому из них определялись особые сроки выслуги в чинах, как общие, так и за отличие²⁷.

Для лиц первого разряда с высшим образованием были установлены следующие сроки производства в чины:

Общие

За отличие

из XIV в XII класс 3 года	из XIV в XII класс 2 года
» XII » X » 3 »	» XII » X » 2 »
» X » IX » 4 »	» X » IX » 2 »
» IX » VIII » для дворян 4 года	» IX » VIII » для дворян 2 года
для не дво- рян 6 лет	для не дво- рян 4 года
» VIII » VII класс 3 года	» VIII » VII класс 2 года
» VII » VI » 3 »	» VII » VI » 2 »
» VI » V » 4 »	» VI » V » 3 »

Для лиц второго разряда, а именно канцелярских служителей, имевших среднее образование, устанавливались следующие сроки получения классного чина: для потомственных дворян — 1 год; детей личных дворян, купцов I гильдии и священнослужителей — 2 года; детей приказнослужителей, художников и ученых — 4 года. Для лиц второго разряда были установлены следующие сроки производства в чины:

<i>Общие</i>	<i>За отличие</i>
из XIV в XII класс 4 года	из XIV в XII класс 3 года
» XII » X » 4 »	» XII » X » 3 »
» X » IX » 4 »	» X » IX » 3 »
» IX » VIII » для дворян 4 года	» IX » VIII » для дворян 3 года
для не дворян 10 лет	для не дворян 6 лет
» VIII » VII » 4 года	» VIII » VII » 3 года
» VII » VI » 4 »	» VII » VI » 3 »
» VI » V » 6 лет	» VI » V » 4 »

Канцелярским служителям, принадлежащим к третьему разряду и имевшим низшее образование, для получения первого классного чина требовалось: потомственным дворянам — 2 года, детям личных дворян, купцов I гильдии и детям лиц духовного звания — 4 года; детям приказнослужителей, художников и ученых — 6 лет; детям купцов II и III гильдий, мещан и представителей податных сословий — 12 лет. Для лиц этой категории были установлены следующие сроки производства в чины:

<i>Общие</i>	<i>За отличие</i>
Из XIV в XII класс 4 года	Из XIV в XII класс 3 года
» XII » X » 4 »	» XII » X » 3 »
» X » IX » 4 »	» X » IX » 3 »
» IX » VIII для дворян 5 лет	» IX » VIII для дворян 3 года
для не дворян 10 лет	для не дворян 8 лет
» VIII » VII » 6 »	» VIII » VII » 4 года
» VII » VI » 6 »	» VII » VI » 4 »
» VI » V » 8 »	» VI » V » 6 лет

Таким образом, с одной стороны, предоставляются большие преимущества для дворян, во-первых, при производстве из канцелярских служителей в первый класс-

ный чин и, во-вторых, при производстве в чин коллежского асессора.

С другой стороны, устанавливались существенные льготы по образованию. Сроки производства в чины первого разряда по образованию были более чем на 50% меньше, чем для лиц третьего разряда. По общим срокам — за выслугу — производились из XIV в VIII класс для первого разряда дворяне за 24 года, не дворяне — за 26 лет; для второго разряда дворяне — за 30 лет, не дворяне — за 36 лет; и, наконец, для третьего разряда дворяне — за 37 лет, а не дворяне — за 42 года.

Такой порядок существовал до 1856 г., когда вопрос о чиновпроизводстве был пересмотрен. В этом году в Государственном совете рассматривался вопрос «Об определении общего срока производства в чины от XIV до V классов». Большинство членов Департамента законов (Д. Н. Блудов, Я. И. Ростовцев и др.) решительно высказались за ликвидацию преимуществ при производстве в чин для лиц, получивших образование. Они указывали, что «Положение 1834 года, может быть полезное в свое время, оказывается ныне анахронизмом. Это разделило чиновников на две касты: как бы опричных и опальных; оно сделало из науки спекуляцию и окончательно увлекло в службу гражданскую всех просвещенных людей, что человек образованный не остается теперь ни купцом, ни фабрикантом, ни помещиком, все они идут в службу. Если мы останемся в колее, которая тащит просвещение... только чиновными привилегиями, то Россия вперед не пойдет ни по торговле, ни по мануфактурной промышленности, ни по улучшению земледелия и быта крепостных крестьян»²⁸. Таким образом, большинство членов Департамента законов критиковало Положение 1834 г., дававшее преимущество по службе лицам образованным. Они видели в этом преграду в первую очередь экономическому развитию страны. Большинство общего собрания Государственного совета (29 голосами против 13) поддержало точку зрения большинства департамента, высказавшегося за то, чтобы отменить преимущества в производстве в следующий чин как по образованию, так и по сословной принадлежности. Александр II утвердил мнение большинства²⁹.

В соответствии с этим были установлены новые сроки для производства в чины: «При поступлении их (т. е. лиц, окончивших высшие и средние учебные заведения.—Авт.)

в действительную гражданскую службу утверждаются в том классном чине, на который им дают право их ученая степень, звание или аттестат заведения, в коем они обучались». Для производства в следующий чин устанавливались единые сроки независимо от образования и сословной принадлежности. При этом сохранилось два вида производства — «за выслугу» и «за отличие». Сроки производства за выслугу устанавливались следующие: из XIV в XII, из XII в X, из X в IX и из IX в VIII — 3 года; из VIII в VII, из VII в VI и из VI в V — 4 года³⁰. При этом уже вторично изменялся чин, получение которого давало потомственное дворянство. При производстве же «за отличие» указанные сроки сокращались на один год.

Такой порядок чинопроизводства действовал до конца XIX в., когда вновь возник вопрос об его изменении. С этой целью была создана особая комиссия.

Рассмотрим сословное положение чиновничества и порядок присвоения чинов. Согласно введенной Петром I Табели о рангах, лицам, получившим первый гражданский чин — XIV класса, жаловалось личное дворянство в отличие от офицеров, которые, будучи произведены в первый обер-офицерский чин — прапорщика, становились потомственными дворянами. Потомственное дворянство чиновник получал при присвоении чина VIII класса — коллежского асессора³¹. (Помимо этого потомственное дворянство достигалось: а) пожалованием, б) чином и получением любого российского ордена. Помимо этого чиновникам, состоящим на службе, разрешалось «просить потомственного дворянства», если «дед и отец состояли в службе в чинах, приносящих личное дворянство, не менее двадцати лет каждый».)

Увеличение числа чиновников и стремление правительства оградить от проникновения в дворянскую среду чужеродных элементов вызвали изменение законодательства. Председатель Государственного совета кн. Б. А. Васильчиков представил Николаю I записку с обоснованием вносимых изменений, в которой он обращал внимание царя «на чрезмерное изменение дворянского сословия посредством чинов как на военной, так и на гражданской службе» и предлагал «сократить способы к отвращению сего зла на будущее время, не закрывая, однако же, вовсе пути к достижению потомственного дворянства, как высшей награды службы, действительно полезной для госу-

дарства». Он писал: «Предлагаемая у сего ведомость показывает, что единственно по производству в VIII класс через Сенат, т. е. за выслугу лет, поступили в потомственное дворянство... с 1836 по 1844 год 4685* чиновников, (в то же время чин коллежского асессора получили 2558 потомственных дворян. — *Авт.*), большею частью 3 разряда по воспитанию (т. е. имевших низшее образование. — *Авт.*), следственно без всякого умственного образования, а вместе с тем и без нравственного приготовления к новому их званию. Если присоединить к тому числу поступивших в дворянство по производству в VIII класс за отличие помимо Сената, по военным чином и по орденским знакам, то безошибочно можно, кажется, сказать, что в одно настоящее царствование вошло в дворянское сословие до 20 т. [тысяч] недостойных сочленов, событие плачевное, требующее неотложных мер для отвращения столь очевидного зла на будущее время». Отмечалось, что введение Табели о рангах, направленное против местничества и дававшее право на приобретение дворянства получением первого обер-офицерского чина или в гражданской службе чина VIII класса, имело в свое время положительное значение. При этом «число лиц, приобретающих дворянство по чином, было невелико и войско было немногочисленно, в статской службе чин VIII класса присвоен был должностям: обер-секретарям в Сенате, асессорам в коллегиях, воеводам». Примерно такое же положение существовало и в 80-х годах, когда в жалованной грамоте дворянству Екатерина II подтвердила условия приобретения потомственного дворянства, изложенные в Табели о рангах. «Но и тогда еще, — пишет Васильчиков, — число войск было не так значительно, как ныне, в гражданской же службе для повышения чином требовалось повышение в должностях, которых было гораздо менее в сравнении с настоящим временем»³². Положение изменилось в 1790 г., когда был издан закон,

* Число чиновников VIII класса по сравнению с концом XVIII в. к 40-м годам XIX в. значительно увеличилось. По списку «состоящих в статской службе чинов первых осьми классов на 1796 год» (экземпляр без титула, хранящийся в библиотеке ЦГИА) чиновников этого класса насчитывалось 1524 человека, из них 566 человек военных. Согласно данным всеподданнейшего донесения Инспекторского департамента чинов гражданского ведомства от 29 декабря 1846 г., только коллежских асессоров насчитывалось 5411 человек (ЦГИА, ф. I отделения с.е.и.в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 55 «в», прил. 2).

по которому производство в чины до VIII класса начало производиться независимо от занимаемой должности³³, а в 1799 г.³⁴ это правило было распространено и на производство в чины до V класса включительно. «Таким образом, — продолжает Васильчиков, — открылся широкий путь к достижению дворянства всеми сословиями...» Всякий, занимающий должность IX класса, т. е. в губернских местах столоначальника, а в министерствах даже помощника столоначальника, может «ныне за одну выслугу лет без особенных отличий быть произведен в коллежские асессоры и сделаться потомственным дворянином. Но коллежские асессоры были членами коллегий, столоначальник же — канцелярский чиновник, самый круг занятий которого не позволяет ему принести службой своей пользу государству, достойную столь важной награды, как вечное потомственное дворянство»³⁵. Вместе с тем, по мнению Васильчикова, стремление получить потомственное дворянство имело еще одну отрицательную сторону: «Торговля, ученость, художество лишаются беспрестанно лучших своих членов, дарования отличные не обращены к истинному их назначению, дух полезной предприимчивости упадает, а число мелкопоместных владельцев ежедневно умножается к великому вреду государства и к унижению дворянского звания, столь необходимого в составе самодержавного правления.

По недостатку в твердых преградах, кои бы отделяли одно сословие от другого, каждый оставляет ремесло отца своего, пренебрегает наследственными для оногo способами и усиливается получить каким бы то ни было образом права и преимущества высшего сословия...»³⁶

Все частные меры, предпринимаемые правительством, отмечает Васильчиков, не достигали цели, а поэтому он рекомендует издать закон, по которому потомственное дворянство могло приобретаться в результате достижения высших чинов. «Что касается до опасения возбудить неудовольствие, — писал он, — то опасение сие еще могло бы иметь место, если бы предполагалось преградить совершенно чиновникам возможность достигать потомственное дворянство, но в предположении, которое здесь ныне представляется, никому не преграждает путь к повышению чинами, а переносится лишь право поступления в дворяне на чины более значительные»³⁷.

Надо сказать, что Николай I колебался в решении этого вопроса. Как рассказывает в своем дневнике

М. А. Корф, Васильчиков неоднократно ставил вопрос перед императором о необходимости изменения закона о дворянстве и в конце концов подал ему цитированную выше «историческую записку». «Сначала, — пишет Корф, — государю мысль эта была очень неугодна. Я приписываю это не только тому, что она шла не от него, но и тому, может статься, еще больше тому, что тут шла речь об ограничении прав военных, которых государь всегда считает и называет своими». Николай I продолжал колебаться, однако Васильчиков, отличавшийся большим упорством, добился своего, и царь поручил разработать ему проект закона, который, как утверждал Корф, был составлен государственным секретарем Бахтиным и согласован с председателем Департамента законов Блудовым. Переданный в Государственный совет проект был рассмотрен в одно заседание, будучи предложен просто по высочайшему повелению без упоминания имени Васильчикова³⁸. Никаких прений при обсуждении проекта не произошло³⁹.

Таким образом появился манифест «О порядке приобретения дворянства службой». В качестве преамбулы в нем говорилось: «Издравле в России дворянство приобреталось службой, но условия приобретения оного по временам изменялись с изменением порядка военной и гражданской службы»⁴⁰. Далее указывалось, что отныне первый обер-офицерский чин — прапорщика дает личное дворянство, а первый штаб-офицерский чин — потомственное. (Майор в пехоте и кавалерии и подполковник в артиллерии и инженерных войсках, где чина майора не было. Если лица, получившие первый обер-офицерский чин либо первый штаб-офицерский чин, уходили в отставку или переходили на гражданскую службу, то они теряли присвоенные им права: первые вместо личного дворянства получали личное потомственное гражданство, а вторые вместо потомственного — личное.)

Первый гражданский чин коллежского регистратора давал звание личного почетного гражданина. Такое же звание имели чиновники XII и X классов. Чин IX класса — титулярного советника давал личное дворянство, так же как и чиновникам VIII, VII и VI классов. Чин V класса — статского советника приобщал к потомственному дворянству. В 1856 г. последовало изменение положения о дворянстве, связанное с изданием закона «О сроках производства в чины по службе гражданской».

Александр II рассмотрел предложение большинства Государственного совета по поводу производства в чины до V класса включительно и согласно с этим предложением отметил: «Но с тем, чтобы впредь дворянство приобреталось в гражданской службе только чином действительного статского советника, а в военной — чином полковника»⁴¹. Небезынтересно привести данные о численности дворянства в середине века. Они содержатся в «Кратком отчете о действиях Министерства внутренних дел с 1825 по 1850 гг.». «Потомственных дворян в империи находится 253 068 человек, из них во владении своим на основании потомственного права имеют менее 10 душ крестьян 23 984 человека, вовсе ничего не имеют 148 685 человек, лично сами занимаются хлебопашеством 109 444 человека...» Хотя сумма приведенных цифр в итоге и не сходится, да к тому же эти данные не совсем ясны, имея в виду смешение различных понятий, однако это единственные более или менее точные цифры о численности дворянства. По этому поводу в отчете говорилось: «В последних, наконец, годах (1846 и 1847) на основании особого высочайшего повеления министерством собраны в первый раз возможно точные повсеместные сведения о наличном числе и настоящем положении всех лиц, состоящих в дворянском звании»⁴².

Во второй половине XIX и начале XX в. положение в отношении получения потомственного дворянства путем производства в чины оставалось прежним, его давал чин IV класса, а на военной службе — чин полковника.

Если в дореформенный период дворянское звание давал любой российский орден, то во второй половине века, как указывалось в Своде законов издания 1876 г., это достигалось только получением высших степеней орденов, за исключением двух: всех степеней ордена Владимира и Георгия. Практически чиновник даже небольшого чина мог быть награжден орденом Владимира IV степени, который давался за 35-летнюю беспорочную гражданскую службу. Военные чины награждались за 25-летнюю службу. Однако эта возможность в 1887 г. была сильно ограничена. 6 августа был издан закон, по которому представление к Владимиру IV степени давало потомственное дворянство лишь тем лицам, которые прослужили в классных или обер-офицерских чинах не менее 20 лет, а также имели орден Анны II степени, получавшийся чиновниками не ниже VI класса. С 1900 г. потомственное

дворянство давало уже получение ордена Владимира не IV, а III степени⁴³, которым награждались чины IV класса (действительные статские советники); они становились потомственными дворянами по получении этого чина (независимо от награждения орденом).

Таким образом, получение потомственного дворянства путем награждения орденами было фактически отменено.

Законы 1790 и 1799 гг., устанавливавшие производство в чины независимо от должностей, с одной стороны, и существовавшее вместе с тем штатное расписание должностей, соответствовавшее определенным классам, с другой — все это создавало огромные затруднения в чиновной иерархии. Табель о рангах, введенная в 20-х годах XVIII в., изжила себя, и чины превратились в нечто архаическое. Вот почему на протяжении XIX в. неоднократно ставился вопрос об их отмене.

Впервые этот вопрос, как указывает Б. Б. Дубенцов⁴⁴, поставил государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен в связи с пересмотром закона 6 августа 1809 г. об экзаменах на чин. По мнению Кампенгаузена, существование чинов нарушало иерархию должностей, «поелику, как повсюду почти встречается, подчиненные могут получать чины высшие против чинов своих начальников». Против этого предложения выступил министр юстиции Д. П. Троицкий, отметивший, что чины являются одним из лучших средств поощрения. Проект закона об отмене чинов рассматривался в 1823 г. в Государственном совете и в основном был решен положительно⁴⁵. Однако для дальнейшего рассмотрения вопроса была создана особая комиссия под председательством министра финансов Е. Ф. Канкрин, ярого противника ликвидации чинов, и дело приостановилось. Но через несколько лет Комитет 6 декабря 1826 г. принял решение об отмене чинов. По этому поводу была представлена на высочайшее имя записка графа Ланжерона⁴⁶. По проекту Комитета 6 декабря о чинах, говорится в объяснительной записке к проекту «Устава о службе гражданской», составленной 5 июня 1901 г., было решено установить порядок службы «не на чинах, а на должностях». Согласно с таким взглядом, предполагалось производство в гражданские чины прекратить, а самые должности разделить на степени по числу действительных военных чинов, но при этом ясно и решительно постановить, что никогда и ни в каком случае не может быть производства на степени.

Выработанный комитетом проект подвергался дважды рассмотрению Государственного совета и был им в существе одобрен⁴⁷. Этот проект не удостоился высочайшего утверждения.

К вопросу об уничтожении чинов возвратились в середине 40-х годов, когда в 1846 г. под председательством статс-секретаря А. С. Танеева, а затем генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова был образован Особый комитет для пересмотра «Устава о гражданской службе»⁴⁸. Этот комитет «также признал желательным классы соединить с должностями, причем все преимущества, сопряженные с чинами, подлежащими отмене, присвоить должностям»⁴⁹.

Против данного предложения выступил министр просвещения С. С. Уваров, представивший Николаю I обширную записку. «Россия, — патетически писал он, — не пристрастилась... ни к титулам, с немецкого довольно неудачно переведенным, ни к званиям, льстящим самолюбию, но потерявшим большую часть их приманки; причина желания чинов лежит глубже: Россия любит в табели о рангах торжественное выражение начал славянским народам драгоценного равенства перед законом, дорожит знамением мысли, что каждый в свою очередь может проложить себе путь к высшим достоинствам службы. Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого преимущества, кроме преимущества настоящего усердия, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца»⁵⁰.

С. С. Уваров предостерегал, что мысль, присущая каждому русскому подданному о том, что он «должен служить престолу», с уничтожением Табели о рангах несомненно ослабеет. «Может быть, на первый случай останется привычка посвящать несколько лет юношеской жизни государственной службе». А затем, по его мнению, никто из обеспеченных людей не захочет продолжать службу, которая для них потеряет «всю нравственную силу», а на смену служилому дворянству придет новый слой людей с особыми понятиями, «менее привязанных к правительству, а более занятых собственными выгодами»⁵¹. Резюмируя все сказанное, граф писал: «Таким образом государственная служба вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего,

имеющих свое особое направление и совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования.

В скором времени этот класс, при уклонении от службы престолу высшего и незрелости низшего, возникнет с непреодолимой силой и тем ознаменуется переход политической деятельности в руки среднего класса, что в прочих европейских государствах называется *tiers etat* или *Bourgeoisie*»⁵². Николай I, по-видимому, положительно воспринял совет гр. Уварова, и вопрос об отмене чинов был похоронен.

Этот вопрос обсуждался и в начале царствования Александра II, в 1858 г., причем комитет под председательством Д. Н. Блудова также пришел к мысли, которая была высказана прошлыми комитетами: «Отменить производство в гражданские чины отдельно от должностей, учредив порядок службы гражданской на иных, более правильных основаниях». Однако Александр II не считал возможным осуществить эту реформу «впредь до увеличения материального вознаграждения служащих, назначением чиновникам удовлетворительных окладов»⁵³.

Вновь вопрос об уничтожении чинов обсуждался в начале 80-х годов. 28 октября 1883 г. было создано Особое совещание под председательством управляющего с.е.и.в. Канцелярией А. С. Танеева в составе члена Государственного совета Э. В. Фриша, государственного секретаря Половцова и помощника управляющего I отд. с.е.и.в. Канцелярией К. К. Ренненкампа. Уже в первом заседании 29 февраля 1884 г. оно признало необходимым отметить гражданские чины, так как «соотношение между чином и служебным положением лица, его носящего, сделалось ныне явлением почти случайным и вследствие того чин окончательно утратил всякое полезное значение»⁵⁴.

Как указывалось в докладе об итогах работы Особого совещания, анализ списков чиновников различных учреждений показывает, что равные по классу должности занимают совершенно разные по чинам лица. «Из числа лиц, помещенных в официальных списках чинов 1883—1884 гг. IV класса, не более 60% занимают должности, соответствующие своему классу, их чину или стоящие на одну степень выше или ниже сего последнего. Все

же остальные действительные статские советники либо не несут никаких определенных служебных обязанностей, или исправляют такие должности, состоя в коих по закону... не могли быть представлены производству в чин IV класса». Стремление к получению высоких чинов столь велико, отмечалось в докладе, что, «невзирая на все принятые в продолжение последних 15-ти лет мер к ограничению числа наград и затруднению условий получения оных, число тайных советников с 1858 по 1884 год увеличилось почти втрое, а число действительных статских советников почти в три с половиной раза». В 1858 г. чинов III класса было 178, в 1884 г. — 530; IV класса — соответственно 674 и 2266⁵⁵.

Руководствуясь всем этим, совещание приняло решение: «Заменить существующую ныне систему гражданских чинов особою новою иерархией должностей, предоставив присвоенные в настоящее время чинам права и преимущества должностям соответствующих степеней». Вместе с тем предлагалось немедленно прекратить производство в чины отдельно от повышения в должностях. Рекомендовалось также сохранить существующие чины у отдельных лиц «впредь до назначения на должности высшего сравнительно с нынешними их чинами разряда»⁵⁶.

Это предложение Особого совещания было утверждено Александром III 2 апреля 1884 г. Рассмотрение вопроса продолжалось в течение 1884—1885 гг.⁵⁷ В заключение Особое совещание предложило внести вопрос об уничтожении чинов на рассмотрение Государственного совета. На что Александр также дал свое согласие.

Предложение Особого совещания было разослано на отзыв министрам и главноуправляющим ведомствами. Все они, кроме одного, не согласились с предложениями совещания. Министр внутренних дел И. Н. Дурново в своем отзыве прямо указывал, что «гражданские чины должны быть сохранены». Решительно против высказался и К. П. Победоносцев, не усмотревший в сохранении чинов «никаких существенных неудобств». Такой же позиции придерживались министр государственных имуществ М. Н. Островский, военный министр П. С. Ванновский. Министр народного просвещения И. Д. Делянов тесно связывал это предложение с ослаблением государственных начал: «Мы только что вышли из периода, когда в общественных суждениях преобладало чрезвы-

чайню мягкое отношение к изменениям в государственном строе нашего отечества и обнаруживались по этой части разнообразные неосновательные чаяния. Отмена чинов, как и всякое уменьшение силы и действия государственного начала, входила в область таких чаяний. Преобразования такого рода могли бы ныне показаться вступлением на путь не укрепления, а умаления государственного начала и вновь возбудить колебания умов»⁵⁸. Отрицательные отзывы прислали также министр иностранных дел Н. К. Гирс, министр юстиции И. А. Манасин.

Министр финансов Н. Х. Бунге отмечал, что уничтожение гражданских чинов при сохранении их в военном и морском ведомствах поведет к «принижению гражданской службы с точки зрения, существующей в нашем обществе», в силу чего этот вопрос должен быть разрешен «с особенной осторожностью».

Решительным сторонником отмены чинов выступил морской министр И. А. Шестаков. «Чинопочитание, — писал он в своем отзыве, — отжило свой век... Злоупотребление чинами дошло уже до такой степени, в которой не может быть искоренено законами... По высказанным убеждениям, я решился прийти к следующим выводам: а) чины утеряли первоначальное свое значение и представляют ныне в государственном строении нечто ложное, декоративное;

б) они порождают несправедливость в отношении к служащим той же власти, вынуждая ее умалять значение собственных наград;

в) они направляют общество по ложному пути в экономическом смысле, умножая число неспособных к труду и жаждущих вознаграждения за заслуги, которые высказались только своевременными получениями повышений;

г) общество издевается над ними, а народ никогда не признавал их и не поймет их значения»⁵⁹.

Положительно отозвался по вопросу отмены чинов также управляющий конезаводством, будущий министр двора И. И. Воронцов-Дашков.

Получив большинство отрицательных отзывов, председатель Особого совещания Танеев решил отступить от принятого им же решения. Об этом рассказывает в своем дневнике А. А. Половцов. «Приехав домой, — заносит он в дневник 17 декабря 1886 г., — нахожу присланный в мое отсутствие конверт с бумагами от государя.

В конверте оказывается записка, поданная ему Танеевым, в которой Танеев ввиду оппозиции большинства министров, высказавшихся против уничтожения чинов, предлагает вместо проектированной в совещании меры... урегулировать чиновпроизводство устройством Инспекторского департамента гражданского ведомства, разумеется, под начальством его, Танеева. Посылку эту я получил при следующей записке государя... «По-видимому, чиновничество желает провалить это дело, а я этого не желал бы. Что делать и как повести его, чтобы добиться результата? Александр»». В записи от 18 декабря Половцов приводит целиком ответ царю. Несмотря на то что он являлся сторонником отмены чинов, Половцов рекомендовал вынести этот вопрос на обсуждение Государственного совета, а также создать еще одно Особое совещание из более влиятельных лиц под председательством вел. кн. Владимира Александровича, чтобы ослабить оппозицию⁶⁰.

Мы не знаем, как разворачивались события, но никаких новых совещаний или комиссий по этому поводу более не создавалось, а чины отменены не были.

Вопрос об отмене чинов приобрел особую остроту в условиях пореформенного развития страны, когда ряд ведомств начали пополняться лицами, переходящими с частной службы на государственную, а следовательно, либо не имевшими чинов, либо находившимися в чинах, не соответствующих занимаемому ими положению. Так, С. Ю. Витте, управляющий юго-западными дорогами, в момент его назначения директором Департамента железнодорожных дел имел чин IX класса (титулярного советника), а получил сразу чин IV класса — действительного статского советника. В связи с этим в дальнейшем были изданы законы, устанавливавшие вопреки «Уставу о службе гражданской» новые правила определения на государственную службу лиц ведомства Министерства финансов.

Несмотря на неоднократное обсуждение вопроса об отмене чинов, они просуществовали вплоть до 1917 г. В конце 90-х годов в Комитете для пересмотра «Устава о службе гражданской» этот вопрос опять рассматривался, но и на сей раз был решен отрицательно.

В июле 1895 г. при Государственном совете была образована комиссия «для пересмотра устава о службе гражданской и других относящихся к сей службе поста-

новлений». Как справедливо замечает Ю. Б. Соловьев в монографии «Самодержавие и дворянство в конце XIX века», главным в работе комиссии «стал, естественно, вопрос о том, из кого будет состоять аппарат государственной власти и какое место займет в нем дворянство»⁶¹. Председателем комиссии был назначен статс-секретарь Е. А. Перетц, заместителем — член Государственного совета И. И. Шамшин, а также два помощника статс-секретаря Государственного совета Г. М. Петров и П. А. Харитонов. Впоследствии состав комиссии значительно расширился. В 1901 г. в нее входил 31 человек: в их числе ряд членов Государственного совета (П. Л. Лобко, А. А. Искуль фон Гильденбах, А. П. Черевинский), а также представители разных ведомств. В 1899 г. комиссию возглавил Шамшин. В течение первых двух лет, 1896 и 1897 гг., собирались необходимые сведения, относящиеся к рассмотрению различных сторон гражданской службы: о чинах и гражданском чиновпроизводстве, об условиях определения на гражданскую службу, о прохождении службы.

Комиссия, закончив свою работу, в 1901 г. представила доклады, подробно характеризовавшие ее деятельность, к рассмотрению которых мы и перейдем.

По первому вопросу о чинах и гражданском чиновпроизводстве комиссия пришла к заключению о необходимости сохранения чинов, руководствуясь тем, что «чин до сих пор имеет значение царской милости. Сия ценность присваивается ему, [т. е. определенному лицу], независимо от сопряженных с ним сословных преимуществ и необходимости его [иметь] теперь для получения высших служебных положений».

«Ввиду сего Комиссия, — писал Шамшин в докладе от 4 мая 1901 г., — признала необходимым сохранить чины в гражданской службе и лишь исправить те недостатки гражданского чиновпроизводства, которые давно уже возбуждают справедливые на них сетования». С этой целью комиссия рекомендовала: а) отменить «пожалование» чинов за окончание учебных заведений, а вместо этого лиц, окончивших таковые, назначать на должности XI—VII классов (что собственно было и ранее); б) отменить производство в чины за выслугу лет, за обыкновенную выслугу лет с присвоением чину исключительно характера награды, жалуемой верховной властью за действительные заслуги. С этой целью рекомендовалось

ввести чины «в общий ряд постепенно жалуемых наград». По мнению комиссии, число наград в этом случае возросло бы до 26, имея в виду награду орденами и чинами. Однако в связи с тем, что число наград оказывалось слишком велико, полагалось упразднить четыре чина — коллежского регистратора, коллежского секретаря, коллежского асессора и коллежского советника; в) отменить существующие правила, «коими требуется, чтобы определяемый на должность имел соответствующей ей чин»⁶². Однако, как говорилось в другом докладе, «Комиссия отнюдь не имеет в виду порвать всякую связь между чинопроизводством и должностями государственной службы. Напротив того, она полагает, что применительно к порядку, соблюдаемому при награждении орденами, пожалование чинов должно подчиняться также известным ограничениям в смысле соответствия жалуемого чина иерархическому значению должности, которую занимает награжденное лицо»⁶³.

На сей раз комиссия по вопросу об уничтожении чинов не решилась в отличие от прежних решений поставить вопрос об отмене чинов и ограничилась полумерами.

Комиссия обсуждала также условия определения на службу чиновников, т. е. сохранить ли существующий сословный ценз либо отменить его. Практически принцип сословности не всегда соблюдался. Как указывалось в одном из докладов комиссии, из принятых на службу в 1894—1895 гг. 4132 человек около 30% не подошли бы под действие общих правил «Устава о службе гражданской»⁶⁴. В связи с тем что в конце XIX в. государственный аппарат значительно расширился, возникла необходимость в увеличении численности чиновников. «С развитием в последнее время правительственной деятельности министерства, не находя достаточного числа лиц для замещения должностей в среде тех, коим дозволено поступать в гражданскую службу, были вынуждены испрашивать разрешения на определение в службу лиц, не имеющих этого права. Таких разрешений последовало уже 33, из коих многие относятся к большому числу должностей. Очевидно, — говорилось в докладе, — что... сохранение существующих правил... повлечет за собой лишь требование и допущение новых из них изъятий»⁶⁵.

Таким образом, сама жизнь настоятельно требовала отмены сословных ограничений. Однако по этому вопро-

су комиссия не пришла к единогласному решению. Так, меньшинство членов комиссии — государственный контролер П. Л. Лобко и товарищ министра внутренних дел А. С. Стишинский полагали «необходимым сохранить в гражданской службе сословный ценз, допуская в сию службу лиц привилегированных классов с меньшим образованием, а из других сословий лишь тех, которые окончат курс в гимназиях и высших учебных заведениях». Это предложение было нелепым даже с точки зрения самых консервативных воззрений. Оно естественно должно было привести к увеличению в государственном аппарате дворянских недоучек и тем самым в конечном счете ослаблять роль дворянства как сословия. Все остальные члены комиссии, даже консервативно и реакционно настроенные, настаивали на уничтожении всякого сословного ценза, справедливо заметив, что «во многих случаях принадлежащие к привилегированным классам могут оказаться незаслуживающими предоставления им исключительного права. Существование для поступления на гражданскую службу двойного образовательного ценза... в действительности составляет льготу не для молодых людей, в коих плодотворна и жива дворянская сила, а в пользу недоучек, от которых трудно ожидать полезной служебной деятельности»⁶⁶.

В своем представлении в Государственный совет 5 июня 1901 г. И. И. Шамшин, выражая мнение большинства, писал: «Нельзя с точки зрения понятий, отвлеченных и отчасти предвзятых, делить подданных государства соответственно происхождению их на более и менее достойных служить государю и отечеству. Устанавливаемые с такой целью перегородки и рамки оказываются всегда искусственными и не соответствующими действительным потребностям жизни, а потому вредными».

Комиссия признала целесообразным повысить образовательный ценз для поступления на службу, так как общеобразовательный уровень чиновников был невысок. По данным, приводимым в докладе комиссии, из 4339 человек, определенных на государственную службу с 1 ноября 1894 по 1 августа 1895 г., 32% получили высшее образование, 15% окончили курс средних учебных заведений, а 52,5% обучались в уездных училищах или получили даже меньшее образование⁶⁷.

Для поступления на гражданскую службу по существовавшему законодательству требовались познания в

объеме уездного училища. Комиссия признала, что для поступления на службу необходимо установить образовательный ценз в объеме шести классов среднего учебного заведения, однако тут же следовала оговорка, чтобы «временнo, до возможности окончательно ввести это правило в действие, допускались на службу и лица, выдержавшие испытание по программе». Эта программа должна была соответствовать объему знаний, требуемых для экзамена вольноопределяющихся II разряда⁶⁸.

Касаясь вопроса о продвижении по службе, комиссия предложила, «чтобы повышение в классных должностях совершалось не иначе как в последовательном порядке их классов после известного числа лет службы на каждой должности»⁶⁹. При этом срок пребывания в каждой классной должности зависел от степени образования. Так, тем, кто имел высшее образование, для получения должности VII класса требовалось 3 года, VI класса — 6 лет, V — 9, IV — 12 лет. Для лиц, выдержавших испытание в объеме программы для вольноопределяющегося II разряда, сроки значительно удлинялись: для VII класса — 8 лет, VI — V — 17, IV — 20 лет. Таким образом, комиссия в отношении порядка прохождения службы пришла к положению, которое было отменено в 50-х годах: продвижение по службе ставилось в зависимость от уровня образования.

Надо сказать, что предложения Комиссии по пересмотру «Устава о службе гражданской» не отличались радикализмом, даже вопрос о сословности не был решен единогласно. Здесь сказалась та обстановка рутины и реакции, которая господствовала на рубеже XIX и XX вв. Однако и эти предложения комиссии фактически не были приняты. Представление Шамшина не рассматривалось в Государственном совете.

Только в конце 1906 г., под влиянием революционных событий, был издан закон, по которому производство в первый классный чин производилось вне зависимости от сословной принадлежности. Во изменение установленного порядка, говорилось в законе, «производство в первый классный чин делится на разряды в зависимости от полученного образования»⁷⁰. Канцелярские служащие, имевшие среднее образование, относились к первому разряду, не имевшие указанного образования — ко второму. Вместо сословного принципа при получении чинов устанавливался образовательный.

Рассмотрим законы, определявшие службу по выборам. Согласно закону 7 ноября 1775 г., ряд должностей губернской и уездной администрации замещался по выборам дворянства. К этим должностям помимо выбора представителей дворянской корпорации — предводителей дворянства, депутатов Депутатского дворянского собрания принадлежали председатели палат уголовного и гражданского суда, заседатели этих палат, совестный судья, уездные судьи и заседатели уездных судов. Кроме этих должностей замещались посредством выборов дворянства по полицейскому управлению земские исправники и заседатели земских судов. Это положение распространялось на Владимирскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Казанскую, Костромскую, Курскую, Калужскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Орловскую, Пензенскую, Полтавскую, Псковскую, Рязанскую, С.-Петербургскую, Сибирскую, Саратовскую, Смоленскую, Слободско-Украинскую (Харьковскую), Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Херсонскую, Черниговскую и Ярославскую губернии. В случае если на указанные должности не было выборов, они замещались по назначению правительства. Участвовать в выборах на должности, т. е. «лично избирать в должности, пользуется дворянин, имеющий не менее ста душ крестьян мужского пола, ему принадлежащих, или ста поселян, живущих на собственной его земле по условию, с ним заключенному, а также имеющий не менее 3000 десятин земли, хотя и ненаселенной, но в одной губернии»⁷¹.

Однако избирать на эти должности могли не только потомственные дворяне, не имевшие никакой собственности, но и личные дворяне. Как правило, избранные на те или иные должности должны были иметь гражданский или военный чин. Некоторые из выборных должностей, не требовавшие чина свыше X класса, могли замещаться и лицами, не имеющими чина, которые получали таковой «за уряд», т. е. на время исполнения данной должности. Срок избрания выборных лиц в губернские и уездные учреждения устанавливался в 6 лет. Председатели палат уголовного и гражданского суда, а также совестные судьи утверждались Сенатом из числа двух кандидатов, получивших наибольшее число баллов⁷².

Все прочие избранные дворянами чиновники утверждались в должностях губернатором. Надо сказать, что после избрания они превращались в коронных чиновни-

ков и никакой зависимости от дворянских обществ не существовало. Только в прибалтийских губерниях, где дворянские привилегии зиждились на средневековом рыцарском праве времен Ливонского ордена и шведских законов XVII в., избранные дворянством должности судебной и полицейской власти подчинялись не коронным властям, а дворянским корпорациям⁷³. Все избираемые дворянством должности просуществовали до начала 60-х годов. В результате полицейской реформы 1862 г. были ликвидированы земские суды и созданы уездные полицейские управления, не имевшие выборных заседателей, а главой полицейской власти как в уезде, так и в городе стал назначаемый правительством исправник⁷⁴.

Выборные судебные должности были уничтожены в результате издания судебных уставов 20 ноября 1864 г., ликвидировавших палаты уголовного и гражданского суда, совестный и уездный суды. В пореформенный период на классные должности избирались только мировые судьи. Этот институт был создан для рассмотрения мелких уголовных преступлений и незначительных по сумме гражданских исков. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями и городскими думами сроком на три года и утверждались Первым департаментом Сената. Для выбора мирового судьи требовался двойной ценз — имущественный и образовательный. В сельских местностях имущественный ценз равнялся двойному цензу для участия в выборах по первой курии частных землевладельцев. Участие в земских выборах по этой курии требовало владения землей в размере не менее 100 душевых наделов, в зависимости от губернии и уезда от 275 до 1200 дес. земли. Таким образом, чтобы быть избранным на пост мирового судьи, нужно было владеть от 550 до 2400 дес. земли или имуществом на сумму не менее 15 тыс. руб. В городах ценз был значительно ниже: в столицах — владение недвижимым имуществом в размере 6 тыс. руб., а в других городах — 3 тыс. руб.

Мировой судья должен был иметь среднее образование⁷⁵.

В 1889 г. в связи с созданием института земских начальников мировой суд был ликвидирован (исключение Петербург, Москва и Одесса). В сельских местностях он был заменен институтом земских начальников. Земские начальники назначались правительственными властями.

В прибалтийских губерниях до 80-х годов сохранились выборы дворянством полицейской администрации и судей. Положение 19 февраля 1861 г. учредило органы крестьянского общественного управления, состоявшие из выборных сельских старост, сборщиков податей, волостного правления, волостного старшины и членов волостного суда, а также назначаемой низшей полицейской администрации (десятских, сотских). Однако все эти должностные лица, хотя и составляли часть государственного аппарата, не являлись чиновниками.

* * *

Для периода царствования Николая I характерно значительное усиление принципов самодержавия, что находило свое выражение в крайней централизации управления.

В целях подчинения себе всего государственного аппарата 5 сентября 1846 г. Николай I создал при I отделении собственной е.и.в. Канцелярии Инспекторский департамент гражданского ведомства⁷⁶. Это было вызвано, как указывалось в одном из официальных документов, озаглавленном «Причина образования Инспекторского департамента гражданского ведомства», различными недостатками, обнаруженными Николаем I в составе чиновничества, их продвижением по службе и вообще отсутствием единства учета их*.

Занимаясь изучением состава чиновников, император усмотрел «много таких лиц, у которых показываются благоприобретенные имения. Много состоящих при Герольдии, причисленных к министерствам и главным управлениям сверх штата, не имеющих занятий по службе, но пользующихся правами и преимуществами, предоставленными по службе, а также состоящих в одно и то же время в разных министерствах и управлениях.

Много состоящих на службе, несмотря на их признанную неблагонадежность, и даже и таких, которые после судимости их подвергались «за преступления при более ясных доказательствах лишению прав состояния»^{77**}.

* Учетом чиновничества занималась Герольдия, входившая в состав Сената.

** Тот факт, что инициатива создания Инспекторского департамента принадлежала Николаю I, отметил и М. А. Корф. «Эта мысль,— заносит он в свой дневник 12 сентября 1846 г.,— родилась у самого государя при предпринятой им прошлою зимою и весною эюрации гражданских ведомств от лишних чиновников, т. е. от тех,

Далее указывалось, что производство в чины по гражданской службе разобщено по отдельным ведомствам, что обусловливается отсутствием должной сосредоточенности всех этих вопросов в одном месте.

В Положении об учреждении Инспекторского департамента говорилось, что «Департамент по существу предметов, до личного состава гражданских чинов относящихся, обязан собирать и сосредоточивать в себе все сведения, необходимые для успешного направления вверенной ему части наблюдать за точным исполнением существующих постановлений относительно службы гражданских чиновников». В соответствии с этим в ведение департамента вошли следующие вопросы:

а) определение на службу всех классов чинов и имеющих право на классный чин,

б) производство в чины,

в) увольнение вовсе от службы классов чиновников,

г) увольнение в отпуск в тех случаях, кои превышают власть, данную министрам и главнокомандующим отдельными частями,

д) определение к должностям, отнесенным по расписанию к первым VI разрядам, увольнение от сих должностей и перемещение,

е) переименование из военных в гражданские чины, равно возвращение прежних военных чинов,

ж) принятие в российскую службу иностранцев, давших присягу на вечное подданство,

з) исключение из списков выбывающих из службы чиновников увольнением от оной смертью или приговором суда»⁷⁸.

Вместе с тем департамент обязан был хранить «в надлежащей полноте» формулярные списки всех состоящих на государственной службе классов чинов, а также вести общий список всех состоящих на службе чиновников,

которые, числясь по особым поручениям или вдруг в нескольких местах, ничего не делали» (ЦГАОР, ф. Собрания рукописей Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. IX, л. 12). Проект учреждения Инспекторского департамента, составленный управляющим I отделения с.е.и.в. Канцелярии Танеевым, был утвержден Николаем I без обсуждения его ни «в Государственном Совете, ни в другом месте». Действительно, отец-командир-самодержец всероссийский, обнаружив «в своей команде беспорядки», решил учредить по образцу военного министерства Инспекторский департамент гражданского ведомства, хотя условия существования этих ведомств и порядки, сложившиеся в них, были весьма и весьма различны.

«О коих начальства имеют обязанность доставлять ежемесячно сведения». Таким образом, все вопросы, связанные со службой чиновников гражданского ведомства, должны были сосредоточиваться в Инспекторском департаменте. В своей резолюции по поводу создания департамента Николай I писал: «Беспорядок и совершенный хаос, существовавший в Герольдии по заведованию служащими по гражданской части, заставил меня взять от оной сию часть дел и образовать Инспекторский департамент. Цель достигнута: порядок, отчетность заменили беспечность и злоупотребления разного рода»⁷⁹.

Во главе этого управления был поставлен крупный чиновник — А. С. Танеев с титулом главноуправляющего, а непосредственно директором департамента назначен некий А. А. Кованьков, «человек, — как писал Корф, — ограниченный, малопросвещенный и никогда нигде путно не служивший, а Танеев в прибавку ко всем тем же качествам еще и человек крайне неблагонамеренный, привязчивый и вздорный педант, который будет жать и теснить, где лишь можно... Что касается до сущности, увидим, но нельзя предполагать, чтобы дело, хотя и самое пустое, но очень спорное, было хорошо и зрело обдуманно таким человеком... Вообще, — замечает он, — едва ли можно основательно применять здесь порядок военный* без препинания движения частей и крайнего стеснения гражданской службы»⁸⁰.

Эти слова Корфа оказались пророческими. Инспекторский департамент был поставлен на широкую ногу. Согласно приказу по департаменту от 16 декабря 1846 г., он подразделялся на 4 экспедиции. В приказе был перечислен 41 человек. Анализируя список, мы видим в нем только начальствующий состав департамента: директора, вице-директора, правителя канцелярии, 5 делопроизводителей и 33 столоначальника. Ни один младший чиновник, ни тем более канцелярский служитель, не имеющие чина, не были включены в него. Если учесть, что в каждом столе должно было быть по крайней мере два младших чиновника и такое же число канцеляристов, то численность департамента была значительно больше. Штат департамента к моменту его образования составлял 92 человека, в том числе 50 писарей и один врач⁸¹.

* В военном министерстве существовал Инспекторский департамент, ведавший учетом как рядового, так и офицерского состава.

По словам Корфа, Инспекторскому департаменту было предоставлено одно из лучших казенных зданий Петербурга, один из домов французского посольства, где в последнее время останавливались приезжавшие в Петербург иностранные принцы, а также И. Ф. Паскевич — князь Варшавский.

Деятельность департамента находила свое выражение в представлявшихся ежегодно всеподданнейших отчетах с подробными приложениями, в которых приводились данные о численности чиновников по классам и ведомствам, а также сведения о лицах, произведенных в следующий чин, о чиновниках, находящихся под судом; кроме того, составлялась ведомость, в которой фигурировали чиновники, приобретающие недвижимую собственность. Последняя особенно тщательно рассматривалась Николаем I*. Как явствует из отчетов департамента, примерно 90% производилось по выслуге лет, а 10% — за отличие по службе⁸².

В отчете департамента за 1850 г. говорилось: «Четырехлетний опыт доказал, что высочайшая мысль принять в державную руку Вашу нить управления той частью, которая была некогда столь отдаленною от монаршего взора, принесла свою пользу во многих отношениях: а) все, что не имело общности, что исполнялось отдельно, пришло к возможному единству; б) «Устав о службе гражданской» получил должную силу через общее распространение действия его в смысле и силе закона на личный состав чинов гражданских; в) поступление на службу, увольнение от оной, переход из одного ведомства в другое, производство в чине и все прочие постановлениями указанные перемены в иерархической служебной постепенности совершаются ныне на положительных началах системы центрального управления в одинаковом общем порядке»⁸³. Таким образом, создание Инспекторского департамента в определенной степени способствовало усилению централизации управления.

* Сенатор К. И. Фишер отмечает в своих записках, что просмотр этих списков ровно ничего не давал, ибо чиновники всегда находили причину доказать источник средств для приобретения недвижимой собственности. Иногда же ответы носили характер наглого издевательства, как, например: «Имение приобретено женою на подарки, полученные ею в молодости от графа Бенкендорфа» («Исторический вестник» 1908, № 5, стр. 435).

Однако концентрация в одном ведомстве всех вопросов, связанных с чиновниками, приводила к ряду неудобств, и прежде всего значительно увеличила размеры канцелярской переписки.

В конце 1857 г. председатель Государственного совета кн. Орлов сообщил «всем министрам, что государь император усматривал, что с учреждением Инспекторского департамента гражданского ведомства чрезвычайно усилилась переписка во всех без изъятия высших и низших правительственных установлениях, между тем как сим учреждением не достигнута та цель, которая была принята в основание оного — именно улучшение личного состава гражданских чинов... Соизволил повелеть предоставить всем министрам и главным управляющим сообразить, какими средствами можно было бы уменьшить и ограничить огромную переписку, возникшую с учреждением означенного департамента». На этот вопрос все опрашиваемые ответили, что «установленный в 1846 году порядок заведования личным составом чинов удобен»⁸⁴.

В связи с этим вопрос об Инспекторском департаменте гражданского ведомства был поставлен на обсуждение Комитета министров, где и обсуждался 8 и 15 апреля 1858 г. В результате обсуждения было решено Инспекторский департамент упразднить⁸⁵.

Определение на службу, перемещения и увольнения чиновников до VII класса включительно решались в губернских учреждениях, а чинов от VI класса и выше — в соответствующих ведомствах, т. е. министерствах и главных управлениях. При этом вопрос о высших чиновниках первых четырех классов разрешался с «высочайшего согласия», т. е. представлялся на «благоусмотрение» царя.

Все производство в чины сосредоточивалось в Департаменте герольдии Сената. Таким образом, восстанавливался порядок, который существовал до 1846 г.

18 апреля 1858 г. Александр II утвердил решение Комитета министров, и 1 января 1858 г. Инспекторский департамент гражданского ведомства прекратил свое существование.

* * *

До начала 90-х годов положение в отношении чиновников сохранилось то же: их судьбы решались либо в губернских, либо в центральных учреждениях. В начале

90-х годов возник вопрос о возрождении Инспекторского департамента гражданского ведомства. Инициатором выступил министр двора гр. И. И. Воронцов-Дашков. Его ближайший друг А. А. Половцов в дневнике 22 ноября 1894 г. пишет: «Между прочим, В[оронцов] сознается, что он представил покойному государю доклад об учреждении Инспекторского департамента гражданского ведомства»⁸⁶.

6 мая 1894 г. был издан указ, по которому созданный в 1892 г. Комитет о высочайших наградах переименовывался в Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах и вместе с тем создавался Инспекторский отдел в составе с.е.и.в. Канцелярии. Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах рассматривал все вопросы, вносимые в него Инспекторским отделом, являвшимся рабочей частью этого комитета. Комитет возглавлялся канцлером Капитула российских императорских и царских орденов (два польских ордена Станислава и Белого Орла, включенных в состав российских орденов после подавления восстания в Польше в 1831 г., именовались царскими). Канцлером Капитула орденов являлся министр императорского двора гр. Воронцов-Дашков, а главой Инспекторского отдела — помощник управляющего с.е.и.в. Канцелярией А. С. Танеев, обладавший правами директора департамента. В указе говорилось: «Мы признали необходимым подчинить непосредственному нашему руководству и наблюдению все дела, касающиеся заведования гражданскими чинами империи в полном их составе, сосредоточив делопроизводство по своим делам в Собственной нашей канцелярии». В соответствии с этим подчеркивалось, что «обо всех переменах в служебном положении должностных лиц гражданского ведомства... остается один общий по империи высочайший доклад». Ни одно лицо не может считаться назначенным на должность или уволенным от должности «до воследования высочайшего о сем указа»⁸⁷. Надо заметить, что закон предоставил администрации право временно зачислять на службу и должность впредь до утверждения этих назначенных верховной властью.

Таким образом, все вопросы, касавшиеся определения на службу и должность, увольнения в отставку и перемещений по службе до коллежского асессора включительно, должны были решаться в Комитете о службе

гражданских чиновников, а также Инспекторским отделом.

Указ 6 мая 1894 г. устанавливал значительно большую централизацию, нежели в ранее существовавшем Инспекторском департаменте гражданского ведомства. В последнем вопросы определения на должности решались только для чинов первых шести классов. Создание Комитета о службе гражданских чиновников естественно вызвало недовольство большинства высшей бюрократии. Так, министр юстиции Н. В. Муравьев, получив соответствующий указ, был настолько ошеломлен, что сразу обратился к Александру III с просьбой задержать его опубликование. «Означенное положение представляет, — писал он, — в нынешней редакции своей весьма крупные нелепости, могущие подать повод к самым серьезным затруднениям и недоразумениям при практическом его осуществлении, и сверх того до чрезвычайности усложнит и замедлит ход вверенных каждому ведомству управления отведенной ему областью государственной деятельности». Одновременно Муравьев указывал, что закон может «в самом корне поколебать необходимую силу министерской власти над подчиненными ей должностными лицами и тем причинить крайне нежелательный ущерб правительственному авторитету». Доклад Муравьева был оставлен Александром III без последствий. Он вернул его министру юстиции, сделав ряд замечаний. На первом листе было написано: «Удивлен этим странным докладом», а против фразы о необходимости задержать публикацию доклада до совещания с министрами стояло: «Если бы я желал получить отрицательный ответ, то, конечно, обратился бы к министрам»⁸⁸. Как пишет в дневнике Половцов, созданием Инспекторского отдела был возмущен и Витте.

Близкий к придворным кругам, бывший адъютант вел. кн. Константина Николаевича генерал А. А. Киреев в июне 1894 г. вносит в дневник красноречивую запись: «У нас все делается как-то случайно, не соображаясь ни с чем... Так появился указ, восстанавливающий Инспекторский департамент для статских. Инициатором оказывается Непорожнев — герольдмейстер... Вообще произвол министров был ничем не связан, но теперь впали в другую крайность. Все назначения должны делаться по высоч[айшему] приказу. Очевидно, госуд[арь] не может иметь ни малейшего понятия о служащих в каком-ни-

будь Охотске! Выходит, что теперь за все назначения дураков или мошенников, за которые прежде отвечал министр или губернатор, будет нести ответственность царь!»⁸⁹

Однако, несмотря на явную несообразность создания подобной централизованной системы управления чинами гражданского ведомства и недовольство большинства представителей высшей бюрократии, 4 июля были созданы «Дополнительные правила о производстве дел по инспекторской части гражданского ведомства», еще более ограничивавшие права министров и губернской администрации. В них говорилось: «Подлежащие начальства при замещении вакантных мест... впредь до восполнения высочайшего приказа не должны определять на оные лиц, на государственной службе не состоящих»⁹⁰. Таким образом, «подлежащие начальства» могли назначать временно, до издания приказа, только лиц, перемещенных с одной должности на другую.

С 1 ноября 1894 г. Инспекторский отдел начал свою деятельность. Уже спустя четыре месяца обнаружилось, что система, положенная в основу его работы, оказалась несостоятельной. На практике решение всех вопросов, связанных со службой огромной армии чиновников в одном учреждении, оказалось почти нереальным. Такая централизация значительно усложняла, если не дезорганизовывала работу государственного аппарата. Действительно, назначение или увольнение любого должностного лица независимо от чина могло быть произведено только по приказу, подписанному царем. Это создавало огромные трудности, особенно когда назначение касалось лиц, служивших на отдаленных окраинах.

14 марта 1895 г. Николаю II была представлена записка, ставившая вопрос о целесообразности ликвидации Инспекторского отдела. «Четырехмесячный опыт применения сего порядка доказывает с очевидностью не только неудобства оного, но и совершенную невозможность согласить оный с самыми основными условиями и потребностями гражданской службы, так что дальнейшее его продолжение угрожает крайним обременением и расстройством целого механизма служебных отношений»⁹¹.

Ниже указывалось, что степень централизации всех вопросов, связанных со службой чинов гражданского ведомства, оказалась значительно большей, чем в 40—50-х

годах (время существования Инспекторского департамента). Далее говорилось об огромном возрастании канцелярской переписки в связи с централизацией этой отрасли управления, послужившей причиной ликвидации в прошлом Инспекторского департамента. «Но затруднения того времени, как они ни были велики, — отмечалось в записке, — бледнеют перед теми затруднениями, кои возникают ныне по случаю учреждения Инспекторского отдела, и перед той перепиской, которая достигает уже до пределов физической невозможности, напоминая собой действие машин, истощающих свои силы в бесцельной работе и в бесплодном трении. Стоит сравнить число служащих чиновников в центральных и в местных управлениях целой империи в 50-х годах и ныне по некоторым ведомствам едва ли не удесятерившееся, чтобы убедиться в том, какое невозможное и бесцельное бремя возложено ныне формальной перепиской на все существующее управление»⁹².

Записка, согласно резолюции Николая II, была направлена для обсуждения в Комитет министров с особой препроводительной бумагой, написанной государственным секретарем В. К. Плеве. В ней излагалась история вопроса начиная с XVII в. В заключение В. К. Плеве писал: «Я нахожу, что... вопрос об упразднении Инспекторского отдела требует в решении его особой осторожности, так как законы 6 мая и 4 июля 1894 г. заключают в себе воплощение... основной мысли, что заведование инспекторской частью гражданского ведомства принадлежит всецело к разряду дел верховного управления государством»⁹³. Эта точка зрения услужливого государственно-го секретаря, естественно, отражала настроение Николая II, ревниво относившегося к прерогативам своей власти и ко всему тому, что делал его предшественник.

Вопрос об Инспекторском отделе рассматривался на шести заседаниях Комитета министров в апреле—июне 1895 г. Киреев со слов близкого Николаю II барона В. Б. Фредерикса (в будущем министра двора) записал в дневнике: «Ф[редерикс] говорит, что С. Ю. Витте держит себя совершенно нахалом в Комитете министров. При обсуждении вопроса об отмене действительно неясной комиссии о наградах (Инспекторский департамент для гражданских чинов) Витте, хотя это и было утверждено покойным государем, называл эту комиссию очень нелестными эпитетами... Большинство в Совете состави-

лось против комиссии, однако государь подписался с меньшинством. Он, по-видимому, ничего не хочет менять в распоряжениях отца»⁹⁴. Инспекторский отдел хотя и был сохранен, но функции его были значительно сокращены. Согласно новому положению, из ведения Инспекторского отдела изымались дела чиновников первых трех классов, которые назначались, увольнялись и награждались верховной властью по представлению соответствующих министров — главноуправляющих (пункт 1). В ведении Инспекторского отдела сохранялись дела чинов IV класса, а также некоторых категорий низших чинов, которые до закона 6 мая назначались по «высочайшему повелению» (пункт 2), за Инспекторским отделом сохранялось ведение всех дел, касавшихся чинов V и VI классов (пункт 3). В заключение в законе говорилось: «С сохранением в ведении с... е... и... в... канцелярии служебных перемен по некоторым должностям гражданского ведомства, указанных в п.п. 2 и 3 сего положения, во всех остальных случаях производит таковые перемены в прежнем действовавшем до ноября 1894 года порядке властью подлежащих начальств»⁹⁵.

Таким образом роль Инспекторского отдела была сведена почти на нет. Обе попытки, предпринятые для централизации всех дел, связанных с назначениями чиновников гражданского ведомства, потерпели неудачу.

* * *

Анализ численности чиновников показывает, что далеко не за все годы, а только за некоторые из них, имеются точные данные. С. М. Троицкому удалось обнаружить в фондах Правительствующего Сената и Герольдмейстерской конторы данные переписи чиновников центральных и местных учреждений Российской империи, чьи должности включались в Табель о рангах, а также переписи канцеляристов губернских, провинциальных и воеводских канцелярий. Эти данные подразделены Троицким на четыре разряда (группы). К первому из них он относит чиновников I—V классов, ко второму — VI—VIII классов, к третьему — низшее чиновничество IX—XIV классов и, наконец, к четвертому — канцелярских служителей различных разрядов (канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и т. п.).

Так, в государственных и дворцовых учреждениях в середине 50-х годов XVIII в. состояло: по первому разряду — 145, по второму — 562, по третьему — 1344 и по четвертому — 3328 человек, или всего 5379 чиновников⁹⁶.

Подобными точными данными о численности чиновников в конце XVIII — начале XIX в. мы не располагали, поэтому попытаемся определить ее путем некоторой реконструкции. В «Списке состоящих в статской службе чинам первых осьми классов на 1796 год» значится 3941 чиновник⁹⁷, принадлежащий к указанным классам, а именно:

чины I класса	2
» II »	40
» III »	120
» IV »	187
» V »	359
» VI »	541
» VII »	1 168
» VIII »	1 524

Надо заметить, что среди этих чинов гражданского ведомства было много генералов и офицеров — 1006 человек. Из 3941 чиновника 363 не занимали никакой должности и считались «не у дел». Какова же общая численность чиновников на 1796 г.? Точнее, нужно установить количество чинов IX—XIV классов. Для 1755 г. 39,4% общего числа чиновников составляли чины первых восьми классов. Можно ли считать, что это соотношение между старшими и младшими чинами было неизменно? Данные за середину XIX в. свидетельствуют об обратном: процент чиновников низших классов увеличивается в большей пропорции, нежели высших. Так, в 1847 г. из 61 548 чиновников 50 877 человек, или 81%, принадлежали к чинам IX—XIV классов. Примерно такое же соотношение наблюдается через 10 лет — в 1857 г. Из 90 139 чиновников 70 446 человек, или 78,1%, относились к IX—XIV классам.

Итак, процент чинов первых восьми классов составлял в 1755 г. 34,9, в 1847 г. — 19 и в 1857 г. — 21,9%. Исходя из этого, а также учитывая рост мелкого чиновничества во второй половине XVIII в. в связи с проведением в жизнь губернской реформы 1775 г., можно определить процент и для 1796 г. Он равен примерно 25—27. Численность чиновников в 1796 г., таким образом, долж-

на была составлять при коэффициенте 25 приблизительно 15 764 человека, а при коэффициенте 27 — 15 337. Можно полагать, что число чиновников в 1796 г. колебалось между 15 и 16 тыс.

О численности чиновников в середине века, вернее с 1847 по 1857 г., мы располагаем точными сведениями, сохранившимися в фонде Инспекторского департамента гражданского ведомства. В 1847 г. число классных чинов составляло 61 548 человек⁹⁸. Следовательно, за 50 лет численность чиновников увеличилась примерно в 4 раза.

В 1847 г. к I классу принадлежал 1 человек, ко II — 40, к III — 166, к IV — 484, к V — 1100, к VI — 1621, к VII — 2588, к VIII — 4671 и к IX—XIV — 50 877 человек.

По отдельным ведомствам число чиновников составляло — по Государственному совету, Комитету министров, с.е.и.в. Канцелярии и Инспекторскому департаменту гражданского ведомства — 343.

Министерства:

дворца и уделов	1 998
финансов	11 038
юстиции	12 081
внутренних дел	20 314
иностранных дел	585
народного просвещения	4 024
государственных имуществ	4 206

Ведомства:

путей сообщения и публичных зданий	1 091
почтовое	2 262
государственного контроля	291
конезаводства	219
православного исповедания	1 301
учреждений имп. Марии и благотворительных заведений	1 308
Царства Польского	379
великого княжества Финляндского	1 089 ⁹⁹

Таким образом, половина всех чиновников — 32 395 человек — состояла на службе в двух министерствах: внутренних дел и юстиции. Удельный вес чиновников суда и полиции (в Министерстве внутренних дел эта категория составляла огромное большинство) был достаточно велик, что не оказывало, впрочем, никакого сдерживающего влияния на массовое взяточничество и воровство, достигавшие колоссальных размеров.

На протяжении 11 лет существования Инспекторского департамента численность чиновников из года в год росла, достигнув к 1857 г. 86 066 человек, а с «отставными военными чинами», которых насчитывалось 4073 человека, всего — 90 139 человек¹⁰⁰.

Численность канцелярских служащих неизвестна (по крайней мере нами не обнаружена ни в литературе, ни в архивных материалах), за исключением данных, помещенных в отчете Инспекторского департамента за 1857 г., где она определяется в 32 073 человека¹⁰¹. Следовательно, канцелярские служащие в указанном году составляли 35,55% общего числа государственных служащих.

Приведем таблицу гражданских чинов по классам и ведомствам на 1857 г.* (см. табл. на стр. 69).

Небезынтересно отметить, что соотношение чиновников по классам в различных ведомствах было весьма различным. По Министерству внутренних дел низшие чиновники (IX и XIV классов) составляли 85,8%, по Министерству народного просвещения — 64,8, а по Министерству иностранных дел — 42,1%.

Если сопоставить данные за 1847 и 1857 гг. (за основу данных на 1857 г. мы берем цифру 86 066 без учета находившихся на службе отставных военных (4073 человека), так как сведения о них за 1847 г. отсутствуют), видно, что за 11 лет численность чиновников увеличилась с 61 548 до 90 139, или почти на 50%. По отдельным ведомствам это увеличение было неодинаковым. Так, по Министерству внутренних дел оно составило 47,2% (фактически процент этот будет большим, так как не включены в общие данные военные чины, которые в подавляющем большинстве находились на службе в Министерстве внутренних дел), по Министерству народного просвещения увеличение — 34,8%.

Надо заметить, что за 50 лет — с 1796 по 1847 г. — численность чиновников возросла в 4 раза, а за 60 лет — с 1796 по 1857 г. — почти в 6 раз. Важно отметить, что

* ЦГИА СССР, ф. с.е.м.в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 621. Приложение к отчету Инспекторского департамента гражданского ведомства за 1857 г. Перечневая ведомость о числе состоящих на службе гражданских чинов с подразделением на ведомства и классы. Здесь же в примечании говорится: «Сверх того отставных военных чинов — 4073 и лиц, не имеющих классовых чинов, — 32 073».

Наименование министерств и ведомств	Классы									Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX—XIV	
Собственная е.и.в.										
Канцелярия, Государственный совет, Комитет министров, Комиссия прошений	—	17	11	41	66	32	43	69	205	484
Министерства:										
двора	—	7	19	67	87	88	128	252	1 674	2 322
финансов	—	—	11	75	236	270	469	1 250	11 105	13 416
юстиции	—	7	40	36	157	268	320	824	14 967	16 619
внутренних дел	—	1	18	152	276	427	956	2 345	25 579	29 814
иностранных дел	1	5	19	47	76	61	73	88	269	639
народного просвещения	—	1	16	88	248	346	485	726	3 517	5 427
государственных имуществ	—	—	1	44	118	146	312	512	5 033	6 166
Ведомства:										
Главное управление путей сообщения и публичных зданий	—	—	1	4	34	63	101	235	1 604	2 042
почтовое	—	1	1	21	79	66	150	346	1 689	2 353
государственного контроля	—	—	2	10	32	35	53	57	125	314
православного исповедания	—	—	1	9	33	84	85	89	1 513	1 814
благотворительных учреждений Царства Польского	1	4	12	21	74	135	1 071	168	1 219	1 741
великого княжества Финляндского	—	—	10	25	63	127	195	437	1 903	2 760
Финляндского	—	2	3	5	34	8	14	45	44	155
Всего	2	45	165	645	1 618	2 216	3 491	6 443	70 446	86 066

численность населения за этот период увеличилась примерно в 2 раза. Так, в 1796 г. в Российской империи насчитывалось 36 млн. человек, в 1851 г.—69 млн.¹⁰² Таким образом, государственный аппарат в первой половине XIX в. рос примерно в 3 раза быстрее, чем население.

Как ни странно, данные о численности чиновников во второй половине XIX—начале XX в., как уже говорилось в источниковедческом обзоре, отсутствуют в материалах Инспекторского отдела с.е.и.в. Канцелярии, их нельзя также определить по спискам чином отдельных ведомств в силу их неполноты, а также по другим источникам. Известно, что во второй половине XIX в. наблюдается весьма интенсивный рост государственного аппарата. Численность чиновников по отдельным ведомствам, «едва ли не удесяттерившаяся», чрезвычайно возросла по сравнению с 50-ми годами. Этот факт находит свое подтверждение при сопоставлении бюджета по отдельным министерствам, расходы которых определялись в своей подавляющей части содержанием аппарата. К таким министерствам, на наш взгляд, относятся: финансов, внутренних дел, юстиции. Приведем данные бюджета этих ведомств за 1864 и 1903 гг. (первый год опубликования росписи доходов и расходов, в тыс. руб.)¹⁰³:

	1864 г.	1903 г.	Увеличение
Министерство финансов . . .	58,4	369,4	в 6,3 раза
» внутренних дел . . .	12,0	99,7	» 8,3 »
» юстиции . . .	6,4	49,4	» 7,4 »

Если даже учесть происшедшее за этот период резкое увеличение жалований (примерно до 100%), то колоссальный рост чиновничества очевиден. Мы далеки от мысли определять точный рост государственного аппарата в связи с увеличением бюджета, тем более что, как будет отмечено ниже, наибольший рост чиновничества происходил в финансовом ведомстве.

Хотя в книгах, посвященных столетию министерств, как правило, не помещаются данные о численности ведомства, однако некоторые сведения содержатся в «Столетии министерства финансов». Например, Департамент торговли и промышленности в 1881 г. состоял из 3 отделений, а к началу XX в. он включал 16 отделений. При этом только за 7 с небольшим лет (примерно с 1895 г.) число штатных должностей департамента возросло на 75%¹⁰⁴.

Значительно вырос Департамент железнодорожных дел. Возникли новые учреждения на местах — губернские акцизные управления с большим штатом чиновников. Расширились штаты казенных палат за счет создания института податных инспекторов. Наконец, колоссально увеличился аппарат Государственного банка, главным образом в связи с образованием контор, находившихся в губернских городах. Намного расширился аппарат Министерства внутренних дел, в частности штаты полицейских учреждений. В конце 80-х годов появляется институт земских начальников, насчитывавший более 2 тыс. человек¹⁰⁵. Увеличились штаты Министерства народного просвещения за счет роста главным образом средних учебных заведений, число которых во второй половине XIX в. значительно возросло¹⁰⁶.

Помимо этого мы располагали еще данными о росте чинов высших четырех классов. На первое января 1857 г. их было 857 человек, что составляло 1% чиновников (от 86 066 человек). Этот процесс был более или менее стабилен. Так, в 1848 г., т. е. десять лет назад, он составлял 1,1%. В 1903 г. 3765 человек имели чины высших четырех классов¹⁰⁷. Для большей точности из этого числа надо вычесть 112 военных чиновников, не включенных в сведения, подготовленные Инспекторским департаментом гражданского ведомства. Следовательно, численность чинов высших четырех классов с 1857 по 1903 г. составила 3653 человека, т. е. за 45 лет увеличилась в 4,26 раза. Если предположить, что численность чинов других классов росла в той же пропорции, то число чиновников (без канцелярских служащих) должно равняться примерно 384 тыс. человек. А если предположить, что число канцелярских служащих возросло также примерно в 4 раза, то в 1903 г. они должны были насчитывать около 130—135 тыс. Таким образом, численность чиновников вместе с канцелярскими служащими равнялась примерно 500 тыс. человек. Надо заметить, что эти расчеты носят сугубо приблизительный характер с возможным отклонением в несколько десятков тысяч человек, скорее в сторону увеличения, нежели уменьшения.

* * *

Не ставя своей задачей детальное изучение материального положения русского чиновничества, что является предметом специального исследования, рассмотрим этот

вопрос в целом. Прежде всего надо отметить, что в XIX и начале XX в. условия материальной жизни основной массы чиновничества, за исключением высшей его группы, были крайне тяжелыми.

А. Л. Боровков — правитель следственной комиссии по делу декабристов, составляя свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России, в разделе, касающемся чиновников, пишет следующее: «Жалованье чиновников должно обеспечивать их существование: оно у нас совершенно неуравновешено... Сколько чиновников, едва имеющих занятие, пользуются большими окладами из двух и трех мест. Но в то же время большая, несравненно большая часть бедствует, нуждаясь даже в пропитании, будучи обременена притом работой до упаду. Состояние приказных (т. е. канцелярских служителей. — *Авт.*) достойно сострадания: за тридцать или сорок рублей ассигнациями в год они обречены работать с утра до вечера! Надобно видеть в губерниях несчастное положение этих людей, чтобы принять в судьбе их живое участие»¹⁰⁸.

Об этом говорят многие современники. Н. Ф. Дубровин в своих статьях «Русская жизнь в начале XIX века» приводит рассказ одного из современников о посещении Можайска московским главнокомандующим, генерал-губернатором кн. Д. В. Голицыным. «Голицын обратил внимание, что в присутствии (по-видимому, речь шла об уездном суде. — *Авт.*) было мало служащих. Канцелярские чиновники приходят на службу по очереди, отвечал судья. — Для чего так? — Для того, что у двоих одни сапоги, а у многих и сюртук на двоих. — Какая же тому причина? — Жалованье три рубля в месяц — трудно одеваться»¹⁰⁹.

Картину бедственного положения мелкого чиновничества рисует в своих воспоминаниях «В провинции и в Москве» М. Назимов. «Проходя ежедневно к своему месту чрез канцелярию, — рассказывает он, — я нагляделся на тогдашних подьячих. Невозможно было без тяжелого, грустного чувства видеть этих оборванных, небритых и изнуренных лишениями бедняков, получавших жалованье от 1-го до 2-х руб. и не более 3 или 4 рублей в месяц, смотря по своему рангу: копииста, подканцеляриста и канцеляриста, и повытчики получали не более 6 или 8 рублей... Холостяки почти и жили в канцелярской комнате, ложились спать на тех же столах, на которых они

скрипели перьями днем, переписывая нескончаемые бумаги»¹¹⁰.

Нищенское положение канцелярских служителей и мелких чиновников определялось и резким падением курса ассигнационного рубля после заключения Тильзитского мира. «Ассигнационный рубль, который в сентябре [1807 г.] еще стоил 90 копеек серебром, к 1 января 1808 года упал на семьдесят пять, а весной давали за него только 50 копеек. Через три года серебряный рубль ходил в четыре рубля ассигнациями... Для копиистов же и людей, живущих одним жалованьем, было оно сущим разорением и, кажется, с этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками»¹¹¹.

Надо заметить, что «незаконные прибытки» чиновников имели место и до падения курса ассигнационного рубля. И этот двойной счет на ассигнации и серебро существовал десятки лет, до начала 40-х годов, когда был установлен один курс и ассигнационные рубли были заменены кредитными билетами.

Представители высшей бюрократии, начиная от действительного статского советника, получали весьма часто еще дополнительный вид содержания под названием «аренды». «Аренда» назначалась по «высочайшему повелению» иногда пожизненно, иногда на какой-либо определенный срок. «Аренда» заменяла собой земельные пожалования. «Аренда» представляла собой своеобразную земельную ренту, которую данное лицо получало за якобы пожалованную ему землю. Размеры «аренды» были весьма различны: от нескольких сот руб. до нескольких тысяч, не превышая, как правило, 5 тыс. руб. Эти данные, как и все последующие, характеризуют размер годового содержания.

Источниками для исследования вопроса о материальном обеспечении чиновничества в некоторых случаях являются штатные расписания. Они сообщают сведения о размерах содержания отдельных групп чиновничества, но не раскрывают различные виды добавочного содержания, которые имеются в «Списках гражданским чинам».

Рассмотрим некоторые данные «Общего штата губернских и уездных присутственных мест», установленного в 1800 г. для 35 губерний I разряда и 7 губерний II разряда (Петербургской, Литовской, Выборгской, Курляндской, Эстляндской, Лифляндской и Иркутской)¹¹². В этих губерниях устанавливался повышенный

оклад. Наряду с «арендой» земельные пожалования, особенно в первой половине века, продолжали существовать главным образом в виде пожалования земель на окраинах или майоратских имений в Царстве Польском. Так, начальники губерний, относящихся к I разряду, получали 1800 руб. жалованья и 1200 руб. столовых, а II разряда — 2250 руб. жалованья и 1800 руб. столовых. Жалованье вице-губернатора в губерниях I разряда составляло 1200 руб., II разряда — 1875 руб. Оклады рядовых чиновников представляли собой следующее (в руб.):

По губернским учреждениям

	по I разряду	по II разряду
Советник VI класса (т.е. коллежский советник)	600	750
Губернский прокурор	600	750
Ассессор VIII класса (т.е. коллежский ассессор)	300	450
Секретари в губернском правлении и губернских палатах (казенный, палатный суд)	250	450

По уездным учреждениям

Исправник (IX класса титулярный советник)	250	375
Уездный судья (VIII класса коллежский ассессор)	300	450
Уездный казначей (IX класса)	250	375
Уездный доктор	300	400
Уездный землемер	300	400
Уездный лекарь	140	180
Лекарский помощник (подлекарь-фельдшер)	60	90

Анализируя эти данные, относящиеся, за исключением лекарского помощника, в основном к представителям среднего чиновничества от IV класса (губернаторы) до IX класса, отчетливо прослеживается разница их содержания.

Представляют интерес сведения, приводимые в воспоминаниях И. И. Дубасова «К истории отжившего чиновничества», о размерах содержания тамбовского чиновничества в 1808 г. Так, заседатели палат уголовного и гражданского суда получали 360 руб. в год, губернские стряпчие (помощники прокурора) — 360 руб., уездные стряпчие (те же помощники губернского прокурора в

уездах) — 250 руб., помощники столоначальников в губернских учреждениях — 100 руб., а «заслуженные» копнисты — 40 руб. в год, т. е. 3 руб. 30 коп. в месяц; канцеляристы в судах получали еще меньшие оклады¹¹³.

Впоследствии оклады содержания провинциального чиновничества не претерпели каких-либо существенных изменений. Приведем данные по Министерству внутренних дел. По смете расходов этого министерства в 1845 г.¹¹⁴ губернаторы по всем губерниям, за исключением столичных, получали 1716 руб. жалованья и столько же столовых, т. е. 3432 руб. в год, или 286 руб. в месяц. С.-петербургский и московский губернаторы получали 2145 руб. жалованья и столько же столовых, или 4290 руб. Помимо этого губернаторам полагались «квартирные» (в тех случаях, когда не предоставлялась казенная квартира). Однако, как уже говорилось выше, действительное содержание высшей бюрократии определялось не только сметными ассигнованиями. Содержание генерал-губернаторов по той же смете было неодинаковым. Так, прибалтийский генерал-губернатор А. А. Суворов получал 10 тыс. руб. в год содержания и 1715 руб. на разъезды, а смоленский, витебский и могилевский кн. Голицын — жалованья 1145 руб. и столовых по званию генерал-губернатора — 3431 руб., всего 4576 руб. Киевский, волынский и подольский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков имел по смете 6575 руб. (из них по чину генерала — 1430 руб., по званию сенатора — 1143 руб., столовых по званию генерал-губернатора — 3431 руб. и по содержанию дома — 571 руб.). Этот пример показывает не только различие в размере оклада содержания, но и его разные составные части. Почему, например, прибалтийский генерал-губернатор получал на разъезды 1715 руб., а другим генерал-губернаторам таковые не полагались, хотя территории их генерал-губернаторств были несравненно большими? Так же и в отношении содержания дома, на что отпускалось только киевскому генерал-губернатору.

Приведем оклады некоторых губернаторов по данным списка чинам высших четырех классов на 1853 г. Эстляндский губернатор И. Е. Гринвальд получал более предусмотренного штатным расписанием оклада: вместо 3432 руб. — 5052 руб. Архангельский губернатор В. Ф. Фрибес имел еще «прибавку» в размере 2 тыс. руб., т. е. общая сумма его содержания составляла 5432 руб. в год. Тверской губернатор А. П. Бакунин получал «при-

бавку» в 4 тыс. руб., т. е. его годичный оклад достигал 7432 руб. Наибольший оклад из провинциальных губернаторов имел пензенский губернатор А. А. Панчулидзеv: помимо «добавки» в 4 тыс. руб. ему была пожалована «аренда» в 1200 руб., и общая сумма его содержания составляла 8632 руб. в год (при этом ему была предоставлена казенная квартира). Такой же оклад получал и пермский губернатор И. И. Огарев¹¹⁵.

Вице-губернаторы, согласно смете расходов Министерства внутренних дел на 1851 г., получали независимо от разряда губернии 1400 руб. жалованья, 600 руб. столовых и в некоторых случаях (по-видимому, когда отсутствовала казенная квартира) 570 руб. квартирных. Отклонения от штатного расписания в содержании вице-губернаторов встречаются реже. Однако в некоторых случаях это также имело место. По данным списка чинам V класса на 1853 г., у бессарабского вице-губернатора Н. А. Нащокина в отличие от своих коллег размер «столовых» составлял не 600 руб., а 1132 руб., хотя, как известно, жизнь в Бессарабии не отличалась особой дороговизной. Помимо этого он получал квартирные не 571 руб., а 857 руб. и «пенсия» в размере 220 руб. Надо заметить, что это единственный известный нам случай, когда оклад содержания вице-губернатора был выше штатного¹¹⁶.

По тем же штатам 1845 г. Министерства внутренних дел оклад правителя канцелярии — губернатора составлял 600 руб. в год (350 руб. жалованья и 250 руб. столовых)¹¹⁷.

Советники губернского правления получали в год: старший — 1100 руб. (600 руб. жалованья и 500 руб. столовых); младший — 1 тыс. руб.; ассессор губернского правления — 700 руб.; регистратор губернского правления — 284 руб. (включая 114 руб. квартирных, т. е. около 28 руб. в месяц); помощник регистратора получал 115 руб. жалованья и 85 руб. квартирных (т. е. немногим более 18 руб. в месяц). К сожалению, штаты не содержат данных об окладах самых мелких чиновников и канцелярских служителей. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» сенатор М. Б. Веселовский, по окончании Казанского университета он в конце 40-х годов поступил чиновником в Нижегородское губернное правление с жалованьем в размере 10 руб. в месяц¹¹⁸. Вполне понятно, что канцелярские служители получали еще менее.

Анализируя размеры содержания губернских чиновников Министерства внутренних дел, видно, что губернатор по штатному расписанию без всяких «добавочных» окладов получал около 300 руб. в месяц (не считая казенной квартиры), а помощник регистратора губернского правления — 9 р. 50 к. (без квартирных в размере около 5 руб.). Таким образом, оклад губернатора, принимая во внимание только содержание по штатному расписанию, в 30 раз превышал оклад младшего чиновника губернского правления. Эта разница увеличится, если учесть, что многие губернаторы получали различного рода дополнительные суммы.

Обратимся к анализу окладов губернских чиновников других ведомств по данным «Списка гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.» и на 1854 г.

Председатели казенных палат органа Министерства финансов имели, как правило, 1400—1428 руб. жалованья и от 1132 до 1428 руб. столовых, т. е. примерно 2570—2900 руб. Кроме того, им полагались квартирные от 343 до 571 руб. Некоторые председатели получали еще «прибавку» и «аренду». Так, содержание председателя казенной палаты Лифляндской губернии Л. И. фон Кубе составляло вместе с «прибавкой» и «арендой» 5255 руб. (по-видимому, он имел казенную квартиру, так как квартирные ему не отпускались)¹¹⁹. В Петербурге и Москве квартирные составляли 1143 руб., а в некоторых случаях до 3 тыс. руб. и выше. Таким образом, председатель казенной палаты получал на 25—40% больше вице-губернатора, хотя тот по положению занимал второе место в губернии. Однако председатели казенных палат были, как правило, на чин выше вице-губернаторов.

Председатели палат государственных имуществ получали примерно столько же, сколько председатели казенных палат, — от 2500 до 2800 руб. без квартирных.

Оклад чинов судебного ведомства был значительно ниже, чем в других министерствах. Содержание губернских прокуроров, согласно данным списка чинам, было мизерным. Основное их жалованье составляло 840 руб., однако некоторые получали еще столовые в размере от 400 до 850 руб. Владимирский прокурор А. П. Найденев получал столовых 857 руб., витебский — П. А. Механцев — 425 руб., а херсонский — А. И. Сырнев и ковенский — Ф. В. Головков не имели столовых денег. Жалованье председателей палат уголовного и гражданско-

го судов равнялось 700—1142 руб., а столовых почти никому не полагалось. Из 21 учтенного нами председателя судов столовые получал только один — председатель виленской палаты уголовного суда Э. Б. фон Клейст¹²⁰.

Особенно низкие оклады были у учителей, а также у профессоров. Старшие учителя гимназии получали в основном 393 руб. жалованья в год, т. е. 32 р. 50 к. в месяц. Если даже предположить, что они имели казенные квартиры, то уровень жизни их был крайне низок. Только в одном случае у учтенных нами учителей оклад старшего учителя Сувалкской гимназии Э. М. Борхмана достигал 750 руб. в год, т. е. 65 руб. в месяц. Жалованье профессора (в чине статского советника) составляло от 30 до 160 руб. в месяц. Так, профессор Московского университета Н. С. Топоров получал годовое жалованье 714 руб. и 85 руб. квартирных, а профессор Харьковского университета А. И. Мицкевич — 1142 руб. жалованья и 142 руб. квартирных. Профессора Московского университета Н. Е. Зернов — 1429 руб. жалованья и 142 руб. квартирных, Н. И. Крылов — 1572 руб., по-видимому имея казенную квартиру. Надо сказать, что профессор за выслугу 25 лет получал «пенсион» в размере жалованья. Профессор Казанского университета Л. И. Вагнер имел жалованья 1143 руб. и такого же размера пенсию¹²¹.

Согласно штатам министерств, опубликованным в ноябре 1802 г., содержание министра составляло 12 тыс. руб. в год плюс казенная квартира. Если она не предоставлялась, то на наем отпускалось 1200 руб. Директор департамента получал годовое содержание в 3 тыс. руб.; столоначальник — 1200 руб.; старший помощник его — 1 тыс. руб., а младший — 750 руб.; писец (по-видимому, имевший классный чин) — 375 руб.¹²² Канцелярские служители в Сенате, как рассказывает в своих воспоминаниях И. Бочаров, служивший там чиновником, получали в конце 40-х годов от 9 до 17 руб. в месяц, или от 108 до 204 руб. в год¹²³. Таким образом, министерские оклады были значительно выше провинциальных. Министерский писец получал в полтора раза больше, чем исправник в большинстве губерний.

Однако, как уже отмечалось, более точные данные об окладах содержания находятся в «Списках гражданским чинам первых четырех классов». На основе этого источ.

ника можно уяснить вопрос о содержании высшей бюрократии в начале 50-х годов.

Наивысшие оклады существовали у послов. Самое большее жалованье получал посол в Великобритании барон фон И. И. Бруннов — 59 тыс. руб. в год (собственно жалованье 57 тыс. руб. и 2 тыс. руб. «аренды»). Посол в Австрии барон Л. К. Мейендорф имел 44 тыс. руб. (40 тыс. руб. жалованья и 4 тыс. руб. «аренды»). Другие послы получали значительно меньше. Жалованье посла в Северо-Американских Соединенных Штатах А. А. Бодиско составляло 23 050 руб. (из них собственно жалованья 19 050 руб., «прибавки» 2 тыс. руб. и «аренда» 2 тыс. руб.)¹²⁴.

Штатное расписание 1802 г. сохранялось до 50-х годов, содержание министра по-прежнему равнялось 12 тыс. руб., но оно было далеко не для всех министров одинаковым. Так, министр финансов П. Ф. Брок получал содержание 12 тыс. руб., а министр уделов Л. А. Перовский помимо этого — еще 11 142 руб. дополнительных сумм (в том числе 6 тыс. руб. «аренды»). Таким образом, его оклад исчислялся в 23 142 руб. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде получал жалованья 8291 руб., столовых — 6862 руб., жалованье из «кабинета»*, «пенсион» за ордена, а всего — 16 977 руб.¹²⁵

Еще более непонятен принцип назначения окладов членам Государственного совета. Два члена совета, занимавшие одинаковые должности председателей департаментов, — Д. А. Гурьев и Д. Н. Блудов — получали соответственно 4 тыс. руб. и 2061 руб. Установить какую-либо закономерность в окладах высшей бюрократии довольно трудно. Например, член Государственного совета и одновременно с этим директор Публичной библиотеки М. А. Корф получал больше министерского оклада — около 17 тыс. руб. в год. Его оклад состоял из жалованья — 1681 руб., столовых — 1681 руб., «прибавки» — 980 руб., на наем дома — 5714 руб., столовых по званию директора Публичной библиотеки — 857 руб. и «аренды» — 6 тыс. руб.¹²⁶

Содержание сенаторов также различалось. Сенатор С. Д. Нечаев, например, получал содержание 2872 руб.

* «Кабинет» — одна из составных частей Министерства императорского двора, ведавшего ненаселенными землями, промышленными предприятиями, золотыми приисками, являвшимися собственностью императорской фамилии.

в год, а сенатор А. У. Денфер — 4939 руб., сенатор А. В. Кочубей — 4 тыс. руб., сенатор А. П. Толстой — жалованья 4 тыс. руб. и «прибавки» — 3 тыс. руб., т. е. 7 тыс. руб., сенатор И. М. Ореус — 7780 руб. Оклад сенатора Р. М. Губе составлял около 9 тыс. руб.—8750 руб.¹²⁷

Неодинаковым было и получаемое содержание товарищами министра. Товарищ министра внутренних дел М. И. Леке имел 5788 руб., товарищ министра народного просвещения А. С. Норов — 8331 руб., товарищ министра юстиции П. Д. Илличевский — 7299 руб.¹²⁸

Такая же картина наблюдалась в окладах директоров департаментов. Приведем ряд примеров. Директор Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ А. И. Левшин получал годовой оклад в 4830 руб.; директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Н. А. Милютин — 5030 руб.; оклад директора Департамента хозяйств и счетов Министерства иностранных дел Н. М. Устинова составлял всего 3430 руб. Значительно выше были оклады директоров департаментов Министерства финансов. Д. Н. Маслов, директор Департамента разных податей и сборов, имел 8355 руб., директор Департамента государственного казначейства того же министерства А. М. Княжевич — 9930 руб.¹²⁹

Следует отметить, что хотя содержание директоров департаментов весьма различалось—от 3430 до 9930 руб., однако основной оклад жалованья и столовые получали все одинаково.

Таковы оклады содержания высшей бюрократии. По своим размерам они резко отличались от жалованья основной массы чиновничества.

Чтобы показать уровень жизни чиновничества, недостаточно, естественно, привести данные об окладах содержания, важно исследовать и размер бюджета. Для этого мы располагаем рядом примерных бюджетов, относящихся к концу 50-х—началу 60-х годов.

Первые четыре относятся к 1857 г. и представляют собой примерные бюджеты столичных чиновников. Они составлены известным экономистом П. Н. Небольсиным*

* Опубликованы они под псевдонимом «Н». Как отмечает в своем дневнике чиновник Министерства внутренних дел А. И. Артемьев, автором их был Небольсин (Отдел рукописей ГПБ, ф. А. И. Артемьева, д. 160, л. 75, запись от 1 мая 1857 г.).

и опубликованы в газете «Экономический указатель» в марте 1857 г.¹³⁰ Примерные анонимные бюджеты трех коллежских ассессоров и одного титулярного советника («Пальчикова», «Альчикова», «Мальчикова» и «Перчикова») составлены как бюджеты холостяков. Бюджет коллежского ассессора «Пальчикова», так же как и бюджет «Альчикова», не типичен. Это бюджеты чиновников-аристократов, живущих на широкую ногу. Расходная часть бюджета «Пальчикова» составляет 1269 р. 68 к., а доходная — 1405 руб.

Расходная часть (в руб.)*

Квартира с передней, кухней и отоплением	240
Расходы на чтение (библиотека, газеты)	28,5
Театр (абонемент) в Итальянской опере (4 ярус и 10 спектаклей в разных театрах)	35
Покупка и ремонт мебели	16,5
» » » одежды, белья и обуви	94
Покупка туалетных принадлежностей (перчатки, галстуки, духи и т. д.)	46
Ремонт, реже приобретение посуды	6,25
Плата прислуге (кухарка, она же прачка)	60
» водовозу	12
Освещение	20,75
Стол:	
обед, завтрак, ужин	194
праздничные издержки	15
экстренные расходы на закуски	41
чай, кофе, сахар, сухари	100
вино	29 р. 70 к.
Извозчик	66
Табак, папиросы	30
Мелкие расходы по дому (баня, ванна, чаевые)	35
Расходы «без названия»	200

Итого 1 269 р. 68 к.

Доходная часть (в руб.)

Жалованье	715
Частные занятия по управлению домов	180
Перевод романа	360
Перевод научных статей	150

Итого 1 405 руб.

Остаток 135 р. 32 к.

* Некоторые статьи бюджета здесь и в последующем объединены.

Бюджет коллежского асессора «Альчикова» мало чем отличается от первого. «Альчиков» менее интеллектуален: его мало интересуют книги и театры, а больше различные житейские удовольствия: вкусно поесть, принять гостей, поиграть в карточки. Его бюджет составляет 1999 р. 21 к.

Бюджет чиновника «Мальчикова» примерно таков же, как и первых двух, — 1359 р. 90 к.* Образ его жизни таков же, при этом он снимает квартиру (комнату с перегородкой, мебелью, прислугой, отоплением и освещением за 240 руб. в год); меньше приглашает гостей и больше расходует на рестораны, кондитерские и карты — 283 руб.; обедает в кухмистерской, на что расходует вместе с закуской 152 руб. в год, т. е. немногим более 40 коп. в день. На «расходы без названий» тратит немного — около 20 руб. в год.

Эти три бюджета, конечно, не типичны, но представляют бесспорный интерес с точки зрения ознакомления с условиями жизни обеспеченного чиновничества, а также с существующими ценами на некоторые продукты. Бюджеты, составленные Небольсиным, были неодобрительно встречены широкими слоями чиновничества. Так, Артемьев в своем дневнике 1 мая 1857 г. писал: «В журнале явилось несколько бюджетов чиновнических, и в особенности много произвели шуму бюджеты, сочиненные П. Н. Небольсиным... Все это чепуха. Посмотрели бы эти господа сочинители бюджетов в действительные расходные книжки чиновников и увидели бы, что театр, шампанское и тому подобное есть непростительная ошибка. Они все меряют на какой-то особый аршин, да еще ездят на избитом коньке — взятках...»¹³¹

Типичным является четвертый бюджет некоего титулярного советника «Перчикова». Это бюджет чиновника не бедствующего, но живущего очень скромно. Итак, «Перчиков» снимает квартиру от жильцов, представляющую собою каморку за перегородкой со всеми удобствами (т. е. с отоплением и освещением) и прислугой, что обходилось ему в год 77 р. 50 к. Культурные потребности невелики: расхода по чтению нет, а посещение театра

* Получая жалованье в размере 715 руб., он компенсирует свой дефицит подарками (от «папеньки» с «маменькой» 125 р. 75 к., от некоей «Анны Осиповны» 200 руб. (4 раза по 50 руб.) либо просто от доброй дамы, пекущейся о молодежи, либо «хлопотами», т. е. частными ходатайствами в различных учреждениях, — 125 руб.

ограничивается тремя спектаклями в «Александринке», что составляло 2 р. 25 к. Траты на одежду, обувь и белье незначительны — 30 р. 56 к. Одежда приобретается на толкучке, а обувь «под Апраксиным». Туалетные принадлежности стоили 6 руб. Расход на прислугу тоже минимален. Большую статью расходов представлял стол. «Перчиков» обедает у соседней чиновницы и платит ей по 15 коп. в день, что составляло в год 54 р. 75 к. плюс праздничная закуска 12 р. 45 к. Итак, обед обходился в 67 р. 20 к. Питание утром и вечером стоило 51 р. 20 к. Таким образом, он тратит на питание по 33 коп. в день. Остальные расходы также весьма скромны: вино 7 р. 70 к., извозчики — 9 р. 65 к., табак — 14 руб., мелкие расходы — 17 р. 80 к., «расходы без названий» — 18 р. 75 к. и карты — 3 р. 89 к. Итак, общий годовой расход «Перчикова» составляет 318 р. 60 к., или 26 р. 50 к. в месяц. «Перчиков» получает жалованья 210 руб., наградных — 50 руб., всего — 260 руб. Для покрытия бюджета ему не хватает 58 руб. Это он компенсирует занятиями перепиской у купца, что приносит ему доход по 7 р. 50 к. в месяц, или 90 р. в год. Следовательно, у «Перчикова» имеются еще сбережения — около 30 руб. в год. Если «Перчиков», получая с наградными более 20 руб. в месяц и будучи к тому же холостяком, не мог прожить на получаемое жалованье, то каково же было положение мелких семейных чиновников, а тем более канцелярских служащих.

Помимо этих примерных бюджетов мы располагаем еще некоторыми данными бюджета среднего чиновника А. И. Артемьева — производителя дел Центрального статистического комитета и секретаря Географического общества. По сведениям, содержащимся в его дневнике, он получает вполне приличное жалованье — 1100 руб. в год. На руки он получил за вычетом обычных 2% 1078 руб.¹³² Артемьев женат, но состав его семьи неизвестен (по-видимому, один ребенок). Он имеет отдельную квартиру, за которую платит примерно 200 руб. в год. Снимает на Черной речке дачу за 50 руб. в сезон. Однако сводить концы с концами он не может, и долги все увеличиваются.

Приведем выписку из дневника Артемьева за 1 июня 1857 г. по поводу его финансовых дел. «Начинаю свою новую книгу, — пишет он, — денежными счетами. В мае израсходовано 112 р. 34 к. (в апреле — 101 руб. — *Авт.*).

Долгу к 1-му числу считается 390 р. 03 к. В наличности денег имеется 23 р. 76 к. ... Когда я стряхну с себя это бремя. Притупляя чувство самолюбия, поневоле становишься циником, носишь вытертое, продырявленное пальто, жена сама зашивает себе башмаки, ребенку отказывает в покупке дешевого лакомства или игрушки... Вот хотя бы третьего дня мы с женою решили купить новые ботинки, потому что босиком ходить нельзя, а шляпку... да зачем? для чего? Здесь мы, славу богу, живем по-сельски... да еще и эта шляпка. Авось протянет лето... Ведь ей всего только пять лет»¹³³.

Помимо бюджетов столичных чиновников мы располагаем еще одним бюджетом, относящимся к началу 60-х годов, провинциального кишиневского чиновника. Бюджет составлен в Областном статистическом комитете и относится к чиновнику низших классов (XII—XIV). Он дает известное представление об уровне жизни провинциального чиновника.

Месячный расход исчислен в 11 р. 69 к., или 140 р. 28 к. в год. Бюджет состоит из следующих статей*:

Квартира	1 р. 35 к.
Дрова с рубкой	2 руб.
30 фунтов говядины	1 р. 35 к.
30 хлебов по 3 коп.	90 коп.
Зелень	30 »
Круп для супа и кваса для борща	40 »
Вода	30 »
3 фунта свечей	39 »
Мытье белья	60 »
Стрижка	50 »
Смазка сапог	10 »
Ремонт и приобретение посуды	10 »
Одежда и обувь	3 руб.
Баня, лекарства, улучшенная пища на случай болезни, разные духовные потребности	1 »
Предметы роскоши	20 коп.

11 р. 69 к.¹³⁴

* Бюджет не учитывает ряда статей расхода. В нем отсутствуют: расход на приобретение ряда продуктов — круп и картофеля, сахара и чая, жиров (сала и масла). Не учтен расход на оплату за приготовление пищи. Судя по всему, чиновник одинок. Надо заметить, что бюджет должен быть увеличен примерно на 3 руб.

Надо заметить, что условия жизни и во второй половине века, в частности в 70—80-х годах, остались примерно на том же уровне. Приведем цены, существовавшие тогда в Вологде. «Так, например, лучший сорт мяса продавался по 5—6 коп. фунт, телятина — 3—4 коп., русское масло — 18 коп. ... Для простого рабочего люда существовали харчевни, где за уплату в 3 коп. можно было получить сытный обед из двух блюд. Домашней прислуге не было платы дороже 1—2 руб. в месяц... За 10 р. в месяц можно было найти отличную квартиру»¹³⁵.

В 90-е годы средние цены (в руб.) на продукты первой необходимости и мясо* составляли (за пуд)¹³⁶:

Годы	Ржаная мука	Пшеничная мука	Гречневая крупа	Мясо черкесское, говядина	Свинина
1890—1894	1,34	2,35	1,34	4,48	4,99
1895—1899	1,34	1,697	1,17	4,37	4,12

Мы не располагали бюджетом чиновника конца XIX—начала XX в., однако какое-то представление о нем дают бюджеты рабочих-печатников, материальное положение которых мало чем отличалось от условий жизни мелких чиновников.

Так, обследование положения рабочих-печатников в Саратове в 1899 г. (всего 63 человека — 16 одиноких и 47 семейных) дает следующие показатели¹³⁷. Годовой расход одинокого рабочего составлял 235 р. 24 к., а семейного — 332 р. 16 к. При этом по отдельным статьям расход распределялся (в %):

* Отметим, что приводимые средние цены значительно отличались от цен, существовавших в провинциальных городах. Сопоставляя цены на мясо в 90-е годы, может создаться впечатление, что мясо подорожало вдвое, однако в действительности этого не произошло. Стоимость мяса в Петербурге и в других промышленных центрах была почти вдвое выше, чем в сельскохозяйственных районах.

	Одинокіе	Семейные
Пища, квартира с отоплением и освещением	55,5	75,1
Одежда	21,8	13,5
Табак, спички, напитки	7,3	4,9
Стирка белья	2,5	1,0
Баня	1,3	1,3
Лечение	1,8	0,9
Подати	0,5	0,6
Газеты, театр и т. д.	1,1	0,2
Прочие расходы	8,2	2,5

В пореформенный период наблюдается повышение содержания чиновников высших и центральных учреждений. Вместе с тем сохраняется различие в оплате лиц, состоявших в одинаковых должностях в различных ведомствах, а порой внутри одного министерства.

Характеризуя рост окладов содержания чиновников, Особое совещание для рассмотрения вопроса об уничтожении чинов, образованное в 1883 г., в своем журнале отмечало: «В настоящее время едва ли существует правительственное учреждение, которое руководствовалось бы штатом, действовавшим в 1856 г. В большей части этих учреждений оплата должностных лиц увеличена с тех пор в 1,5, два и даже более раза.

Хотя и ныне трудно считать размер материального вознаграждения чиновников вполне достаточным, тем не менее условия гражданской службы несравненно более нормальнее, чем в 40-х годах, когда, по определению журнала Комитета министров 1856 г., «служащие правительству жили иногда в нищете или вынуждены были питаться злоупотреблениями»¹³⁸. Уже в 1878 г. члены Государственного совета получают в 2—3 раза больше, чем в 1853 г. В конце 70-х годов член Государственного совета А. И. Левшин получает 10 500 руб. в год (8 тыс. руб. жалованья и 2800 руб. квартирных), А. В. Головин — 12 тыс. руб., Д. Н. Замятин — 20 тыс. руб. (12 тыс. руб. жалованья и 8 тыс. руб. «аренды»), В. П. Платонов — 11 тыс. руб., А. П. Зубов — 13 тыс. руб. (10 тыс. руб. содержания и 3 тыс. руб. «аренды»), К. П. Победоносцев — 15 тыс. руб. (10 тыс. руб. содержания, добавочных 2 тыс. руб., «аренды» 3 тыс. руб.)¹³⁹.

К началу XX в. (в 1902 г.) содержание членов Государственного совета увеличилось. Основной оклад составляет от 12 до 18 тыс. руб. Так, член Государственного совета Д. Н. Набоков получал 20 400 руб. (из них жало-

ванья 12 тыс. руб., прибавки 3 тыс. руб., «аренды» 4 тыс. руб., пенсия за ордена 1400 руб.)¹⁴⁰.

Значительно увеличилось содержание сенаторов. Если в 1853 г. оно составляло от 2872 до 8750 руб., то в 1878 г. достигало 7 тыс. — 10 500 руб.¹⁴¹

Согласно «Сведениям о должностях всех классов, положенных в составе министерств финансов и внутренних дел и в подведомственных им установлениях»¹⁴² на 1884 г., министр финансов «по высочайшему повелению» получал 18 тыс. руб. и казенную квартиру, а министр внутренних дел также «по высочайшему повелению» — 24 480 руб. и казенную квартиру. Однако эти штатные оклады не всегда соблюдались. Так, в 1878 г. министр финансов М. Х. Рейтерн получал не 18 тыс. руб., а 23 тыс. руб., а в 1902 г. С. Ю. Витте получал 22 тыс. руб. (из них 18 тыс. руб. содержания и 4 тыс. руб. «аренды»). Столько же примерно получали и другие министры¹⁴³.

Следовательно, содержание министров на протяжении XIX в. увеличилось примерно вдвое и определялось не столько штатным расписанием, сколько конкретным лицом, занимавшим эту должность. По данным «Сведений о должностях всех классов, положенных в составе министерств финансов и внутренних дел», товарищ министра финансов в 1884 г. получал 13 тыс. руб., а товарищ министра внутренних дел «по высочайшему повелению» — 9943 р. 60 к. и казенную квартиру. В 1902 г., по данным «Списка гражданским чинам», товарищ министра финансов В. Н. Коковцов получал 19 500 руб. (жалованья 10 тыс. руб., столовых 3 тыс. руб., добавочных 4 тыс. руб. и «аренды» 2500 руб.), товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново — 15 тыс. руб. (содержания 12 тыс. руб. и «аренды» 3 тыс. руб.)¹⁴⁴. Директора департаментов, согласно тем же данным по Министерству финансов, получали от 3431 до 8560 руб., а по Министерству внутренних дел — от 6923 до 7040 руб. (за исключением директора Департамента полиции, оклад которого составлял 10 тыс. руб.).

Тот же примерно оклад существовал и в начале XX в. Согласно штата Департамента общих дел Министерства внутренних дел от 27 января 1903 г., оклад директора департамента составлял 7 тыс. руб. плюс казенная квартира¹⁴⁵. Начальники отделений департаментов Министерства внутренних дел получали в 1884 г., согласно «Све-

дениям о должностях всех классов...», от 2360 до 2800 руб. В начале века начальники отделений Департамента общих дел получали по 3 тыс. руб.

Росли оклады средних и мелких чиновников. По данным 1884 г. «Сведений о должностях всех классов...», столоначальники департаментов Министерства внутренних дел получали годовые оклады от 1180 до 1500 руб., а в 1903 г. содержание столоначальников Департамента общих дел того же министерства колебалось от 1500 до 2 тыс. руб. Помощники столоначальников получали от 960 до 1200 руб. в год, или 80—100 руб. в месяц¹⁴⁶. Таким образом произошло значительное увеличение размера жалованья.

Жалованье губернских и уездных чиновников также увеличилось. По данным «Сведений о должностях всех классов...», в 1884 г. оклад губернаторов составлял от 5 тыс. до 8 тыс. руб., вице-губернаторов — соответственно от 2570 до 4350 руб. К 1902 г. оклады губернаторов повысились. Симбирский губернатор В. И. Акинфов получал 10 тыс. руб.; оклад ломжинского губернатора барона С. Н. Корфа составлял 9600 руб., а калишского М. П. Дарагана — 12 620 руб.¹⁴⁷

Вице-губернаторы получали также выше штатного расписания 1884 г. Так, тамбовский вице-губернатор Чоголов в 1902 г. имел 4500 руб., ериванский Никошидзе — 6100 руб., а ломжинский Д. Н. Лабудзинский — 5 тыс. руб. Правитель канцелярии губернатора чиновник VIII класса получал 1500 руб., а его помощник — 800 руб. Чиновники для письма XII класса в канцелярии губернатора — от 300 до 360 руб., т. е. от 25 до 30 руб. в месяц, а в губернском правлении — от 180 до 300 руб., или 15—25 руб. в месяц¹⁴⁸.

Содержание полицейских чинов рассмотрим на основе штата Казанского полицейского управления от 6 января 1897 г. (в руб.):

	Оклад	На разъезды
Полицмейстер (VII класса)	3 000	1 000
Помощник полицмейстера (VIII класса)	1 500	500
Участковый пристав (IX класса)	1 000	300
Помощник участкового пристава (X класса)	600	300
Столоначальник полицейского управления (XII класса)	500	—
Околоточный надзиратель	400	—

Оклад старшего городского составлял 180 руб. в год (т. е. 15 руб. в месяц), младшего — 144 руб. (т. е. 12 руб. в месяц). Кроме того, они получали по 25 руб. в год на обмундирование¹⁴⁹.

Обратимся к окладам содержания чинов казенных палат, установленным в 1900 г. Все казенные палаты подразделялись на четыре разряда, в соответствии с чем и устанавливались размеры содержания (в руб.)¹⁵⁰.

	Разряды			
	I	II	III	IV
Управляющий	6 500	5 500	5 000	4 500
Помощник управляющего	3 300	3 000	2 300	—
Начальник отделения	2 800	2 600	2 400	2 200
Столоначальники, бухгалтеры, делопроизводители	1 500	1 400	1 300	1 200
Помощник столоначальника, бухгалтера, делопроизводителя				
старший	960	900	850	800
младший	860	800	750	700
Журналист (чиновник IX класса)	900	850	800	750
Счетный чиновник X класса	700	600	550	500

Примерно такими же были оклады чиновников других губернских учреждений Министерства финансов, за исключением одного — губернского акцизного управления. В этом учреждении оклады содержания были выше примерно в 1,5—2 раза. По-видимому, это явилось следствием тех величайших злоупотреблений, которые существовали в дореформенный период в откупной системе. Приведем сведения об окладах по акцизному ведомству по данным «Памятной книжки Ломжинской губернии на 1900 г.». Управляющий губернским акцизным управлением статский советник М. Д. Салтыков получал 8100 руб., т. е. почти в 2 раза более вице-губернатора. Из этой суммы 1500 руб. полагалось на разъезды. Ломжинское губернское акцизное управление распространяло свои функции на две соседние губернии — Плоцкую, Сувальскую и часть Варшавской. Такие же оклады получали управляющие акцизными сборами и в других губерниях. Так, управляющий акцизными сборами Курской губернии Э. А. Шпицбарт получал 8800 руб., Полтавской губернии А. Д. Джежелей — 8100 руб. и т. п. Младшие ревизоры VII класса (чиновники от VII до X класса) получали от

3850 до 3962 руб., т. е. более 300 руб. в месяц, секретари и бухгалтеры VIII класса — по 2650 руб. и помощники секретаря и бухгалтера IX класса — по 1200 руб.¹⁵¹

Эти оклады чиновников акцизного ведомства особенно выделяются на фоне буквально нищенского жалования учителей и врачей. По штатам 1896 г., учителя гимназии, обычно имевшие университетское образование, прослужившие не менее пяти лет, получали при 12-недельных уроках 900 руб. в год. Уездные врачи получали в год 465 руб., т. е. менее 40 руб. в месяц. Мизерные оклады были у почтово-телеграфных чиновников: начальники почтово-телеграфных отделений имели 450 руб. в год, а почтовых отделений — 360 руб.¹⁵²

Значительно более, нежели до реформы, получали чины судебного ведомства. По данным 1902 г., председатели окружных судов имели от 4500 до 7 тыс. в год. Вместе с тем основной оклад профессора составлял от 3 тыс. до 3300 руб. в год, включая и расходы на квартиру. Председатель Ставропольского окружного суда Жила получал 7 тыс. руб. (из них основной оклад 4500 руб. и добавочных 2500 руб.). Такую же сумму составлял оклад председателя Митавского окружного суда; оклады председателей Полтавского окружного суда Мордухай-Болтовского и Великолуцкого суда Рахальского составляли 4500 руб. Профессора Московского университета Н. Г. Зограф, К. А. Андреев и Богословский получали по 3 тыс. руб., из них 306 руб. квартирных¹⁵³.

* * *

Не имея возможности рассмотреть имущественное положение чиновничества в целом за отсутствием необходимых источников, обратимся к анализу чинов высших четырех классов за 1853, 1878 и 1903 гг. по данным «Списка гражданским чинам...» за соответствующие годы и списка чинов V класса за 1854 г., а также трех классов за 1903 г.¹⁵⁴

Прежде всего остановимся на численности этих классов:

	1853 г.	1878 г.	1903 г.
I класс	2	1	—
II »	38	29	99
III »	174	538	553
IV »	544	1 921	3 113
Итого . . .	758	2 489	3 765

Таким образом, в первые 25 лет число чинов первых четырех классов возросло более чем в 3 раза, в то время как за последующую четверть века численность этих чиновников едва увеличилась на 50%. В целом за 50 лет численность чиновников стала в 5 раз больше. Надо заметить, что среди чинов IV класса имелось определенное число лиц, не принадлежавших собственно к бюрократии, число которых неизменно росло.

	1853 г.	1878 г.	1903 г.
Академики, профессора, библиотекари, преподаватели	38	148	285
Ректоры и директора учебных заведений	10	110	244
Итого . . .	48	258	529

В 1853 г. эта категория лиц составляла 8,8%, в 1878 г. — 12,9 и в 1903 г. — 16,3%. Этот процент увеличится, если прибавить неучтенную нами очень незначительную по числу категорию лиц, примыкающую к данной: лейб-медики, главные врачи больниц и т. д.

Среди чинов III класса академиков, профессоров, ректоров и других было еще меньше. Приведем данные за те же годы ¹⁵⁵:

	1853 г.	1878 г.	1903 г.
Академики, профессора, библиотекари, преподаватели	1	35	39
Ректоры, директора высших учебных заведений	—	5	5
Итого . . .	1	40	44

Рассмотрим имущественное положение чиновничества высших классов начиная с 1853 г. ¹⁵⁶ Два чина I класса (К. В. Нессельроде и А. Н. Голицын) принадлежали к крупнейшим помещикам: первый имел свыше 3 тыс. душ, второй — свыше 10 тыс. душ. Кроме того, у Нессельроде было более 10 тыс. десятин ненаселенных земель, у Голицына — заводы и дома. К чинам II класса

относилось 38 человек, из которых 37 являлись владельцами крепостных душ:

до 100			1
от 101	до	500	7
» 501	»	1 000	7
» 1 001	»	5 000	16
» 5 001	»	10 000	3
свыше		10 000	2
без указания числа			1

Итак, большинство чиновников этого класса были крупными помещиками, 52,6% их владели имениями с 1 тыс. крепостных душ, у 30 поземельная собственность была родовой (помимо этого у 2 были промышленные предприятия, у 20 — дома, преимущественно в Петербурге).

Из 174 чинов III класса не имели собственности 48 человек, или 27,5%; 126 человек, или 72,5%, были владельцами недвижимой собственности. В крепостных душах она подразделялась среди этих владельцев следующим образом:

до 10			1
от 11	до	100	8
» 101	»	500	26
» 501	»	1 000	16
» 1 001	»	5 000	30
» 5 001	»	10 000	7
свыше		10 000	3
без указания числа			12
ненаселенные земли			11
дома и дачи			12

Владельцев крепостнических латифундий с более чем 1 тыс. крепостных душ было 40, или 22,9%. Кроме того, у 43 владельцев земельной собственности были дома и дачи, у 10 — промышленные предприятия (среди них владелец 3 посессионных фабрик с 1249 душами). У 12 владельцев крепостных душ имелись ненаселенные земли (от 2500—88 тыс. дес. земли). Надо отметить, что из 114 помещиков у 86 (75,4%) была родовая земля и только у 28 — пожалованная или принадлежавшая жене.

Из 544 чинов IV класса мы рассматриваем имущественное положение 541 человека. Собственность всех видов имели 349 человек (64,5%), а именно: земельную — 279 человек (51,5%), дома и дачи — 69, промышленные предприятия — 1.

Земельная собственность распределялась среди чинов IV класса (в крепостных душах) следующим образом:

до 10			15
от 11	до	50	28
» 51	»	100	37
» 101	»	500	92
» 501	»	1 000	27
» 1 001	»	5 000	34
» 5 001	»	10 000	8
свыше		10 000	6
без указания размера			24
ненаселенные земли			8

Помимо этого 17 из них владели промышленными предприятиями, 32—домами и дачами и 18—ненаселенными землями (до 50 тыс. дес.). Из этой категории собственников родовая имела у 196, пожалованная или собственность жены — у 83 человек. Таким образом, крупнейшими латифундиями — свыше 10 тыс. душ — владело 48 человек, или 8,8%. Если иметь в виду, что ненаселенные земли и промышленные предприятия также принадлежали, как правило, крупным земельным собственникам, то среди чинов IV класса было немало очень богатых людей.

Для 50-х годов мы располагаем сведениями об имущественном положении чинов V класса — статских советников, численность которых составляла 1337 человек. Владельцев различных видов собственности было 51%, среди них помещиков — 38%*, а владельцев других видов собственности — 13%. Таким образом, 655 человек (или 49%) не имели собственности.

Рассмотрим имущественное положение гражданских чинов первых четырех классов через четверть века — в 1878 г. Размеры земельной собственности на данный год определяются, естественно, не по крепостным душам, а по размерам имения.

К чиnam I класса относился только один человек — канцлер св. кн. А. М. Горчаков, не имевший собственности. Чины II класса представлены 49 человеками. Из них 36 являлись владельцами недвижимой собственности (35 помещиков и 1 владелец дома). Итак, помещики сре-

* В большинстве своем среднепоместных (около 50% владельцев до 100 душ), и только 30 человек (22%) владели свыше 1 тыс. крепостных душ.

ди чинов этого класса составляли 71,4%. Земельные владения (в дес.) распределялись среди чинов II класса следующим образом:

до 100		4
от 101	до 500	1
» 501	» 1 000	1
» 1 001	» 5 000	10
» 5 001	» 10 000	7
свыше	10 000	7
»	25 000	3
без указания размера		2

Таким образом, владельцев свыше 5 тыс. дес. земли было 17, или 34,6%. Среди них выделялся И. С. Мальцев, владевший более 110 тыс. дес. земли. Кроме того, 15 помещиков имели промышленные предприятия. Наиболее крупным промышленником был тот же Мальцев, владелец 11 заводов и фабрик, 4 человека являлись собственниками домов и дач.

К чинам III класса относилось 538 человек. У трех из них не обозначено ни содержание, ни имущественное положение, поэтому они в расчет не принимаются. Из 535 лиц 311, или 58,1%, являлись владельцами недвижимой собственности; 260, или 48,5%, — помещиками и 51 — владельцами домов и дач. Земельные владения (в дес.) распределялись среди чинов III класса следующим образом:

до 100		9
от 101	до 500	34
» 501	» 1 000	29
» 1 001	» 5 000	99
» 5 001	» 10 000	30
» 10 001	» 25 000	29
свыше	25 000	20
без указания размера		10

Наиболее крупными землевладельцами являлись В. П. Орлов-Давыдов, владевший имением до 220 тыс. дес. земли, и братья М. И. и Н. И. Челищевы (у одного из них было свыше 120 тыс., у другого — свыше 110 тыс. дес. земли). Среди крупных землевладельцев (свыше 5 тыс. дес.) насчитывалось 79 человек (15,1%), 9 помещиков владели промышленными предприятиями, а 91 — домами и дачами. Один из них — барон А. Л. Штиглиц владел текстильными фабриками.

Чинов IV класса составляли 1921 человек. Из этого числа нужно вычесть 48 человек, которые не получали жалованья и собственность которых не указана. Лиц, имевших недвижимую собственность, было 818 (43,1%), из них землевладельцев—642, владельцев домов и дач—176 человек. Таким образом, процент помещиков составлял 34,3. Земельные владения (в дес.) среди чинов IV класса распределялись следующим образом:

до 100		48
от 101	до 500	134
» 501	» 1 000	101
» 1 001	» 5 000	233
» 5 001	» 10 000	60
» 10 001	» 25 000	36
свыше	25 000	19
без указания размера		11

Следовательно, владельцев свыше 5 тыс. дес. было 115, или 6,1% общего числа чинов.

Обратимся к данным начала XX в., к анализу «Списка гражданским чинам...» на 1902 г. В 1902 г. не было ни одного человека, имевшего чин I класса. Ко II классу относились 100 человек, из них собственностью владели 57 человек: 51 помещик (из них промышленными предприятиями владел 1, домами и дачами — 10), 6 владельцев домов и дач.

Земельные владения (в дес.) распределялись среди чинов II класса следующим образом:

до 100		2
от 101	до 500	7
» 501	» 1 000	3
» 1 001	» 5 000	24
» 5 001	» 10 000	5
» 10 001	» 25 000	1
свыше	25 000	3
без указания размера		6

Таким образом, крупнейших земельных собственников было 9, среди них маркиз С. А. Велепольский владел 12 имениями.

Чинов III класса насчитывалось 553. Так как у двоих данные не указаны, при анализе они в расчет не принимаются. Собственностью владели 232 лица (42,1%). 193 человека (35,2%) были помещиками, а 40 имели предприятия, дома и дачи.

Земельные владения (в дес.) среди чинов III класса распределялись следующим образом:

до 100		7
от 101	до 500	39
» 501	» 1 000	34
» 1 001	» 5 000	62
» 5 001	» 10 000	21
» 10 001	» 25 000	12
свыше	25 000	13
без указания размера		5

Итак, владельцев земли свыше 5 тыс. дес. было 46 (8,3%). Наиболее крупное имение — свыше 300 тыс. дес. земли — принадлежало егермейстеру И. П. Балашову.

Чинов IV класса числилось 2895 человек, из них 120 человек из расчетов исключаются, так как они или не получали жалованья, или их собственность была не обозначена. Из оставшихся 2875 лиц собственниками являлись 953 (31%). В свою очередь они подразделялись на: помещиков — 736 человек (24,1%) (среди землевладельцев было 10 человек, владевших промышленными предприятиями, а у 105 имелись дома или дачи); владельцев домов и дач — 217 человек; владельцев промышленных предприятий — 4.

По размерам земельные владения (в дес.) среди чинов IV класса распределялись следующим образом:

до 100		46
от 101	до 500	176
» 501	» 1 001	146
» 1 001	» 5 000	232
» 5 001	» 10 000	43
» 10 001	» 25 000	29
свыше	25 000	13
без указания размера		51

Нужно отметить, что в число крупнейших земельных собственников входило 85 человек (2,9%).

Подведем итоги. Прежде всего рассмотрим данные о динамике численности землевладельцев среди чинов всех четырех классов за полу столетие (в %) *:

1853 г. 1878 г. 1902 г.

I класс	100	—	—
II »	97,4	71,4	51,0
III »	65	48,9	42,3
IV »	51,5	34,3	24,1

* Интересно отметить, что процент помещиков среди военных чинов был меньшим. Так, в 1903 г. из 266 генерал-лейтенантов, чинов

Таким образом, удельный вес помещиков среди чинов первых четырех классов непрерывно уменьшается, впрочем не совсем равномерно. Численность чинов II и IV классов за полу столетие сократилась почти на 50%, в то время как чинов III класса — более чем на 30%.

Проследить динамику изменения численности владельцев промышленных предприятий довольно трудно из-за мизерного их числа. Как говорилось выше, эти данные едва ли полны. Среди помещиков — владельцев промышленных предприятий преобладали собственники винокуренных заводов. Домовладельцы и дачевладельцы представлены преимущественно среди чинов IV класса. Если абсолютная численность их возрастает, то в процентном отношении она падает. Так, в 1853 г. к ним относилось 69 человек (11%), в 1878 г. — 176 (9,3%), в 1902 г. — 217 (7,5%). Среди чинов III класса в 1853 г. домовладельцев и дачевладельцев было 12 человек, в 1878 г. — 51, в 1902 г. — 39.

Анализ земельной собственности у чинов первых четырех классов, владений другими видами собственности показывает, что высшая чиновная бюрократия в Российской империи в своем большинстве относилась к крупным и крупнейшим помещикам, являлась очень богатыми людьми. Процент владельцев имений по первым четырем чинам распределялся следующим образом (с более чем 1 тыс. душ или свыше 5 тыс. дес.):

	1853 г.	1878 г.	1902 г.
I класс	100	—	—
II »	55,3	34,6	9,0
III »	23,5	15,1	8,3
IV »	8,8	6,1	2,9

Приведенная таблица свидетельствует, что процент крупных собственников среди чинов первых четырех классов непрерывно уменьшается. Однако надо отметить еще раз, что данные о крупных земельных собственниках

III класса (чьи формулярные списки сохранились), землевладельцами являлись 15,2% в отличие от гражданских чинов III класса, процент помещиков среди которых, как указывалось выше, составлял в том же году 42,3.

явно преуменьшены, так как имена без указания размеров, как правило, принадлежали именно к этой категории, однако прямых оснований для включения их в состав крупнопоместных мы не имеем.

Что же касается чинов первых четырех классов, не обладавших собственностью, то динамику их роста (в %) показывает следующая таблица:

1853 г. 1878 г. 1902 г.

I класс	—	100*	—
II »	2,6	26,5	43,0
III »	27,5	41,3	57,6
IV »	35,5	56,3	67,2

Вопрос о сращивании бюрократии с представителями буржуазии в пореформенный период представляет несомненный интерес, однако какие-либо систематические данные на этот счет отсутствуют или, осторожнее говоря, нами не обнаружены. Как отмечалось выше, нет сведений о том, что представители бюрократии владели акциями, да и едва ли они могли быть учтены. Попробуем в той мере, в которой нам позволяют источники, осветить два вопроса: в какой степени представители крупной буржуазии проникали в состав высшего чиновничества и каково участие представителей высшей бюрократии в капиталистических предприятиях?

На первый вопрос дать точный ответ нельзя, так как в официальных источниках обобщенных данных не имеется, а для сбора их необходимо изучить тысячи послужных списков. Однако возможно произвести приблизительный подсчет.

В «Списках гражданским чинам первых четырех классов» на 1903 г. не встречаются фамилии известных представителей капиталистического мира, за исключением клана железнодорожных строителей Поляковых, двое из которых имели чины IV класса, т. е., несмотря на иудейское вероисповедание, являлись российскими потомственными дворянами и именовались «превосходительствами». Ни один из представителей крупной московской буржуазии среди чинов первых четырех классов не числится **.

* Один человек.

** Среди них отсутствуют Абрикосовы, Алексеевы, Бахрушины,

Однако отдельные представители капиталистов входили в состав бюрократии. Они обычно не служили, а занимали, как, например, Поляковы, посты попечителей, иногда почетных, тех или иных благотворительных учреждений. Получение того или иного чина обычно было связано с услугами, оказанными правительству тем или иным лицом, в большинстве случаев имевшими благотворительный характер. Непосредственное влияние их на различные звенья государственного аппарата было ничтожно. Влияние растущей буржуазии на аппарат самодержавного государства осуществлялось другими путями, главным образом путем подкупа государственного аппарата. Именно поэтому наибольшее значение имела вторая форма «сращивания» — участие тех или иных представителей бюрократии в деятельности капиталистических предприятий, что в большинстве случаев носило форму прямого подкупа.

Особенное развитие эта форма подкупа получила в 70-е годы — в период быстрого развития капитализма в стране — раздачи концессий и создания различного рода акционерных обществ и компаний. Кроме того, этому способствовали всякого рода злоупотребления, осуществлявшиеся самим императором Александром II.

Процесс «сращивания» прежде всего характерен для ведомств двух министерств — финансов и путей сообщений. Как рассказывает в своих воспоминаниях служивший в конце 60-х—начале 70-х годов в Комитете министров А. И. Куломзин, председатель Государственного банка Е. И. Ламанский действовал в «тесном контакте» с различными представителями финансового мира. «Недавно, — пишет Куломзин, — он вошел в компанию с капиталистами, и [они] заранее купили еще не выпущенные акции одной железной дороги по 80 коп. за рубль и потом публике продали их с барышом. Капиталисты дали деньги, а Ламанский кредит Государственного банка или другого им основанного Общества взаимного кредита, которому он также покровительствует деньгами банка. Очевидно, у Ламанского денег нет*, потребных на железную дорогу, зачем же его приглашают

Гучковы, Крестовниковы, Морозовы, Найденовы, Прохоровы, Сабашниковы, Сытины, Третьяковы, Ушковы, Хлудовы и др.

* Другая редакция: «Очевидно, что у этого лица нет миллионов».

во все компании, очевидно по его положению как управляющего Государственным банком»¹⁵⁷.

В ноябре 1868 г. в Комитете министров обсуждалось представление министра финансов М. Х. Рейтерна Александру II по поводу участия высших сановников в железнодорожных акционерных обществах. В представлении он писал: «Ваше императорское величество изволили признать необходимым принять меры к уменьшению проявляющегося в последнее время слишком сильного стремления к образованию обществ железных дорог, стремления, принимающего иногда характер откупных сделок». Решение Комитета министров было изложено в форме пожелания: «Министр финансов полагал бы написать конфиденциально министрам и управляющим отдельными частями, что Ваше императорское величество изволили желать, чтобы лица, имеющие по служебному положению прямое влияние на государственную администрацию (как управляющие департаментами, канцеляриями и т. п.), и ближайшие их помощники, а равно члены правительственных коллегиальных собраний не участвовали в учреждении товариществ железных дорог»¹⁵⁸. Решение было утверждено 7 ноября Александром II.

Однако это «высочайшее пожелание» нарушалось самим же императором. Как рассказывает А. И. Дельвиг, в 1871 г. директор Департамента общих дел Министерства путей сообщения В. В. Жемчужников являлся директором правления Общества Московско-Брестской железной дороги и одним из директоров Общества Киево-Брестской железной дороги¹⁵⁹. Тот факт, что Александр II не только не препятствовал невыполнению своего «пожелания», но сам не выполнял его, свидетельствует Куломзин. «Недавно (в начале 70-х годов.—*Авт.*) в Комитете было прекуръзное дело: представлен был устав одной компании, который я докладывал. Князь Гагарин [председатель Комитета министров.—*Авт.*] с разрешения государя поднял вопрос, не следует ли отклонить эту компанию, так как в ней принимают гласное участие 5 высших чиновников Министерства финансов... Князь Гагарин, хотя и опирался на высочайшее повеление, которое воспретило высшим сановникам принимать участие в концессиях железных дорог, остался один при своем мнении... Но государь согласился с большинством»¹⁶⁰.

Приведенное высказывание, во-первых, показывает сначала полнейшую непоследовательность действий императора, поддержавшего Гагарина, а затем санкционировавшего нарушение собственного решения, а во-вторых, интересно как факт «сращивания» высших чинов Министерства финансов с представителями финансового мира.

Сенатор М. Б. Веселовский, служивший в Государственной канцелярии, также обращает внимание на тот факт, что «учредительство», т. е. участие в учреждении тех или иных акционерных обществ, получило большое распространение среди высших слоев чиновничества. «Право приглашать в число учредителей других лиц, — отмечает он, — открывало возможность располагать в свою пользу таких особ, у которых было мало денег, но много связей и влияния. Чтобы задобрить такого «человечка», достаточно было записать на его имя известное число акций (может быть, без всякого взноса с его стороны), потом перепродать эти акции по возвышенной цене и полученную разницу поднести в виде магарыча мнимому акционеру». Веселовский подчеркивает утверждение этой практики и отмечает, что «банковские учредители встречали большую поддержку у многих правительственных лиц»¹⁶¹.

Именно это обстоятельство явилось причиной, заставившей Александра III поставить в Комитете министров вопрос о запрещении высшим сановникам участвовать в правлениях различного рода акционерных предприятий. Первоначально он рассматривался в апреле—мае 1884 г. При этом министрам и главноуправляющим было предложено представить свои отзывы к 1 октября. Все они высказались за проведение указанной меры. Наиболее решительными противниками участия сановников в правлениях акционерных обществ выступили государственный контролер Т. И. Филиппов и управляющий Морским министерством И. А. Шестаков. Филиппов писал: «Участие в учредительстве акционерных, торговых и промышленных обществ и кредитных установлениях должно быть воспрещено всем без изъятия лицам, состоящим на государственной службе, за исключением учреждения промышленных обществ, имеющих целью эксплуатацию принадлежащей сим лицам недвижимой собственности... Воспрещение занимать должности в частных обществах и установлениях надлежало бы безусловно распростра-

нить на всех лиц, занимающих на государственной службе должность V класса и выше». Шестаков по существу повторял мнение Филиппова, внося лишь одно дополнение: «Воспрещение участвовать в учредительстве может быть обойдено, так как принять участие в учредительстве могут жена, дети, зять, а потому в новом законе следовало бы сделать соответствующую оговорку»^{162*}.

3 декабря 1884 г. Александр III утвердил решение Комитета министров «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах, компаниях, а равно в общественных и частных установлениях»¹⁶³. Закон запрещал какое-либо участие в руководящих органах этих обществ чинам первых трех классов и соответствующим придворным чинам, а также лицам, занимавшим определенные должности: обер-прокурорам Сената и их товарищам, директорам департаментов и главных управлений, губернаторам, градоначальникам, прокурорам и ряду других лиц.

Надо сказать, что еще при обсуждении проекта закона в мае «Комитет не признал возможным подчинить какому-либо ограничению участие должностных лиц в общих собраниях акционерных обществ в качестве акционеров, владеющих более или менее значительным числом акций, так как подобные ограничения нарушили

* В представлениях министров, объединенных в «Своде собраний и заключений», содержатся интересные данные о совмещении различными представителями высшего чиновничества руководящих постов в разных акционерных обществах. Так, член Совета государственного контроля, сенатор вице-адмирал А. И. Жандр являлся директором-распорядителем правления пароходного общества «Кавказ и Меркурий». Из 36 руководящих чиновников Министерства путей сообщения должности в акционерных компаниях имели двое: член Совета министерства С. В. Кербедз в качестве члена Совета управления Главного общества железных дорог и директор канцелярии министерства Неронов в качестве директора правления общества Амурского пароходства. По данным министра путей сообщения, на частной службе в обществах железных дорог состоял 221 чиновник разных ведомств. 65 из них «возглавляли более самостоятельные и выдающиеся должности»: председателей, вице-председателей, директоров и членов правлений, управляющих дорогами или начальников отдельных частей их (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Н. И. Стояновского, карт. 80, д. 3, л. 7). К сожалению, в сводке отсутствуют сведения по Министерству финансов.

бы гражданские и имущественные права должностных лиц.

Равным образом Комитет склонился к тому, что в ограничение прав собственности поземельного хозяйства необходимо допустить учреждение промышленных обществ должностными лицами, владеющими недвижимыми имуществами с целью обработки в пределах сих имуществ»¹⁶⁴.

Закон в какой-то мере ограничивал возможности участия высшей бюрократии в руководящей деятельности акционерных обществ, однако был не в состоянии пресечь ее. Если ранее это делалось гласно, то после издания закона прибегали к различным обходным путям.

В качестве примера можно привести государственно-го секретаря А. А. Половцова. В 1895 г. создается Богословское акционерное общество, в деятельности которого непосредственное руководящее участие принимает Половцов, хотя акционером была его жена, которой принадлежала подавляющая часть акций.

Развитие новых экономических отношений в пореформенный период, распространение частного предпринимательства приводят к появлению среди чиновничества служащих чисто капиталистических организаций, не имевших прав на основании существовавших законов к занятию чиновных должностей.

В конце 80-х годов в составе Министерства финансов образуется Департамент железнодорожных дел, призванный заниматься вопросами разработки железнодорожных тарифов. Директором департамента был назначен управляющий юго-западными (частными) железными дорогами С. Ю. Витте. Он приглашает на службу в департамент лиц преимущественно из управления юго-западными дорогами, являвшихся специалистами в области тарифного дела. Так как они не имели никаких чинов, а подчас и прав на вступление в государственную службу, министр финансов И. А. Вышнеградский вносит в Государственный совет в январе 1889 г. представление: «Ввиду необходимости приглашения на службу лиц, сведущих в тарифном деле, но которые могут не удовлетворить всем требованиям «Устава о службе гражданской», просим допустить определение на штатные должности не свыше VI класса как лиц, не имеющих соответствующих чинов, так и вовсе не имеющих чинов, а равно

и не имеющих прав на вступление в гражданскую службу»¹⁶⁵.

Соединенные департаменты Государственного совета не только согласились с этим представлением, но даже распространили подобный порядок на все должности данного департамента до V класса включительно¹⁶⁶. Как отмечает Б. Б. Дубенцов, подбор состава чиновников Департамента железнодорожных дел С. Ю. Витте явился успешной и к тому же первой, по всей вероятности, в истории российской бюрократии попыткой введения в состав среднего чиновничества служащих чисто капиталистических организаций¹⁶⁷.

Став министром финансов, Витте в конце 1894 г. внес новое представление в Государственный совет, прося разрешения распространить закон 1889 г. на все ведомства Министерства финансов. Государственный совет поддержал представление Витте, разрешив прием в должности ведомства до V класса включительно лиц, не имевших права на определение на службу, но при условии наличия у них высшего образования¹⁶⁸.

Мероприятия Витте способствовали значительному увеличению в составе казенных палат людей с высшим образованием. По данным Дубенцова, с 1893 до конца 1896 г. их число возросло на 64% при общем увеличении штата на 6%.

Таким образом, процесс капиталистического развития оказывал определенное влияние на состав чиновничества в отдельных ведомствах. Пореформенное развитие страны настойчиво требовало ликвидации тех ограничений, которые содержал «Устав о службе гражданской», носивших сословно-феодалный характер.

Однако в целом состав чиновничества, за исключением ведомств Министерства финансов и путей сообщения, сохранял прежний дореформенный характер. Среди высшей бюрократии процент потомственного дворянства продолжал оставаться довольно высоким. Нужно отметить, что российское дворянство в своей массе было не способно заниматься коммерческими делами, а если и занималось, то в форме патриархально-помещичьей. Так, например, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин и петербургский градоначальник Н. Б. Клейгельс «обеспечивали» по повышенным ценам пожарные команды Петербурга сеном и овсом из своих имений; дрова для отопления полицейских зданий также доставлялись из

поместий указанных лиц. Горемыкин вкупе с Клейгельсом пытался осуществить еще одну аферу, сулившую миллионные взятки, но потерпел фиаско*. Участие в предпринимательской деятельности высшего чиновничества также не носило массового характера, большей частью оно проявлялось в различных формах коррупции (использование служебного положения).

* Речь шла о строительстве окружной железной дороги вокруг Петербурга (Отдел рукописей ГПБ, ф. фон Валя. Записки (Дневник), тетрадь 1, л. 10—18).

●

Высшая бюрократия накануне Крымской войны

Вторая четверть XIX столетия, период наибольшего самоутверждения российского абсолютизма в его военно-бюрократической форме, протекала в условиях кризиса всей феодально-крепостнической системы. Кризис не только находил свое выражение в явлениях социально-экономического порядка, но и обнаруживал себя в сфере политической надстройки. Вся система государственного устройства, особенно в 40-х годах, порождала произвол, всеобщую ложь, продажность чиновничества. Этот период кризиса относится к царствованию Николая I. «Апогей самодержавия», — как удачно назвал Николай I историк А. Е. Пресняков, — считал идеалом своей империи казарму, где все, начиная от министров и генералов, отвечали бы на его приказы только одним словом «слушаюсь»¹.

Собственно понятие «право» для него, особенно в последние годы его жизни, не существовало, в силу чего самодержавие в этот период приближается к деспотии. Николай I, особенно во второй половине своего царствования, был нетерпим к чужим мнениям, собственные суждения представлялись ему истиной в последней инстанции, а иные точки зрения рассматривались как проявление крамолы в различных ее видах. «Ему (императору. — Авт.), как он неоднократно выражался, нужны люди не умные, а послушные»², — писал в своем дневнике один из близких ему людей, член Государственного совета барон М. А. Корф*.

* Об этом же рассказывает С. М. Соловьев в своих воспоминаниях: «Посещает император одно военное училище; директор представляет ему воспитанника, оказывающего необыкновенные способности, следящего за современной войной, по своим соображениям верно предсказывающего исход событий. Что же отвечает император: «...мне таких не нужно, без него есть кому думать и заниматься этим; мне нужны вот какие...» — и выдвигает из толпы дюжего мало-

Николай I — человек крайне самоуверенный — взял на себя, как известно, функции цензора А. С. Пушкина. Насколько лихо он правил рукописи великого поэта, свидетельствует в своих воспоминаниях П. О. Смирнова-Россет³. Так, он заменил в поэме «Граф Нулин» слово «урыльник» (ночной горшок) на слово «будильник», считая первое неприличным. Некоторые современники, отмечая живость ума самодержца, знание им многих иностранных языков, обращали внимание на его ораторские способности. «Он был в полном смысле оратором»⁴, — отмечал Д. А. Милютин.

Натура деспотическая, жесткая и беспощадная, он был чрезвычайно честолюбив и вместе с тем деятелен. «В нем бывали, — замечает в своих воспоминаниях профессор Военной академии А. Э. Циммерман, — проблески великодушия, он иногда выносил противоречия»⁵. Нам представляется, что эти «проблески великодушия» носили в основном показательный характер. Так, например, на майском параде на Марсовом поле, происходившем 30 апреля 1849 г., Николай I остановил парад в момент прохождения мимо него лейб-гвардии Егерского полка, точнее, одной из рот, которой командовал капитан Львов. «Парад стой, Львов ко мне!» — подал команду император. Львов оказался арестованным по ошибке (вместо своего однофамильца штабс-капитана того же лейб-гвардии Егерского полка, члена Общества петрашевцев). По словам Корфа, Николай «публично извинялся перед ним с двукратным пожатием руки»⁶. О подобной сцене «несколько театрального характера» рассказывает и А. Ф. Кони⁷.

Образование Николай I получил весьма скромное. Свои знания в военной области он применял весьма односторонне. Все сводилось к одному: к муштре и плац-парадам, демонстрировавшимся на Царицыном лугу. Характеризуя Николая I как военачальника, генерал А. Э. Циммерман писал: «Главным пороком его, конечно, была шагистика... неудержимая детская страсть играть в солдатки. Он бывал несправедлив, мелок, придирчив [...] за какие-нибудь фронтовые ошибки, не щадил в таких случаях ни заслуг, ни лет»⁸. Действительно, все было подчинено внешнему эффекту.

го, огромный кусок мяса без всякой жизни и мысли на лице и последнего по успехам» («Записки С. М. Соловьева». Изд. «Прометей», [б./г.], стр. 117).

Об этом же рассказывает Д. А. Милютин. В 1845 г. он, будучи назначен для наблюдения за практическими военными занятиями кадет в лагере, убедился, что этому не придавалось никакого серьезного значения. «Строевое начальство, — пишет он, — смотрело неблагосклонно на означенные «практические» занятия, отнимавшие время от строевых учений, гораздо более заботивших и батальонных командиров, и самого начальника отряда». Еще ранее, в 1840 г., в своем заграничном дневнике Милютин, характеризуя систему образования будущих офицеров, писал: «Наши офицеры образуются совершенно как попугаи. До производства их они содержатся в клетке, и беспрестанно толкуют им: «Попка, налево кругом!», и попка повторяет: «Налево кругом». «Попка, на караул», и попка повторяет это... Когда попка достигает до того, что твердо заучит все эти слова и притом будет уметь держаться на одной лапке... ему надевают эполеты, отворяют клетку, и он вылетает из нее с радостью, с ненавистью к своей клетке и прежним своим наставникам»⁹. Словом, в военной области, самой ему знакомой и близкой, Николай I был наиболее беспомощен, оценивая подготовку войск только с точки зрения «игры в солдатики».

При всех своих полицейских воззрениях (он мнил себя полицмейстером всей Европы), при полной убежденности в своей непогрешимости Николай I хорошо представлял себе несовершенство бюрократического аппарата. Обстоятельства складывались таким образом, что самому царю приходилось думать над искоренением его недостатков. Так, он поручает правителю дел следственной комиссии по делу декабристов А. Д. Боровкову составить «Свод показаний» декабристов, касающихся недостатков государственного управления, и пытается руководствоваться им в своей деятельности. 6 декабря 1826 г. был создан специальный комитет, задачей которого являлся пересмотр основ и уставов существовавшего государственного управления. В том же году было образовано II отделение собственной е.и.в. Канцелярии, где под руководством М. М. Сперанского шло составление Полного собрания законов, а также Свода действующих законов, построенного в систематическом порядке.

10 июня 1826 г. был издан новый цензурный устав. Современники называли его «чугунным» — такой тяжестью он ложился на авторов и издателей. Как отмечалось в уставе, цензура должна заботиться «о науках,

воспитаний юношества, о нравах и внутренней безопасности», т. е. утверждать верноподданничество и «благонамерение» и направлять общественное мнение «согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства». Вместе с тем устав запрещал те места в произведениях, «имеющие двойкий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам»¹⁰. В 1828 г. этот устав был отменен. Новый устав запрещал «давать какое-либо направление словесности и общественному мнению, она (т. е. цензура. — Авт.) долженствует только запрещать издание... кои вредны в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан». Устав 1828 г. предписывал иметь в виду явный смысл произведения, не позволяя произвольного его толкования в дурную сторону¹¹. Таким образом функции цензуры значительно ограничивались. Это не могло не произвести впечатление на современников, однако в действительности цензурный гнет лишь несколько уменьшился.

Хотя ряд мер, проводившихся молодым императором, носили охранительный характер (создание III отделения) и утверждали феодальный принцип сословности в образовании (устав уездных училищ и гимназий 1828 г.), у современников создавалось представление, что в России наступила эпоха реформ.

Надо заметить, что в целом все реформаторские дела Николая I ставили своей целью не только укрепить, но и всемерно усилить существовавшую систему помещичье-полицейского государства, утвердив ее на законном фундаменте. Однако после революционных событий начала 30-х годов все стремления осуществить широкие реформы и в этом направлении были оставлены.

Ради справедливости следует отметить, что Николай I в течение всего своего царствования, точнее до 1848 г., думал об отмене крепостного права, понимая, что оно является «пороховым погребом» под государством. Правда, он имел в виду решить этот вопрос не сразу и, конечно, «безболезненно» в интересах дворянства. Большие надежды возлагал Николай I на перевод крестьян в обязанные. Как рассказывает в своих воспоминаниях его дочь, Ольга Николаевна, в конце зимы 1842 г. Николай I сказал жене: «Я стою перед самым значительным актом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном совете план, представляющий первый шаг к освобождению крестьян». Это был

указ, — поясняет она, — для так называемых оброчных («обязанных». — Авт.) крестьян»¹². Однако, как уже говорилось выше, этот «первый шаг» не означал ущемления интересов дворянства. Выступая перед петербургским дворянством 21 марта 1848 г., Николай I сказал: «Некоторые лица приписывали мне... самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием. Когда я издал указ об обязанных крестьянах, то объявил, что вся без исключения земля принадлежит дворянину-помещику. Это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может»¹³.

Примерно к середине 30-х годов стремления провести те или иные реформы (за исключением крестьянского вопроса) были оставлены. Императорская власть все более и более проявляет черты деспотизма. А. С. Пушкин, который ранее возлагал некоторые надежды на Николая I, в неотправленном письме от 19 октября 1836 г. к П. Я. Чаадаеву писал: «Действительно нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству поистине могут привести в отчаяние»¹⁴.

Атмосфера деспотизма, безоговорочного послушания, отсутствие возможности свободно выразить собственную мысль, даже очерченную кругом официозных представлений, приводили к утверждению лжи и лицемерия, возведенных в государственную систему. Вполне естественно, что это в значительной степени усиливало процесс загнивания всего государственного строя, и в первую очередь государственного аппарата. Кризис крепостнической системы усугублялся этой атмосферой. Самым парадоксальным и, казалось бы, невероятным было то, что самодержец из самодержцев, «апогей самодержавия» не был в состоянии управлять своей «системой».

Даже те реформы, проведения которых настоятельно требовала жизнь, приводили к противоположным результатам. В качестве примера приведем реформу государственных крестьян и инвентарную реформу в юго-западных губерниях (на Правобережной Украине).

По закону 26 декабря 1837 г. создавалось особое министерство «для управления государственными имуществами, для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведования сельским хозяйст-

вом»¹⁵. Во главе министерства был поставлен один из умнейших сановников того времени, гр. П. Д. Киселев.

На основе этого закона было реорганизовано управление государственными крестьянами. В каждой губернии создавалась палата государственных имуществ с большим штатом чиновников. В отдельных уездах образовывались подчиненные палате округа государственных имуществ, во главе которых стояли окружной начальник и его помощники. Вся эта армия чиновников и осуществляла «попечительство» над крестьянами. В селениях и волостях сохранялись в несколько измененном виде органы общественного управления, находившиеся в полной зависимости от губернского и уездного начальства этого ведомства. Закон предусматривал ряд мер, которые предполагали дополнительное наделение государственных крестьян землей и лесом, организацию медицинского обслуживания, строительство школ, перевод крестьян западных губерний с барщины на оброк и т. д. Подобные меры должны были привести к улучшению некоторого положения государственных крестьян. Однако усиление правительственного «попечительства» над крестьянами привело к росту произвола, взяточничества и всякого рода издевательств по отношению к «опекаемым».

Шеф жандармов гр. А. Х. Бенкендорф во «всеподданнейшем» отчете о деятельности III отделения за 1842 г. писал: «Теперь остается решить: улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового попечительства. Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспokoйства, возникшие в прошедшем году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то по крайней мере не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне на счет крестьян живут десятки чиновников»¹⁶.

Если даже учесть, что в ряде случаев волнения крестьян были вызваны принудительными посадками картофеля, о чем умалчивает Бенкендорф, то в целом оценка шефа жандармов правильна. Имеется аналогичное свидетельство, принадлежащее генерал-адъютанту Н. Кутузову, в его записке Николаю I «О состоянии го-

сударства в 1841 году»: «При учреждении сего Министерства (государственных имуществ. — *Авт.*) Вы мыслили улучшить благосостояние казенных крестьян, но с самого его учреждения оно приняло характер разорения и положение крестьян не только не улучшилось, но бедность их достигла высочайшей степени... Из одного департамента Министерства финансов вдруг выросло три департамента, несколько канцелярий, полсотни палат, сотни окружных управлений, так что вместо ста двадцати прежних управлений явилось более 1500. Подобное умножение чиновников во всяком государстве было бы вредным, но в России оно губило и губит империю»¹⁷.

Таким образом, реформа, которая, как полагали, должна была улучшить положение государственных крестьян, привела к противоположным результатам. Чиновный аппарат действовал сам по себе вопреки создавшей его абсолютистско-полицейской системе.

То же можно сказать и в отношении инвентарной реформы, проводившейся в 1848 г. на Правобережной Украине. В целях ограничения произвола помещиков в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, где помещиками являлись в основном польские дворяне, были введены так называемые инвентарные правила, устанавливавшие определенный размер земельного участка крестьянина и определенные за него повинности. Однако реформа эта не дала каких-либо положительных результатов. Помещики игнорировали ее выполнение, а местная администрация, находившаяся в зависимости от них, не принимала никаких мер.

Начальник IV округа жандармов генерал Буксгевден в особой записке «О действиях помещиков по инвентарным правилам и относительно экономов, в имениях находящихся», характеризуя положение в Волынской губернии, писал: «Со введением на Волини инвентарных правил помещики, после бесполезного ропота, предприняли умысел подавить это государственное направление, предписывая крестьянам род возмущения... Несколько произведенных следственных дел по донесениям земских исправников о возмущении крестьян — и в результате оказалось, что когда владельцы нарушали инвентарные правила, то крестьяне просили их дать им то, что высочайшею волею даровано и за что крестьяне были наказаны прежде следствия розгами»¹⁸. Буксгевден отмечал, что помещики, нарушавшие инвентарные правила, оста-

вались фактически безнаказанными. (И в этом не было ничего удивительного. Помещики не считались с законом, имея в виду, что правитель дел киевского генерал-губернатора от волынских дворян специально в связи с проведением инвентарной реформы получил 35 тыс. руб. Такое же положение дел наблюдалось в других губерниях — Киевской и Подольской.)

Следовательно, и в этом вопросе всемогущий монарх был бессилён, и он мирился с произволом и грабежом своих генерал-губернаторов и губернаторов либо ограничивался отстранением их от должности (например, генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта), но увольняемые с занимаемого поста через короткое время назначались на новую административную должность (например, псковский губернатор Бартоломей).

Для бюрократического аппарата этого периода характерна такая черта, как казнокрадство, которое достигло чудовищных размеров. Накануне Крымской войны, в начале 50-х годов, директор канцелярии Комитета о раненых*, камергер двора и тайный советник А. Г. Политковский украл 1 004 901 р. 63 к.¹⁹ Надо заметить, что, проводя эту «операцию» в течение почти 20 лет, он не подвергался никаким ревизиям. На протяжении многих лет Политковский жил на чрезвычайно широкую ногу, на его кутежах присутствовал «весь Петербург», в том числе и управляющий III отделением Л. В. Дубельт. В результате все члены Комитета о раненых были преданы суду. Политковский побил рекорд, украв более миллиона, однако тысячи чиновников разных калибров крали, крали и крали. В частности, в тот же период довольно значительную сумму, отпущенную на изготовление дворцовой мебели, украл главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями П. А. Клейнмихель, любимец Николая I²⁰.

* * *

В 1850 г. в связи с празднованием 25-летия царствования Николая I особенно мутными потоками лилась ложь, долженствовавшая продемонстрировать успехи, силу и мощь николаевской империи. В связи с юбилеем представлялись отчеты по различным ведомствам, характеризовавшие состояние дел в тех или иных управлениях.

* ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, отд. Государственно-го секретаря, 1853 г., д. 5, л. 3.

Остановимся на одном из них — отчете военного министерства «Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г.». Общеизвестна тяжелая участь николаевского солдата, ставшая нарицательной, однако в отчете военного министра утверждается другое. «Весьма значительное содержание офицеров и назначение нижним чинам довольствия в девять раз более против прежнего останутся навсегда драгоценнейшим знаком монаршего к войску благоволения и незабвенным памятником отеческих попечений Вашего величества об улучшении блага воинских чинов». Не говоря уже о том, что увеличить в девять раз довольствие солдат было невозможно, ибо в таком случае надо предположить, что в «предшествовавшее царствование» их просто не кормили, к тому же подобное заявление опровергается ужасающей цифрой умерших от болезней солдат, которую сам военный министр Чернышев приводит в этом же отчете.

За 25 лет в армии умерло от болезней 1 062 839 «нижних чинов». Отметим, что, по данным того же отчета, в сражениях (русско-иранской войны 1826—1828 гг., русско-турецкой войны 1828—1829 гг., кавказских войн, во время подавления восстания в Польше в 1831 г., в интервенции в Венгрии в 1849 г.) было убито 30 233 человека. Согласно этому же отчету, в 1826 г. в армии насчитывалось 729 655 «нижних чинов», по наборам в регулярные войска было принято с 1826 по 1850 г. 874 752 рекрута²¹. За указанный 25-летний период в армии состояло 2 604 407 солдат, таким образом от болезни умерло 40,4% наличного состава «нижних чинов». Едва ли такая смертность была возможной при девятикратном улучшении питания, даже если принять во внимание, что половина раскрадывалась начальством.

Небезынтересно привести данные о заболеваниях в Действующей армии (так назывались войска, расположенные на западной границе с 1835 г.). Из 231 009 человек болели 173 892, т. е. 75% состава армии. В отчете указывалось, что принятые в отношении рекрут меры (обеспечение нормальным довольствием в пути следования, отдых во время переходов к месту службы, постепенное привыкание к климату и др.) «имели самые благодетельные последствия, а именно: уменьшение между рекрутами смертности и побегов и в особенности уныния и боязни этой необходимой повинности»²²,

Таким образом, за 25-летие «благополучного царствования» из пяти пришедших на службу солдат двое умирали.

Подобным же образом искажалось положение дел в отчете морского министра. Общеизвестно состояние флота в период Крымской войны, особенно Черноморского, являвшегося, за небольшим исключением, парусным. Однако в отчете Меншикова оно выглядело совершенно иначе. «...Когда паровая сила возвысилась на степень могущественного сподвижника в морских битвах, — писал морской министр, — то флот вашего императорского величества... не остался бездейственным зрителем развития новой полезной мысли... и усилил состав свой вооруженными пароходо-фрегатами». Далее указывалось, что в составе Черноморского флота имелось 16 кораблей, 8 фрегатов и 13 военных пароходов²³. Таким образом, больше 1/3 судов в отчете представлены паровыми.

Главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями П. А. Клейнмихель подробно перечисляет в своем отчете «огромные работы», осуществленные за последние 25 лет, особенно в области улучшения водяных сообщений. В действительности дело обстояло иначе. Так, генерал Н. Кутузов в записке «О состоянии государства в 1841 году» писал: «Пути сообщения, особенно водяные, год из году приходят в худшее положение... Это препятствует быстрому ходу внутренней промышленности и развитию народного богатства»²⁴.

* * *

Для высшей бюрократии рассматриваемого периода характерно почти полное отсутствие умных, волевых людей. Интересны в этом отношении наблюдения М. А. Корфа в дневнике за 1838 г. о Государственном совете: «...при необходимой надобности подкрепить Совет еще несколькими новыми членами... мы с графом Васильчиковым (председателем Государственного совета и Комитета министров. — Авт.) прошли на днях весь Адрес-календарь и не нашли никого, кто мог бы настоящим образом годиться и быть полезен в этом звании. Бедность в людях ужасная и не только в таком высшем разряде, но и в должностях второстепенных»²⁵.

Так было в конце 30-х годов, а в конце 40-х положение еще более усугубилось. В 1845 г. умер министр финансов Е. Ф. Канкрин, занимавший этот пост с 1823 г. Канкрин был человеком широко образованным, по крайней мере в области экономических вопросов. На наш взгляд, после М. М. Сперанского это был первый по своему уму государственный деятель, правда лишенный той широты, которая была присуща Сперанскому. Характеризуя Е. Ф. Канкринина, сенатор К. И. Фишер, служивший в Министерстве финансов, писал: «Во всей его личности изображался человек, выходящий из ряда обыкновенных по уму, по сердцу и образу жизни». Такую же характеристику дает Канкрину и близко знавший его О. А. Пржеславский: «Канкрин одарен был замечательным умом и при том, не удовлетворяясь, как делали многие другие, одними эмпирическими сведениями о вверенной ему части, изучал ее специально. Он бесспорно нашелся на своем месте, и его заведование в течение многих лет финансами России довело постепенно эту отрасль управления до удовлетворительной степени устройства»²⁶. Вместе с тем Канкрин обладал известной независимостью. Он был человеком упрямым и резким. В силу всего этого его не любили при дворе. С именем Канкринина связано многое: и упорядочение государственного бюджета, и денежная реформа начала 40-х годов (выпуск кредитных билетов и установление единого курса на бумажные и серебряные деньги), и организация промышленных выставок, и создание высших технических учебных заведений, и многое другое. Но и Е. Ф. Канкрин не смог искоренить в своем ведомстве казнокрадство, хотя сделал в этом отношении немало.

«Новый министр, — отмечал в своих воспоминаниях О. А. Пржеславский, — начал с очищения своего ведомства от накопившихся осадков прежнего времени: лихоимства и злоупотреблений. Удаление недостойных чиновников и несколько примеров строгого наказания показали служащим по министерству, что благое гурьевское время миновало безвозвратно. Казенное управление питейным сбором заменено отдаваемым с публичных торгов откупом, и весьма значительное увеличение вследствие этой меры казенного дохода наглядно обнаружило, какие по этой части практиковались злоупотребления. Таможенное ведомство было радикально преобразовано... Словом, благодаря Канкрину финансовое дело в России,

обеспеченное *по возможности* (подчеркнуто мной. — Авт.) от прежнего систематического грабежа... по крайней мере в своем внутреннем механизме по пути к постепенному преуспеянию»²⁷. Однако независимо от воли и усилий министра финансов положение по сути дела оставалось прежним. В казенных палатах (губернские органы Министерства финансов) злоупотребления достигли колоссальных размеров, отдача продажи вина на откуп хотя и увеличила доходы казны по сравнению с прежними годами, но вместе с тем способствовала массовому произволу и злоупотреблениям откупщиков, выплачивавших «жалованье» всей местной администрации, начиная от губернаторов до станowych приставов включительно.

На смену Канкрину после его смерти пришел необразованный и, по утверждению некоторых современников, недалекий Ф. П. Вронченко. Сенатор Фишер в своих «Записках» утверждает, что «Канкрин выбрал Вронченко, дурака, потому, что считал лишним товарища министра». Характеризуя Вронченко, сенатор К. Н. Лебедев писал: «Это был человек малообразованный... никто с ним из великих мира не говорил иначе как шутя... Он кроме кредитной канцелярии решительно ничего не понимал... Три важные меры приняты в это время (т. е. в период его управления министерством. — Авт.): 30 миллионов для покупки публичных фондов, новый тариф и земские повинности. Ни в одной из сих мер покойный министр не участвовал нисколько»²⁸.

Но Вронченко обладал тем качеством, которое для Николая I было наиболее ценным, — он был чрезвычайно послушен. Сенатор Фишер приводит слова одного из близко знавших Вронченко лиц: «Учтив как лакей и груб как лакей»²⁹. Корф в своем дневнике также дает Вронченко нелестные, однако порой противоречивые характеристики. В записи от 15 февраля 1849 г. он говорит о Вронченко далеко не почтительно, называя его «грязным гадом», которому без императора Николая «вечно бы пресмыкаться в болотах и грязях низшего подьячества»³⁰.

Характеризуя Вронченко как министра финансов, баварский посланник при русском дворе Де-Брэ в своих воспоминаниях писал: «Вронченко не имеет ни одного из тех качеств, какие необходимы в занимаемой им должности. Его познания равняются познаниям сборщика по-

дате́й»³¹. После Вронченко на пост министра финансов был назначен бесцветный, но способный, знающий Брок, обладавший тем же качеством — послушанием.

В конце 40-х годов был уволен министр народного просвещения граф С. С. Уваров. Человек умный и широко образованный, он тем не менее олицетворял собою идеал послушания, что было связано с отсутствием чувства собственного достоинства и каких-либо убеждений.

Историк С. М. Соловьев так характеризует этого человека: «Уваров был человек с бесспорно блестящими дарованиями и по этим дарованиям, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесенным из общества Штейнов, Кочубеев и других знаменитостей александровского времени, был способен занимать место министра народного просвещения, президента Академии наук, но в этом человеке способности сердечные несколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце слугою; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину (императору Николаю). Он внушал ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником... самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав за свою жизнь ни одной русской книги... Люди порядочные, к нему близкие... с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он был кругом замаран нечистыми поступками»³². Так же его характеризовали и представители другого лагеря — официально-консервативного. «В листах моего дневника за разные годы, — пишет М. А. Корф, — найдется довольно материалов к составлению полного портрета одного из знаменитейших подлецов нашей эпохи, человека, к стыду этой эпохи, столько уже лет носящего звание министра народного просвещения, Уварова. При несомненной учености, при несомненном даже уме в нем и ученость и ум совершенно парализуются, с одной стороны, образцовой низостью характера, с другой — беспримерною ленью... Столь же грязный и подлый в семейной и частной своей жизни, как и в общественной, Ува-

ров давно уже покрыт общественным презрением, можно сказать омерзением»³³.

Николай I (по крайней мере во второй половине 40-х годов) относился к Уварову исключительно плохо, точнее, игнорировал его. Министр народного просвещения не имел, как утверждает Корф, даже регулярных докладов у императора. Когда в 1848 г. был образован Меншиковский, а затем Бутурлинский комитеты по цензуре, то это проводилось помимо Уварова. Комитеты, подчинившиеся непосредственно Николаю I, никакого касательства к цензурному ведомству не имели, хотя в большинстве своем состояли из чинов Министерства народного просвещения.

В 1849 г. Уваров подал в отставку. «Итак, решено, — пишет в своем дневнике Корф, — после 18-ти месяцев унижения и позора, учреждения за ним присмотра, обращения его в чиновника особых поручений нашего Комитета, отклонения всех его предположений, пересмотра его законов без него, наконец, назначения меня, помимо его, в его ведомство (речь идет о назначении Корфа директором Публичной библиотеки.— *Авт.*) этот человек решил предпочесть свою честь честолюбию, или, лучше сказать, тщеславию»³⁴. Как известно, Уваров подал в отставку в связи с несогласием уменьшить контингент приема в университет. Насколько это было действительной причиной ухода или только поводом, сказать трудно.

Преемником Уварова, точнее, исполняющим должность министра народного просвещения был назначен товарищ министра кн. П. А. Ширинский-Шихматов. Современники считали его человеком неумным и малообразованным. В частности, Де-Брэ писал: «Его научное значение ничтожно, образование чрезвычайно поверхностное, а взгляды рутинера... Князь так мало подходит к занимаемому им посту, что о нем можно сказать только, что он честный человек и весьма посредственный министр». Так же примерно оценивает Ширинского-Шихматова и С. М. Соловьев: «Человек ограниченный, без образования, писатель, т. е. фразер бездарный. Ширинский славился своим благочестием, набожностью. Действительно он был исполнен страха перед богом... перед архиереями. Особенно же исполнен страха перед дьяволом... исполнен страха до того, что по ночам обкладывал себя дровами, дабы не стать добычей домового»³⁵.

По-видимому, Николай I долго не решался назначить Ширинского-Шихматова на пост министра и сделал это только через пять месяцев, в марте 1850 г. Однако этот деятель пробыл на «ниве просвещения» недолго, и в 1852 г., после его смерти, пост министра занял А. С. Норов, в прошлом офицер, впоследствии страстный библиофил. Однако государственным деятелем он не был: «Человек добрый, благородный, неглупый, — писал о нем в дневнике М. А. Корф, — хотя и с примесью некоторой наивности, очень хорошо владеющий пером, но едва ли деловой»³⁶.

В начале 50-х годов был уволен с поста министра внутренних дел и назначен на второстепенную должность министра уделов гр. Л. А. Перовский. По отзывам современников, это был человек неглупый и образованный, по политическим воззрениям весьма и весьма консервативный. В течение 10 лет управления Министерством внутренних дел он ничего существенного в своей области не сделал. К тому же он непрерывно вмешивался в сферу судебного ведомства. Состояние подведомственной ему местной администрации не улучшалось: произвол и воровство отнюдь не уменьшились. Сенатор К. Н. Лебедев писал: «Перовский человек весьма умный, образованный и деятельный... Некоторые меры его, например торговая полиция, городское хозяйство, заслуживают полной признательности. Но они введены плохо и исполняются еще хуже. Очень резки были вмешательства графа Перовского в ведение следствий, в судебное ведомство, например, по золотопромышленным делам сестры его графини Толстой... Унижение всякой местной власти и дерзость в сношении со всеми теми, кто стоит ниже, заставляют забывать лучшие качества бывшего министра»³⁷.

Таким образом, Перовский был типичным министром николаевского правительства: самодур, не считавшийся с законами, стремившийся проводить какие-либо меры в интересах этого правительства, однако не способного их реализовать.

Назначенный на его место киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков, правивший Правобережной Украиной как истинный римский проконсул, все же уступал во многом Перовскому. А. Д. Шумахер, ближайший помощник Н. А. Милютина по хозяйственному департаменту, в своих «поздних воспоминаниях» о давно минувших днях

приводит небезынтересный эпизод о деятельности Д. Г. Бибикова. Так, придя в министерство, он отнесся к Н. А. Милютину с предубеждением, однако, затем резко изменив свое к нему отношение, не только представил Милютину к утверждению в должности директора хозяйственного департамента и производству в чин действительного статского советника, но и представил его к ордену Станислава I степени. Когда Милютин пришел его благодарить за это, Бибиков сказал, что «он считает своей обязанностью как можно скорее провести его через все формальные условия для занятия высших должностей, так как место его, Милютина, не в хозяйственном департаменте, а на том кресле, которое теперь занимает он — Бибиков»³⁸.

М. А. Корф, оценивая назначения министрами Ширинского-Шихматова и Бибикова, говорил: «...можно считать лучшим доказательством утомления государя: выбраны люди самые ограниченные, с тем чтобы они не беспокоили его по крайней мере своими предположениями и новыми мыслями»³⁹.

На смену образованному министру юстиции Д. В. Дашкову приходит ярый крепостник гр. В. Н. Панин, который, как говорили современники, «ввел по министерству капральское управление»⁴⁰. В 1842 г. вместо просвещенного и знающего инженера К. Ф. Толя назначается на пост главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями невежественный, жестокий аракчеевец П. А. Клейнмихель.

На протяжении 40-х годов произошли и другие изменения среди министров и главноуправляющих, в результате чего их состав значительно ухудшился.

Среди представителей высшей бюрократии наиболее важное место занимали военный министр, а с 1848 г. и председатель Государственного совета и Комитета министров св. кн. А. И. Чернышев*, шеф жандармов гр. А. Ф. Орлов, главноуправляющий путями сообщений

* В конце 1852 г. на пост военного министра был назначен кн. В. А. Долгоруков, человек довольно скромных возможностей. Д. А. Милютин дает ему следующую характеристику: «Князь Василий Андреевич Долгоруков, в высшей степени аккуратный и пунктуальный, придавал значение мелочам, на которые не стоило терять времени, и более заботился о гладкости редакции, чем о самой сущности дела» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, карт. 13, д. 1, л. 26).

и публичными зданиями П. А. Клейнмихель, министр иностранных дел канцлер К. В. Нессельроде, морской министр А. С. Меншиков и министр государственных имуществ гр. П. Д. Киселев.

А. И. Чернышев, бывший в течение 20 лет военным министром, прочно вошел в историю как один из главных виновников поражения русской армии в Крымской кампании. Человек без серьезного образования, рассчитывавший на внешний эффект, он умел создавать видимость неутомимой деятельности. В силу этого многие современники отзывались о нем в основном положительно. Так, Де-Брэ писал: «На князя Чернышева, обладающего скорее способностью администратора, нежели полководца, возложена задача организовать победу. Обладая превосходной памятью и точным знанием всех мелочей службы, он сумел ввести образцовый порядок в управление своим министерством». Более сдержанно отзывается о нем сенатор К. Н. Лебедев: «Я не в состоянии судить, в какой мере в военном отношении заслужил Чернышев похвалы, высказанные в рескриптах. Довольно близко видел я хозяйственную часть Военного министерства и могу сказать, что все многочисленные изменения, касающиеся этой части, клонились исключительно к одному — скорости исполнения. Воровство делопроизводителей, извороты и обманы поставщиков устранены весьма недостаточно, и выгоды казны ограждены немного более выгод солдата, которые нередко совершенно предоставлены произволу. Впрочем, внешнее улучшение в управлении военного ведомства ощутительно и заметно более, чем в других ведомствах»⁴¹.

М. А. Корф довольно критически оценивает деятельность Чернышева как министра. В своем дневнике он пишет о нем: «Нельзя не упомянуть, что при всем его высокомерном самовластии и при такой опытности, которую должно бы предполагать в нем после столь долговременной карьеры, он всегда был слепо доверчивым игролищем канцелярий. С очень обыкновенным образованием, без высших сведений, без самостоятельного круга мыслей, без высших государственных идей, без близкого знания подробностей и механизма дел он необходимо должен был покоряться влиянию других, и все его министерство служит тому доказательством». Характеризуя Чернышева как председателя Государственного совета, Корф писал: «Независимо от личных ко мне

отношений князя Чернышева и того, что есть предосудительного в его качествах, не могу не сознаться, что он по государственным соображениям и по деловой опытности и особенно по исполинской деятельности несравненно выше покойника Васильчикова». 28 августа 1849 г. Корф отмечает: «Одно уж соединение в одном себе безмерно тяжкой должности военного министра со званием председателя Государственного Совета и Комитета министров есть такой подвиг, подобного которому до сих пор не встречалось в истории нашей администрации»⁴².

Из этих высказываний вырисовывается образ человека хотя и недостаточно образованного, без «полета мысли», но обладающего большой энергией неутомимого служаки. Однако результаты его деятельности не вызывают споров: как глава военного ведомства, он в значительной степени (основная ответственность, естественно, лежит на Николае I) виновен в плохой подготовке армии, в существовании в ней таких невыносимых условий когда из 5 призванных рекрутов умирало 2. И все это маскировалось эффективными эзерцициями войск на Царицыном лугу и блестящими лживыми отчетами, а «исполинская деятельность» Чернышева, если она и была таковой, не принесла никаких положительных результатов.

Наиболее близким к Николаю I был гр. А. Ф. Орлов, назначенный в 1844 г. вместо А. Х. Бенкендорфа. Совместная служба в молодые годы Николая и Орлова в гвардии, помощь, оказанная Орловым царю 25 декабря на Сенатской площади, — все это предопределило их близость. «Император называет графа Орлова своим другом, — писал Де-Брэ, — относится к нему как к такому и сообщает ему самые сокровенные свои намерения, коих граф является вместе с тем исполнителем. Хотя Орлов действует в этих случаях с большей ловкостью и ему сопутствует всегда удача, но все же он скорее хороший исполнитель, нежели советник, и как исполнитель оказал своему монарху самые важные услуги»⁴³. Действительно, по своим многим качествам, в частности умственной лени, впрочем как и лени вообще, Орлов не был способен подняться до уровня понимания общегосударственных задач. Его предшественник Бенкендорф, например, характеризуя во всеподданнейшем отчете за 1839 г. состояние империи, писал, что «крепостное право есть пороховой погреб под государством», ставя тем са-

мым вопрос о необходимости коренных изменений. Орлов никогда никаких серьезных тем в своих отчетах не касался. Будучи ярким крепостником, он до конца своих дней отстаивал необходимость сохранения крепостного права.

Современники считали Орлова холодным эгоистом, думавшим только о своей выгоде. Не имея родовой собственности, он к началу 50-х годов становится одним из крупнейших землевладельцев. Корф писал в дневнике: «Граф Орлов, никогда ничем не занимавшийся, холодный себялюбец, никого уж больше теперь не обманывающий личиною благородства и рыцарства... не понимающий решительно никакого дела, при всех этих достоинствах в такой еще степени ленив, что даже и между русскими составляет изъятие и потому во всем не касающемся личных его интересов и интересов его друзей совершенно в руках и обладании своих подчиненных»⁴⁴. Таким же образом характеризовал Орлова и Фишер. Таков шеф жандармов, любимец Николая I.

Другим весьма близким императору лицом, как отмечалось, был главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями П. А. Клейнмихель. Его невежество в вопросах, касавшихся железных дорог, было феноменальным. Барон А. И. Дельвиг в своих заслуживающих доверия воспоминаниях рассказывает, что, когда Николай I назначил Клейнмихеля главным распорядителем строительства железной дороги С.-Петербург—Москва, он «не только ничего не знал о финансовых и технических вопросах по устройству железных дорог, но и по недостатку образования не мог никогда приобрести о них никакого понятия и, сверх того, никогда не видал ни одной железной дороги. Несмотря на то что Царско-сельская железная дорога была открыта около пяти лет, он, часто бывавший у государя в Царском Селе, всегда ездил на лошадях... Клейнмихель, получив назначение... немедленно отправился на Царскосельскую станцию железной дороги и тут в первый раз увидел паровозы, вагоны и рельсы»⁴⁵. О невежестве Клейнмихеля в железнодорожных вопросах упоминает в воспоминаниях служивший с ним сенатор К. И. Фишер. Он утверждает, что главноуправляющий путями сообщений не имел представления, что такое тендер паровоза, искренне полагая, что тендер — морское судно. Лишенный каких-либо представлений о морали, этот человек, вспоминает сенатор Фишер,

«подставлял» свою жену Аракчееву, а свою родственницу Нелидову — Николаю I⁴⁶.

Клейнмихель совершил головокружительную карьеру. Сын каптенармуса второго кадетского корпуса, в котором в свое время учился Аракчеев, он вскоре становится одним из ближайших его помощников — начальником штаба военных поселений. «В этой должности, — рассказывает А. И. Дельвиг, — он производил свирепые неистовства... Если в защиту Клейнмихеля скажут, что он как подчиненный исполнял только поручения Аракчеева, то на это можно возразить, что не всякий способен на произведение в исполнение зверских приказаний, а что Клейнмихель был на то способен, служит доказательством то, что когда Аракчеев хотел сильно наказать какую-либо часть военных поселений, то говаривал: «Я Вам пришлю Клейнмихеля». Эту жестокость Клейнмихель обнаруживал и позднее. Де-Брэ отмечал в своих воспоминаниях: «Император Николай I оценивал в нем человека, отличавшегося неутомимой деятельностью, горячим рвением к службе, и поручил ему заведовать работами по постройке Зимнего дворца... Деятельный, беспощадный и неумолимый в выборе средств, он не признает трудностей и как будто хочет доказать, что на свете нет ничего невозможного. Он относится к людям как к орудиям и машинам, не зная сострадания... Его ненавидят и презирают. Не подлежит сомнению, что можно было бы достигнуть тех же результатов, действуя с большей кротостью и меньшей поспешностью, не истощая средств казны, не разоряя подрядчиков, не жертвуя множеством человеческих жизней»⁴⁷.

Этот жестокий и невежественный царедворец был, что называется, не чист на руку. Общеизвестен случай с мебелью для Зимнего дворца, средства для приобретения которой находились в распоряжении Клейнмихеля и которые неизвестно куда делись. Об отношении Клейнмихеля к государственным средствам рассказывает М. А. Корф: «На содержание, отопление и освещение занимаемого им казенного дома Клейнмихель требует из экстраординарных сумм своего ведомства ежегодно от 150 до 200 тыс. рублей, беспрестанно убирая его новой мебелью и проч., а между тем отказывая в сотне рублей из тех же сумм какому-нибудь голяку чиновнику... или в такой же сумме семейству несчастного, которого не на что похоронить»⁴⁸. «Бескорыстие» Клейнмихеля приво-

дит к тому, что, не имея в начале своей карьеры средств, к концу жизни он становится богатым человеком. В свете этих фактов отдельные высказывания⁴⁹ о «бескорыстии» Клейнмихеля представляются нам малоубедительными.

Близким к Николаю I был и министр государственных имуществ гр. П. Д. Киселев — человек умный, широко образованный, единственный из всего царского окружения сторонник отмены крепостного права с условием наделения крестьян землей⁵⁰. Николай I называл его «начальником своего штаба по крестьянскому делу». Участник наполеоновских войн, а также Отечественной войны 1812 г., начальник штаба 2-й армии в 20-е годы, находившийся в хороших отношениях с П. И. Пестелем, Киселев резко выделялся из среды николаевских деятелей.

После заключения Адрианопольского мира Киселев в течение четырех лет являлся полномочным председателем Диванов Молдавии и Валахии. Под его руководством в 1832 г. был разработан «Органический устав», преобразовавший внутреннее управление обоих княжеств. Многие им было сделано в смысле улучшения положения крестьян. До настоящего времени о П. Д. Киселеве в Румынии сохраняется добрая память, а один из бульваров Бухареста носит название бульвара Киселева.

С конца 1837 г. Киселев становится министром государственных имуществ. Де-Брэ писал о нем: «Граф Киселев является во внутреннем управлении империи представителем прогресса и движения вперед, если эти слова вообще применимы в этой стране. Он убежденный противник крепостного права... Все признают, что граф Киселев человек умный, обладающий быстрым соображением, большим трудолюбием и честностью»⁵¹. Нелюбовь и даже ненависть сановных коллег к Киселеву, рассматривавших его как посягателя на основы государственного порядка, весьма показательны и как нельзя лучше характеризуют этого государственного деятеля. Так, сенатор Фишер в своих воспоминаниях замечает, что Киселев подрывал «самодержавие и его опору — поземельное дворянство»⁵². То же говорит и Корф, указывая, что «известные его замыслы об эмансипации крепостных людей давно уже навлекли на него ненависть помещичьего класса...». Тут же Корф, указывая, что положение государственных крестьян «гораздо хуже,

нежели было прежде», относит это за счет Киселева и пишет: «Доказательство, что блестящего ума не всегда достаточно для успеха в государственном деле, когда он не сопровождается постоянной добросовестностью и прилежанием — качества, которых при всех блестящих фразах никак в Киселеве признать нельзя»⁵³. Едва ли с этим можно согласиться, так как, во-первых, Киселев был человеком трудолюбивым, а, во-вторых, как указывалось выше, неуспех реформы в отношении государственных крестьян определялся общими причинами, а не зависел от «прилежания» Киселева.

Интересный факт сообщает в своих воспоминаниях А. Э. Циммерман. Однажды один из ближайших помощников Киселева, А. П. Заблоцкий-Десятовский, решил баллотироваться в Английский клуб. В день его баллотирования в клуб специально приехал морской министр кн. А. С. Меншиков, заявлявший всем: «Я слышал, что здесь хотят выбрать в наши сочлены адъютанта Пугачева, и приехал помешать этому». Под Пугачевым, замечает Циммерман, разумелся гр. Киселев, желавший освобождения крестьян. Заблоцкий был забаллотирован⁵⁴.

Интересно, что в то же время Киселев пользовался расположением Николая I. Об этом свидетельствует Корф. Так, говоря о нетактичном поведении Киселева в Государственном совете, он пишет: «...для Киселева лично неуместная его выходка не будет иметь никаких последствий потому, что ему все сходит»⁵⁵.

Остановимся на характеристике еще двух министров, игравших важную роль в правительстве, хотя и не находившихся в большой близости к Николаю I: министра иностранных дел канцлера К. В. Нессельроде и морского — кн. А. С. Меншикова.

Личность Нессельроде овеяна исторической легендой, однако о результатах его дипломатической деятельности достаточно убедительно свидетельствует полная политическая изоляция России в начале 50-х годов. Нессельроде вовсе не являлся тем, чем он представлялся большинству современников. Интересную характеристику дает ему хорошо знавший его Де-Брэ: «Приняв во внимание быстроту, с какой Нессельроде сделал свою блестящую политическую карьеру... естественно будет представлять себе этого министра человеком блестящего ума, характера повелительного с сильной и энергической волей. Между тем самые горячие поклонники Нессельроде дол-

жны признать, что он не обладал в сколько-нибудь значительной степени ни одним из этих качеств. Ни личные свойства, ни ум графа Нессельроде не представляют ничего выдающегося... Состоя при монархе с твердым и подчас вспыльчивым характером, он поневоле должен был оставаться несколько в тени и сумел это сделать в совершенстве». И далее: «Своей самоотверженной готовностью ступаться и подчинить свою волю воле монарха, а равно своей многолетней преданной службой граф Нессельроде приобрел доверие императора и вместе с тем некоторое влияние, что при данных обстоятельствах ему никогда не удалось бы достигнуть, если бы он держал себя более самостоятельно»⁵⁶. Это высказывание справедливо: Нессельроде действительно нельзя назвать яркой личностью, что прежде всего подтверждает его деятельность.

Морской министр кн. А. С. Меншиков, как отмечают современники, был умен и блестяще образован, вместе с тем он был удивительным бездельником и невеждой именно в той области, которой непосредственно ведал. Как ни кажется странным, Меншиков не имел решительно никакого представления о флоте. В своей жизни он не командовал не только ни одним кораблем, но даже шлюпкой. Трагедия русского флота в Восточной войне лежит на его совести.

Он и сам ничего не делал и устранял способных, образованных людей. «Из военных флотских чинов представляли интеллигенцию флота, — писал сенатор Фишер, служивший с Меншиковым в Морском министерстве, — адмиралы И. Ф. Крузенштерн, Ф. М. Врангель и В. М. Головнин — все трое люди умные, просвещенные и еще более имевшие европейскую известность»⁵⁷. Однако все они занимали третьестепенные должности и никакого влияния на состояние флота не оказывали. Так, Крузенштерн являлся директором Морского корпуса, Врангель ведал американскими колониями, а Головнин был генерал-интендантом. Исключение представлял лишь М. П. Лазарев, командовавший Черноморским флотом.

Таков Николай I и его ближайшие помощники. Характеризуя николаевское царствование, Д. А. Милютин писал: «Я, как и большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части

государственных мер... преобладала полицейская точка зрения, т. е. забота об охране порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни в науке, искусстве, слове, печати. Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, преобладала также забота о порядке и дисциплине. Гонялись... за внешнею только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантическим соблюдением бесчислительных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух»⁵⁸.

* * *

Для анализа состава высшего чиновничества наметим следующие его группы. Для высших государственных учреждений: члены Государственного совета, Комитета министров, а также сенаторы. Для центральных учреждений — министерств, ведомств — товарищи министров* и директора департаментов образуют одну группу, послы и посланники — вторую. Состав указанных лиц определяется на 1 января 1853 г. по данным «Адрес-календаря» — «Общей росписи всех чиновных особ» в государстве.

Государственный совет — высшее законосовещательное учреждение в империи не играло, да и не могло играть существенной роли в условиях николаевской государственной системы. На первом месте находился, бесспорно, Комитет министров, который являлся не только высшим исполнительным органом. В отдельных случаях ему предоставлялись также законосовещательные и законодательные функции.

В 1847 г. в разговоре с М. А. Корфом Николай I, касаясь функций Государственного совета, сказал: «Совет существует в моем понятии для того, чтобы добросовестно высказывать мне свое убеждение по тем вопросам, по которым я спрашиваю, ни более, ни менее...» В силу этого он не придавал большого значения тому, кто стоял во главе этого учреждения. Так, в 1848 г. в связи с назначением председателем Совета кн. А. И. Чернышева Корф заносит в свой дневник следующее: «Государь и не видит

* Министры и главноуправляющие анализируются нами в составе как Государственного совета, так и Комитета министров.

даже никакой особенной важности в решении этого вопроса, считая себя одного совершенно достаточным для подъятия возложенного на него промыслом бремени»⁵⁹. Это лишний раз подчеркивает, что роль Государственного совета была невелика и к тому же недостаточно четка. Наряду с обсуждением различных законопроектов он рассматривал административные и судебные дела.

На 1 января 1853 г. в Государственном совете состояло 59 членов⁶⁰, 11 из них — министры и главноуправляющие ведомствами (на правах министров) — являлись членами Совета по занимаемой должности. Трое были членами императорской фамилии, и об одном (фон дер Флите) данные отсутствуют, так как его формулярный список не сохранился. Таким образом, анализируются сведения о 55 членах. По происхождению 54 из них были дворянами и один из духовного звания. Из дворян — 29 титулованных (светлейших князей — 3, князей — 7, графов — 17, баронов — 2).

Из 55 членов Государственного совета 19 состояли в свите, 5 имели придворные чины и двое — придворные звания камергеров. Кроме того, четыре являлись «действительными камергерами», не числившимися в придворном штате. Среди них канцлер Нессельроде, действительный тайный советник I класса С. М. Голицын. Таким образом, общее число лиц, состоявших при дворе (исключая членов императорской фамилии), составляло 30, что по отношению к общему составу равнялось 54%. Среди членов Государственного совета почти половина была представлена генералами (26 генералов и один действительный тайный советник, переименованный из генералов (П. А. Тучков)).

Из 55 человек православных было 41, лютеран — 9, католиков — 5. Иными словами, русские составляли 74,5%, немцы — 16,3, поляки — 9,2%.

<i>По возрасту</i>		<i>%</i>
от 45 до 50 лет	3	5,4
» 51 » 55 »	6	
» 56 » 60 »	9	27,4
» 61 » 65 »	13	
» 66 » 70 »	11	43,6
» 71 » 75 »	7	} 23,6
» 76 » 80 »	3	
» 81 » 85 »	3	

Остановимся на образовательном цензе членов Государственного совета. Лиц, имевших высшее образование (окончивших университеты и лицей), насчитывалось 10; среднее образование (частные пансионы, кадетские корпуса, коллегии) получили 7; остальные 38 человек имели домашнее образование. Последнее понятие является не однозначным. В отдельных, правда весьма редких, случаях, как, например, у кн. А. С. Меншикова, оно равнялось высшему, но, как правило, оно было ниже среднего. Домашнее образование обычно включало в себя изучение одного или двух иностранных языков, русской грамматики и синтаксиса; знание, большей частью не систематическое, русской литературы, арифметики, общих сведений по истории и географии. На наш взгляд, домашнее образование значительно уступало систематическому курсу гимназии.

Вполне естественно, что возраст, образовательный ценз, да часто и опыт предшествующей службы не способствовали плодотворной деятельности членов Совета. М. А. Корф в своем дневнике, в конце 1848 г., оценивает его состав следующим образом: «Обозревая состав нашего... Государственного Совета в настоящее время нельзя не согласиться, что он ничем не улучшился против того, который я описывал несколько лет тому назад*, и едва ли не стал еще ниже.

Новые члены Совета ни последнего издания, ни нескольких предыдущих не составили отнюдь никакого приобретения, и в какие-нибудь пять или шесть лет прибавился у нас всего только один человек с мыслями, со знанием дела и если не прямо с даром слова, то по крайней мере со способностями изъясняться — это князь Гагарин; прочие новые пожалования ниже всякой посредственности. Вообще в общем собрании Совета говорящих членов сверх министров, принимающих слова по своим делам, только гр. Блудов, гр. Гурьев, кн. Гагарин, Бутурлин и я, к чему можно еще прибавить разве принца Ольденбургского, который, впрочем, делал бы несравненно лучше, если бы молчал. Все прочие не только безмолст-

* В 1842 г. Корф писал: «Из 40 человек едва ли есть пять или шесть, и то из самых младших, которые в состоянии написать по-русски что-нибудь серьезное. Едва ли десять, которые могут написать складно и ладно и особенно правильно не говорю уже какую-нибудь бумагу, нет, вздорную записочку» (ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, т. V, л. 90).

вуют, но и про себя не рассуждают»⁶¹. Такова весьма четкая и бесспорно справедливая характеристика членов Государственного совета.

Рассмотрим имущественное положение членов Совета. Родовую собственность имели 40 из 55 членов, благоприобретенную — 12 (из них 11 — земельную, 1 владел домом в Петербурге), 3 человека не имели собственности*.

Земельная собственность, как родовая, так и благоприобретенная (в крепостных душах), распределялась среди членов Государственного совета следующим образом**:

до	50			1
от	100	до	500	9
»	501	»	1 000	2
»	1 001	»	5 000	23
»	5 001	»	10 000	5
»	10 001	»	45 000	7
без указания числа (майораты)				4

Таким образом, земельной собственностью и крепостными владел 51 человек, при этом 39 человек являлись владельцами крупнейших крепостнических латифундий (35 человек имели свыше тысячи душ крепостных и 4 — владельцы майоратов). Естественно, что это накладывало свой отпечаток на отношение Государственного сове-

* Среди них М. А. Корф, судя по дневнику, имел в Витебской губернии длительную аренду, вероятно посессию. Кроме того, в 40-х годах он неудачно строил на Урале железодельный завод, а также безуспешно занимался разработкой золотоносного участка (ЦГАОР, ф. Собрание рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XI, л. 122; ч. XII, л. 9; ч. XIV, л. 107).

** Для того чтобы определить размер земельных владений в десятинах, число душ нужно увеличить примерно в 6—10 раз, так как на каждого крепостного приходилось от 6 дес. до 10 дес. (половина в пользовании крепостного, половина в непосредственном распоряжении помещика). Следует при этом заметить, что у отдельных членов Государственного совета имелись также десятки тысяч десятин ненаселенных земель. У гр. М. С. Воронцова, например, было 47 тыс. дес. земли (ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. 6, д. 96), у гр. А. Ф. Орлова — 76 тыс. дес. (там же, д. 386), у К. В. Нессельроде — около 20 тыс. дес. (там же, д. 360). Нужно иметь в виду, что формулярные списки не всегда абсолютно точны. Так, в формулярном списке у кн. А. С. Меншикова значится 288 крепостных, имевшихся у него в Московском уезде (там же, д. 331), в действительности в Бронницком и Клинском уездах Московской губернии у него имелось еще 3576 крепостных («Приложение к трудам редакционных комиссий», т. II. СПб., стр. 10, 28).

та к решению крестьянского вопроса. Как рассказывает Корф в своем дневнике, члены Совета, за небольшим исключением, относились к своим обязанностям совершенно безразлично, не интересуясь обсуждаемыми делами. И тут же отмечает: «Но есть при всем том и такие предметы или вопросы, по которым... Совет вдруг становится чрезвычайно упорным и, ничего не слушая, не склоняясь ни к каким рассуждениям, как упрямый осел, только лягается, упершись неподвижно в раз принятую единожды позицию. Таковы особенно все дела о крепостном состоянии, где не только есть прикосновение к правам помещичьим, но даже и мысль, отдаленное подозрение, что оно может быть. Тут не возьмешь уже никакой силой рассуждений, никакой очевидностью»⁶².

Важно отметить, что 9 членов Совета (включая и Корфа) являлись владельцами различного рода предприятий (сахарных и винокуренных заводов, суконных фабрик, железоделательных заводов, соляных варниц и т. д.). К тому же у 17 человек имелись собственные дома, преимущественно в Петербурге и Москве.

Такова характеристика членов Государственного совета, представлявших собой в основной своей массе владельцев крупнейших латифундий. Большинству из них богатство досталось по наследству, часть же обогатилась на службе. Так, например, министр иностранных дел гр. Нессельроде не обладал родовой собственностью, но благоприобретенными 1384 крепостными, 3 винокуренными заводами и почти 20 тыс. дес. ненаселенных земель. Шеф жандармов кн. А. Ф. Орлов, согласно данным формулярного списка, не имел родовой собственности. Приобрел же он 76 тыс. дес. ненаселенной земли в Воронежской и Самарской губерниях и 700 душ крепостных. Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями П. А. Клейнмихель не имел родовой собственности, приобрел же в Черниговской губернии 4362 крепостных, винокуренный завод, суконную и бумажную фабрики. Наконец, князь И. Ф. Паскевич имел родовых 140 душ, а приобрел 19 тыс. крепостных и к тому же майорат в Царстве Польском. Отметим, что некоторые министры не приумножали либо почти не приумножили своего состояния. Так, министр государственных имуществ гр. П. Д. Киселев, обладая 546 крепостными душами наследственно, на протяжении своей службы ничего не приобрел. Министр уделов гр. Л. А. Перовский не имел

наследственной собственности, но приобрел 23 ревизские души и 255 дес. земли⁶³.

Как отмечалось, высшим исполнительным органом являлся Комитет министров. Он обладал также некоторыми законосовещательными, а порой и законодательными функциями. Во время отъезда царя Комитет министров в известной мере выполнял регентские функции, имел право «приводить в исполнение некоторые дела, не представляя заключение о них на высочайшее утверждение»⁶⁴. Регентские функции после совершеннолетия наследника престола вел. кн. Александра Николаевича были переданы ему. Некоторые вопросы решались комитетом самостоятельно и в момент нахождения императора в столице.

Итак, первое место среди высших государственных учреждений принадлежало, бесспорно, Комитету министров. Он состоял из 20 человек: 13 министров и главных управляющих ведомствами (главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий, государственный контролер, статс-секретарь Царства Польского), 4 председателя департаментов Государственного совета, 2 члена императорской фамилии и, наконец, председатель Комитета министров, он же председатель Государственного совета св. кн. А. И. Чернышев.

Дела в Комитете министров рассматривались столь же формально, как и в Государственном совете. Сохранились заметки Корфа о Комитете министров, относящиеся к тому периоду, когда он являлся управляющим его делами, т. е. к 1831—1834 гг. Рассматривая порядки, существовавшие в комитете, он писал: «Господствующий характер его есть совершенное равнодушие к предлагаемым делам и нетерпеливое ожидание конца заседания. Некоторые члены подписывают или прочитывают в комитете привозимые с собой бумаги своих ведомств или отправляют свою частную переписку; другие учреждают тут биржу для трактации о делах, совсем посторонних; иные — даже читают газеты. От какой-нибудь аналогии с докладываемым делом рождаются рассказы о прошлом, сообщения будущих предположений, толки и суждения о множестве предметов, кроме того, именно которыми надлежало бы заняться. Эти, не идущие к делу беседы... занимают иногда, сплошь или урывками, большую часть заседания, особенно когда есть какое-нибудь интересное городское происшествие и т. п. В таких слу-

чаях управляющий делами комитета нередко принужден брать на себя роль какого-нибудь шарлатана или продавца секретов, выхваляющего свой товар: «Господа, просим покорно прислушаться: дело серьезное, дело важное!» Эти призывы внимания действуют, однако, ненадолго, и какое-нибудь постороннее мелочное обстоятельство скоро опять увлекает членов за тридевять земель. Последствием этого образа слушания или, лучше сказать, не слушания бывает, что когда окончится доклад дела, иногда действительно важного, то со всех сторон рождаются вопросы, очевидно доказывающие, что никто не вразумился, о чем шла речь, и тогда канцелярия ставится в необходимость снова резюмировать все дело в самых уже коротких словах, после чего этот импровизированный и суммарический доклад — если и тот еще выслушают до конца — составляет основу решения»⁶⁵. Такова была организация дела в высшем государственном учреждении.

Хотя все члены Комитета министров входили в состав Государственного совета и при анализе его членов были нами учтены, рассмотрим некоторые данные о них отдельно. Исключая двух членов императорской фамилии, проанализируем сведения о 18 членах Комитета министров. По сословной принадлежности все они дворяне, из них титулованных — 13 (князей — 5, в том числе светлейших — 3 и графов — 8), что составляет 72%, почти на 20% больше, чем в Государственном совете. Число генералов — 10, т. е. 55% всего состава Комитета министров военные. Если присоединить к этому числу двух представителей императорской фамилии, являвшихся также военными, то почти $\frac{2}{3}$ состава Комитета министров были генералами. По вероисповеданию: православных — 14; католиков — 1; лютеран — 3 (из них один швед — гр. А. Ф. Адлерберг).

По возрасту:

от	46	до	50	лет	3
»	51	»	55	»	1
»	56	»	60	»	3
»	61	»	65	»	4
»	66	»	70	»	4
»	71	»	75	»	2
»	76	»	80	»	1

По образованию: 4 имели высшее, 3 — среднее и 11 — домашнее.

Члены Комитета министров (за исключением одного статс-секретаря Царства Польского И. Л. Туркула) все были земельными собственниками. При этом только у трех было менее 1 тыс. крепостных душ (в том числе у Л. А. Перовского 23 души), у остальных — от 1 тыс. до 20 тыс.

Таким образом, по размерам собственности члены Комитета министров мало чем отличались от состава Государственного совета — почти все они были крупными помещиками.

* * *

Правительствующий Сенат в середине XIX в. являлся высшим административно-судебным органом. Он состоял из 12 департаментов. Первый департамент — административный — ведал опубликованием законов, а также наблюдением за их выполнением (сенаторские ревизии). Со второго по десятый являлись высшей судебной апелляционной инстанцией: второй — пятый находились в Петербурге (из них второй—четвертый — апелляционные по гражданским делам, пятый — по уголовным); шестой—восьмой находились в Москве (шестой — уголовный и седьмой — восьмой—гражданские); девятый—десятый — в Варшаве (десятый — уголовный). Помимо этих «номерных» департаментов существовало еще два — «межевой» и Герольдии. По своему составу это было самое обширное высшее государственное учреждение. В 1842 г. штат Сената составлял (включая канцелярских служащих и курьеров) 1650 человек⁶⁶. Каждый из департаментов возглавлялся группой сенаторов. Сенаторы составляли также и общие собрания, объединявшие ряд департаментов. Сенаторов в 1853 г. было 124. Именно они в Сенате составляли высшую бюрократию.

Являясь прежде всего судебным учреждением, Сенат обладал всеми пороками, присущими этому ведомству. Если сами сенаторы мало интересовались своими служебными обязанностями и «выслушивали доклады дел, — как рассказывает в своих воспоминаниях один из чиновников Сената, — почти всегда безмолвно», то на нижних ступенях иерархической лестницы на уровне обер-секретарей департаментов процветало мздоимство. «Мир и кругозор обер-секретарей был совершенно другого содержания... Это был центр, к которому все тяжущееся стремилось и от которого все упало... Были бы

деньги... Иные из уголовных обер-секретарей имели свои каменные дома в Коломне... Иные из гражданских* в Конюшенной, в Измайловском полку, на Васильевском острове или на Выборгской стороне... но никому и никогда в голову не приходило казуистически обвинять этих людей... в вымогательстве». Действовали они по-своему «честно». «Ваше дело о двух тысячах десятин, — заявлял такой обер-секретарь, — стоит у меня пять тысяч. Пожалуйста. Я доложу дело, выиграете — поздравляю Вас, не выиграете — получите от меня Ваши деньги назад»⁶⁷. Как рассказывает И. Бочаров, не только обер-секретари, но и просто канцелярские служители—писари имели также «доходишки». Некоторые из них являются обладателями собственных домиков, другие занимались ростовщичеством, ссужая деньги своим друзьям за «лихвенные» проценты.

Такое же положение существовало и в одном из наиболее близких Сенату министерств — Министерстве юстиции. Генерал-прокурор Сената являлся одновременно и министром юстиции. Так, в Министерстве юстиции, рассказывает в воспоминаниях служащий этого министерства чиновник В. В. Берви-Флеровский, существовала касса, «куда поступают все взятки, выплачиваемые разными людьми. Они распределяются между служащими, смотря по чину и занимаемой должности»⁶⁸.

Рассмотрим состав сенаторов. Формулярные списки сохранились на 113 человек. Из них надо исключить двух членов императорской фамилии. По сословному происхождению 105 сенаторов принадлежали к потомственным дворянам; 3 происходили из духовного звания; 2 были обер-офицерскими детьми**; 1 — из купцов. Из дворян 16 было титулованных: 1 светлейший князь, 7 князей, 7 графов, 1 барон. Таким образом, титулованные по отношению к дворянам составляли 13,3%. Придворные чины и звания имели два человека (обер-камергер и

* Имеются в виду обер-секретари уголовных и гражданских департаментов.

** Дети офицеров, выслуживавшихся из солдат (в том числе бывших крепостных), по закону, действовавшему до июня 1845 г., получив первый офицерский чин, становились потомственными дворянами. Дети же их, родившиеся до производства в офицеры, включались в особую сословную группу обер-офицерских детей (за исключением одного сына, который по выбору отца получал потомственное дворянство, если он не был рожден крепостным).

камергер), и двое состояли в свите, имея звание генерал-адъютантов.

27 сенаторов имели военный чин генерала. Фактически же военными чинами обладали 38 человек, так как не сохранившиеся 11 послужных списков относятся к военным. Следовательно, из 124 сенаторов 30,5%, т. е. $\frac{1}{3}$, составляли генералы.

По возрасту⁶⁹:

от	40	до	45	лет	1
»	46	»	50	»	9
»	51	»	55	»	16
»	56	»	60	»	24
»	61	»	65	»	24
»	66	»	70	»	24
»	71	»	75	»	14
»	76	»	80	»	6
»	81	»	85	»	3

Образовательный ценз сенаторов был невысок. Приведем в качестве примера данные о 110 сенаторах (сведения об одном отсутствуют). Высшее образование имели 27 человек (24,5%); среднее получили 32 человека (29,1%); домашнее — 50, низшее — 1 (46,4%). Во всяком случае $\frac{3}{4}$ сенаторов, получивших среднее и домашнее образование, не изучали юридических наук. Между тем знание юриспруденции было весьма и весьма важно для выполнения сенаторских обязанностей, коль скоро они занимались в основном рассмотрением судебных дел в высшей апелляционной инстанции.

Один из современников, О. А. Пржеславский, в своих воспоминаниях, говоря о Сенате 20-х годов, писал: «Кто довольно стар для того, чтобы помнить описываемое время, тот знает, что такое был тогда Сенат. Это были разделенные на департаменты группы лиц, заслуженных из разных ведомств, лиц, большей частью очень почтенных, но утомленных службою до полной апатии и с весьма немногими исключениями дряхлых старцев. Притом же очень немногие имели если не теоретическую, то хотя практическую подготовку к занимаемому ими судебному званию»⁷⁰.

Данные о возрасте и образовании сенаторов полностью подтверждают это высказывание. Для начала 50-х годов сохранилось такое же положение.

По национальному составу (из анализа формулярных списков): русских — 84, немцев (лютеран) — 12

(10,8%), поляков (католиков) — 15 (13,5%). Большой процент поляков обуславливался тем, что в варшавских департаментах поляки составляли более 50%.

Рассмотрим сведения о наличии собственности. В этом случае мы анализируем данные 110 формулярных списков (в одном отсутствуют указания по этому пункту). Из 110 сенаторов имели собственность 84 (76,4%), а 26 не имели ее вовсе. Из 84 сенаторов родовой собственностью владел 61 (у 59 — земельная собственность, у 2 — собственные дома). Таким образом, родовой собственностью владели 53,6% всех анализируемых лиц. 23 сенатора имели благоприобретенную или родовую, принадлежавшую женам собственность (у 21 — земельная собственность, у 2 — собственные дома).

Итак, из 84 сенаторов 80 имели земельную собственность, 4 — собственные дома. Следует иметь в виду, что лица, владевшие земельной собственностью, имели также дома (преимущественно в Петербурге и Москве).

Земельная собственность (в крепостных душах) распределялась среди сенаторов следующим образом:

до	50			4
от	51	до	100	2
»	101	»	500	35
»	501	»	1 000	8
»	1 001	»	5 000	17
»	5 001	»	10 000	2
свыше			10 000	2
без указания числа				7
ненаселенные земли				3*

* * *

Проанализируем состав товарищей министров и директоров департаментов⁷¹. На 1 января 1853 г. числилось 8 товарищей министров и главноуправляющих (должность товарища министра уделов была вакантна). Помимо этого один послужной список отсутствует. Из 47 директоров департаментов послужные списки сохранились на 39 человек.

Таким образом анализируются данные 46 послужных списков: 8 — на товарищей министров и 39 — на директоров департаментов, что составляет 80,7% их общего числа.

* Одно из владений имело 5 тыс. дес., другое — 8700 дес., размеры третьего не обозначены.

По происхождению из указанного числа лиц дворян насчитывалось 38 (из них 2 человека имели титулы), духовного звания — 2, иностранцев — 1, солдатских детей — 2, купцов — 1. В двух послужных списках происхождение не указано. Таким образом, процент дворян равнялся 86,4. По религиозной принадлежности православные составляли 37, лютеране — 7, католики — 2.

По возрасту:

от 30 до 35 лет	1	от 61 до 65 лет	6
» 40 » 45 »	6	» 66 » 70 »	1
» 46 » 50 »	4	» 71 » 75 »	1
» 51 » 55 »	13	» 81 » 85 »	1
» 56 » 60 »	11		

Обратимся к данным об образовании. Высшее образование имели 14 человек, среднее — 19, домашнее получили 13 человек. Таким образом, высшее и среднее образование имели 71,8%.

Собственность 44 лиц* характеризуется следующими данными: 35 человек являлись владельцами собственности, из них 28 человек — земельной, 6 имели собственные дома в городах, преимущественно в Петербурге, частью каменные, частью деревянные (в некоторых случаях в совместном владении с родственниками) и 1 был собственником завода. Родовой собственностью владели 16 человек, остальные — благоприобретенной или собственностью жены.

Земельная собственность (в крепостных душах) распределялась среди этой категории чиновников следующим образом:

до 10		1
от 11	до 50	1
» 51	» 100	2
» 101	» 500	12
» 1 001	» 5 000	5
без указания числа		
(один из них майорат)		3
ненаселенные земли		4

Промышленной деятельностью занимались еще два человека, владевшие наряду с имениями и заводами. 9 человек не имели собственности.

* В формулярных списках двух лиц сведения о собственности отсутствуют.

В заключение остановимся на анализе последней группы — послы (полномочные министры) и чрезвычайные посланники. На 1 января 1853 г. их насчитывалось 19 человек. Формулярные списки сохранились у всех. По происхождению все они являлись потомственными дворянами, титулованных среди них было 9 человек (светлейших князей — 1, князей — 1, графов — 2, баронов — 5). В этой группе 9 человек были русскими, 9 — лютеране и 1 католик.

7 имели высшее образование, 2 — среднее, остальные 10 человек — домашнее.

По возрасту:

от 30	до 35	лет	1	от 56	до 60	лет	4
» 41	» 45	»	2	» 61	» 65	»	3
» 46	» 50	»	2	» 66	» 70	»	—
» 51	» 55	»	6	» 71	» 75	»	1

По имущественному положению: 10 человек имели земельную собственность (8 из них — родовую), у одного был дом, принадлежавший родителям, у 8 человек никакой собственности не числилось.

Земельная собственность (в крепостных душах) распределялась среди этой категории чиновников следующим образом:

от	100	до	500	2
»	501	»	1 000	3
»	1 001	»	5 000	4
свыше			10 000	1

Таким образом, анализ состава членов Государственного совета, Комитета министров и Сената прежде всего говорит о том, что их преобладающая часть являлись крупными земельными собственниками — владельцами крепостнических латифундий. Процент владельцев имений, насчитывающих свыше 1 тыс. душ крепостных, составлял для Комитета министров 77,7, для Государственного совета — 70,9*, для сенаторов — 26,2. Среди сенаторов преобладали владельцы имений до 1 тыс. душ крепостных, т. е. 61,25%. Среди товарищей министров и директоров департаментов процент владельцев имений свыше 1 тыс. душ был значительно ниже — 13, а среди послов и посланников — 26,3.

* Включая в это число владения майоратами, размеры которых не указаны.

Среди рассматриваемых категорий чиновничества помещики составляли в Комитете министров 94,4%, в Государственном совете — 92,7, среди сенаторов — 72,7, среди товарищей министров и директоров департаментов — 63,6, среди послов и посланников — 52,6%.

По сословной принадлежности чиновники этих четырех групп почти все являлись дворянами. В Комитете министров они составляли 100%, в Государственном совете — 98,2, в Сенате — 95,4, среди товарищей министров и директоров департаментов — 86,3, среди послов и посланников — 100%. Из них в первом случае титулованных было 66,6%, во втором — 53,7, в третьем — 13,3, в четвертом — 5,2 и в пятом — 47,3%.

Надо заметить, что для периода царствования Николая I наиболее точно соответствует определение: «военно-бюрократическая монархия». Так, в составе Комитета министров генералы составляли 55,5%, в Государственном совете — 49, среди сенаторов — 30,5%.

Губернская администрация накануне Крымской войны

Конец 40-х—начало 50-х годов — период обострившегося загнивания всей системы самодержавия. Надо заметить, что губернская администрация была именно тем звеном в системе государственного аппарата, где наиболее широко процветало взяточничество и воровство. Недаром в произведениях Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина столь большое место отводится показу «губернского начальства».

Однако процесс «всеобщего мздоимства» и «лихоимства» почти не находит своего отражения в официальных ведомственных отчетах, например всеподданнейших отчетах III отделения, где о коррупции государственного аппарата нет никакого упоминания. То же следует сказать и о министерских и губернских отчетах. Лишь по приложениям к годичным отчетам Министерства юстиции, а именно по ведомостям о лицах, привлекавшихся ежегодно уголовными департаментами Сената и губернскими уголовными палатами за должностные преступления, можно судить о коррупции государственного аппарата. Однако эти сведения касались чиновной мелюзги и не отражали или почти не отражали подобные проступки высшего звена губернской администрации. Надо сказать, что, по многочисленным отзывам современников, взяточничество и казнокрадство с точки зрения чиновной морали было обычным явлением. Больше того, донесения о казнокрадстве и взяточничестве вызывали отрицательную реакцию. Сенатор М. Б. Веселовский в «Записках», касаясь своей службы в Нижегородском губернском правлении и рассказывая о массовом взяточничестве и казнокрадстве во всех звеньях губернской администрации (от губернатора до столоначальника), замечает, что даже те единичные чиновники, «которые были непричастны «к этой операции», люди вполне бескорыстные...

относились к извлечению побочных доходов от службы снисходительно»¹.

Массовое казнокрадство наблюдалось не только в гражданском, но и в военном ведомстве и считалось обычным явлением. Так, генерал Вдовиченко в «Записках о Крымской войне» пишет: «...полковые и батарейные командиры в прошлую кампанию в княжествах придунайских (в 1853 г. — Авт.) так набили себе карманы и порядочные куши отправили в Московский Опекун[ский] Совет, о чем когда узнал кн. Горчаков, то хотел назначить следствие. Насилу его отговорили приближенные, что так водилось всегда»². Многочисленные источники подтверждают это положение. «Экономия» на фураже считалась совершенно невинной.

По учреждению о губерниях 1775 г., во главе губернии стояли наместник (генерал-губернатор) и губернатор. Первый был представителем верховной власти, второй — администратором. После 1797 г., когда статус наместника был ликвидирован, «хозяином» губернии, представителем верховной власти становится губернатор. Согласно наказу от 3 июня 1837 г., «гражданские губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшею волею губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, польз государства и повсеместного точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства»³.

Положение губернатора было двойственным. С одной стороны, он назначался непосредственно царем, представляя на «высочайшее имя» ежегодно отчеты о состоянии дел в губернии и подчинялся непосредственно императору, с другой — являлся чиновником Министерства внутренних дел и, естественно, находился в фактическом подчинении у министра. Губернатор не только обладал административными функциями, его власть распространялась и на судебные органы: он наблюдал за их деятельностью, производил ревизию судебных мест и утверждал приговоры уголовных палат по некоторого рода делам.

В период конца 40-х—начала 50-х годов существовал институт генерал-губернаторов (в столицах и на окраинах), стоявший вне губернской администрации. Генерал-губернаторы являлись представителями чрезвычайного

надзора и подчинялись непосредственно императору. Вполне естественно, что наличие генерал-губернаторов несколько умаляло роль и значение губернаторов.

В середине XIX в. насчитывалось 10 генерал-губернаторов (виленский, гродненский, ковенский и минский; витебский, могилевский и смоленский; наместник кавказский и генерал-губернатор новороссийский и бессарабский; киевский, волынский и подольский; лифляндский, эстляндский и курляндский; московский; черниговский, полтавский и харьковский; с.-петербургский; западно-сибирский и восточно-сибирский).

В тех губерниях, где существовал институт генерал-губернаторов, он образовывал искусственное средостение между губернской администрацией и верховной властью. Все генерал-губернаторы, естественно, являлись генералами, а следовательно, как правило, были недостаточно сведущи в организации административной власти. К тому же многие из них были элементарно невежественны*. Главное же заключалось в том, что власть их по существу ничем не была ограничена. Например, Московский генерал-губернатор А. А. Закревский буквально терроризировал столицу. «Я, кажется, говорил уже о том самовластном управлении и презрении ко всякому законному порядку, коими отличается теперь Закревский в Москве»⁴, — заносит в свой дневник член Государственного совета М. А. Корф 22 января 1850 г. Не случайно о нем много раз упоминал герценовский «Колокол». Самодурство и произвол Закревского не знали границ. Один из московских друзей А. И. Герцена писал в 1857 г. в «Колокол»: «В то время как вся Россия начинает несколько

* Как рассказывает в своих воспоминаниях правитель дел канцелярии киевского генерал-губернатора Э. И. Стогов, свидетельства которого, по словам современников, отличались правдивостью, Д. Г. Бибилов, занимавший пост генерал-губернатора в Киеве в течение 15 лет (до 1852 г.), отличался редкой безграмотностью. «Наук он не знал никаких, говорил по навыку по-французски и немецки... но писать не умел ни на каком языке. По-русски до того плохо знал грамоту, что не умел и строки написать без руководства... Арифметику Бибилов вовсе не знал, насилу я приучил его переводить целые числа с ассигнаций в серебро, например 10 р., 100 р., а промежуточные так и не выучил... Я готов держать пари... что он до смерти не верил, что можно сложить $\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{3}$. Историю, географию совершенно не знал» («Русская старина», 1903, № VIII, стр. 383—384). Надо заметить, что в «Русском биографическом словаре» в статье о Бибилове говорится, что он получил «блестящее домашнее образование».

отдыхать от страшных времен, пережитых ею, здесь по-прежнему продолжает господствовать возмутительное бесправие: редкий день проходит без того, чтобы не разнесся слух о каком-нибудь новом самодурстве Закревского или грабительстве его приближенных»⁵.

Таким же невежественным самодуром слыл виленский генерал-губернатор И. Г. Бибииков, брат киевского генерал-губернатора, а впоследствии министра внутренних дел Д. Г. Бибиикова. Н. П. Боголюбов, чиновник, служивший в северо-западных губерниях, писал в своих воспоминаниях о Д. Г. Бибиикове: «Ума весьма недалекого, надменен, болтлив, бестактен и уверен в превосходстве своем над всеми ему подвластными до такой степени, что не допускает ни малейших противоречий. Прибавьте к этому полнейшее неведение в администрации и делах гражданских, так как служба его при великом князе (Михаиле Павловиче. — Авт.) далее выправки солдатских носков и пригонки амуниции не заходила»⁶.

Прибалтийский генерал-губернатор А. А. Суворов, внук великого полководца, также не отличался познаниями в административных делах. «Болтун без малейшего знания в гражданской части и тем более в остзейских законах», — писал о нем М. А. Корф. «Князь был человек общественный, — характеризует Суворова сенатор К. Н. Лебедев, — делом не занимается, законов не знает, подчиняется влиянию первого докладчика и готов делать все, опираясь на любовь к государю и на то, что он светлейший князь. Он в открытой борьбе с министром внутренних дел; он поддерживает местные права, вовсе не имея о них точного понятия». Примерно также отзывался о нем и Д. А. Милютин⁷. При этом надо заметить, что Суворов честный и добрый человек, благожелательный к людям.

Полнейший произвол царил в период 15-летнего управления Правобережной Украиной генерал-губернатора Д. Г. Бибиикова. Достаточно сказать, что наиболее близкий ему человек чиновник особых поручений, а впоследствии правитель канцелярии Н. Е. Писарев брал колоссальные взятки — до 10 тыс. руб., облагая ежегодной данью губернаторов, те же, кто пытался не подчиниться, не утверждались им в должности. Так, в течение нескольких лет не утверждался в должности управляющий Подольской губернией генерал-майор А. А. Радищев, сын знаменитого А. Н. Радищева, отказавшийся

платить дань Писареву. Спустя некоторое время Радищев был назначен ковенским губернатором. Штаб-офицер корпуса жандармов по Подольской губернии в донесении в III отделение за 1846 г. писал: «Говорят, генерал-майор Радищев не в милости у генерал-губернатора»⁸. В фонде III отделения имеется специальное дело «О лихоимстве состоящего чиновником для особых поручений при киевском генерал-губернаторе Писарева», из которого видно, что в 1840 г. тот получил от польских дворян, замешанных в деле Канарского*, 46 тыс. руб., а в 1847 г. от волынских помещиков в связи с введением инвентарей — 35 тыс. руб. Начальник IV округа жандармов генерал Буксгевден доносил шефу жандармов: «Волынские помещики, привыкшие к тому, что управление Киевским генерал-губернаторством основано на безнравственности интереса в высшей степени, решились... принести в жертву и собрать с губернии тридцать пять тысяч рублей серебром, определенную главным преступником долговременных лихоимств в Киевском генерал-губернаторстве камергером Писаревым». В этом же деле находится справка III отделения о Писареве, относящаяся, по-видимому, к началу 40-х годов: «Хотя М[инистерство в[нутренних д[ел] имеет о... Писареве те же сведения, какие и гр. Бенкендорф, но при всем том не только не находит благовидной причины, но полагает даже совершенно неудобным переводить кол. сов. Писарева от Д. Г. Бибикова, ибо он состоит при нем для особых поручений. Сверх того, Писарев по своим способностям так необходим ген.-лейт. Бибикову и удаление от него Писарева без его согласия так огорчит его, что он без всякого сомнения и сам будет просить об увольнении от должности генерал-губернатора». Действительно, причина была уважительная, если к тому же иметь в виду, что жена Писарева находилась в нежной дружбе с генерал-губернатором, о чем было широко известно не только в Киеве, но и в Петербурге, в частности в III отделении⁹.

Все это было известно Николаю I**, но никаких мер не принималось, более того, Писареву «высочайше» было пожаловано в середине 40-х годов придворное звание камергера, а в начале 50-х он был назначен олонекским

* Деятель польского национально-освободительного движения.

** Об этом свидетельствует помета в деле 25 за 1840 г., л. 23 (ЦГАОР, ф. III, отд., 1 эксп.).

губернатором. Тот факт, что о преступлениях Писарева знал Бенкендорф, лишний раз свидетельствует конфиденциальное письмо шефа жандармов Бибикову от 27 февраля 1841 г., в котором он писал: «Получив в ответ конфиденциальное письмо Ваше от 12 октября... которым Вы, оправдывая г. Писарева, приписывать изволите разнесшиеся о нем слухи единственно преступной клевете. Дав полную веру мнению Вашего превосходительства по сему предмету, я с особенным удовлетворением оставил это дело без дальнейшего преследования, но... в течение всего последовавшего после переписки нашей времени доходили до меня о г. Писареве одни и те же известия и... наконец получил я сведения, что часть лучшего оружия из арсенала покойного графа Дыльского находится у него...»¹⁰

Случай с Писаревым характерен. Он показывает, что система воровства и взяточничества получила не только всеобщее распространение, но и молчаливое «высочайшее» одобрение.

Произвол генерал-губернаторов особенно характерен для отдаленных окраин. В 1845 г. в Восточную Сибирь был направлен для ревизии сенатор И. Н. Толстой, который обнаружил факты вопиющего беззакония. «Ревизия сенатора Толстого Восточной Сибири, — писал в своем заключении в Комитет министров министр юстиции, — открыла многие случаи нарушения закона и злоупотребления, из которых возникают обвинения, возводимые на ген.-лейт. В. Я. Руперта по управлению вверенным ему краем»¹¹. Генерал-губернатор совершенно не считался с законами, с постановлениями высших государственных учреждений.

Так, в 1838 г. Руперт запретил свободную торговлю хлебом якобы «впредь для удовлетворения казенных потребностей», и хотя в 1839 г. Комитет министров отменил это постановление, но генерал-губернатор «продолжал воспрещать свободу в покупке хлеба и разрешал это только некоторым лицам по своему усмотрению, что по продовольственной части, по заготовлению казенного вина и по другим предметам происходили весьма важные злоупотребления, тягостные для жителей, разорительные для промышленников и вредные для казны». Вполне естественно, что разрешение приобретать хлеб «некоторым лицам» было связано с получением администрацией колоссальных доходов. Руперт, как вскрыла

ревизия, устанавливал самостоятельно новые налоги с местного населения. «Сборы эти, — писал министр юстиции, — были употребляемы им на расходы, не определенные законом (якобы на содержание училищ, пожарных и тюрем. — Авт.), или на замену вещественных повинностей денежными, или, наконец, на такие статьи, которые были уже внесены в высочайше утвержденную смету (курсив мой. — Авт.) земских повинностей»¹², т. е., иными словами, на фиктивные расходы.

Кроме того, ревизия установила много других злоупотреблений генерал-губернатора. В результате двухдневного обсуждения в Комитете министров положения дел в Восточно-Сибирском губернаторстве было вынесено довольно своеобразное решение: «По обозрению таким образом действий генерал-губернатора Руперта по управлению вверенным ему краем Комитет хотя и не усматривает еще достаточного повода к преданию его суду, так как всякому о том суждению по закону должно предшествовать рассмотрение объяснений самого генерал-губернатора, которые от него не истребованы, но за всем тем и в настоящее уже время по совокупности обнаруженных ревизией неправильных действий генерал-лейтенанта Руперта Комитет признает, что он не может оставаться в нынешнем своем звании и пользоваться далее доверенностью правительства по управлению отдаленным краем»¹³. Таким образом, в результате того что в течение двух лет не удалось затребовать от Руперта объяснений, комитет не считал возможным предать его суду. Николай I еще более смягчил представление Комитета министров. На собственноручной, написанной им на журнале Комитета министров резолюции значилось, что Руперт должен быть «по прошению» уволен в отставку¹⁴.

Из генерал-губернаторов выгодно выделялись лишь наместник Кавказа и новороссийский генерал-губернатор св. кн. М. С. Воронцов и восточно-сибирский гр. Н. Н. Муравьев, получивший наименование Амурского. Это были умные и энергичные администраторы.

Обратимся к губернаторам. Губернаторы именовались двояко: гражданский губернатор или военный и гражданский губернатор (иногда они именовались — военный губернатор и управляющий гражданской частью). Функции их были одинаковы, за исключением того, что военному губернатору подчинялись расположенные в губер-

нии войска внутренней стражи: губернский батальон и уездные инвалидные команды. В Архангельской губернии было фактически два губернатора: военный губернатор, начальник порта и управляющий гражданской частью вице-адмирал Р. П. Бойль и гражданский губернатор В. Ф. Фрибес. При анализе оба они принимаются в расчет. На 1 января 1853 г. числилось 58 губернаторов, из них 30 (51,7%) были генералами, причем, как правило, «военными и гражданскими» *.

Существовали также и просто военные губернаторы в районах, имевших чисто военное значение (Кронштадт, Николаев). Так как они не являлись гражданскими администраторами, они в расчет не принимаются.

Губернаторы в подавляющем своем большинстве избирались из гвардейских полковников, получавших при переходе в ведомство Министерства внутренних дел чин генерал-майора. Обычно они слабо разбирались в делах гражданского ведомства. Примером тому может служить калужский военный и гражданский губернатор гр. Е. П. Толстой. «Он прямо объявил, — рассказывает в своих воспоминаниях гр. М. Д. Бутурлин, — что в гражданской службе нет нужных и спешных дел... Он рассуждал, что нужные и спешные дела могут быть только в военной службе... А в гражданской бумажной службе, какие такие могут быть экстренности? Не все ли равно бумаге лежать в том или другом месте?» При таком взгляде на задачи администрации он требовал от своих подчиненных отвечать на всякого рода экстренные и спешные запросы только после «третьего понуждения», т. е. требования. В результате «в Калужской губернии различного рода произвол и всякого рода беззакония разрослись до колоссальных легендарных размеров»¹⁵.

Толстой не являлся исключением. Нижегородский губернатор свитский генерал кн. М. А. Урусов также был некомпетентен в делах гражданской администрации. Так, штаб-офицер корпуса жандармов, сообщая о нем в III отделение, писал: «Он человек бескорыстный ** и занима-

* За исключением двух: харьковского губернатора генерал-майора А. С. Траскина и таврического генерал-лейтенанта В. И. Пестеля (брата декабриста). Имея военное звание, они занимали пост гражданских губернаторов.

** М. А. Урусов, однако, вскоре не избежал соблазна. Так, А. А. Дельвиг, служа в конце 40-х годов в Нижнем Новгороде по

ется делами, но все не впрок: ибо сам оных не понимает, а подписывает то, что ему советники его скажут». Так же характеризуется и томский губернатор инженер-генерал-майор С. П. Татаринов. «Если нельзя оспаривать у генерал-майора Татаринова знания горного дела в отношении искусственном, — писал в конце 1845 г. жандармский офицер подполковник Мосолов в III отделение, — то утвердительно можно сказать о совершенной его неспособности к управлению губернией в отношении административном»¹⁶.

Таким образом, многие губернаторы не были сведущими в области управления губернией и не соответствовали той роли, которую на них возлагал занимаемый пост.

Среди губернаторов — генералов встречались изредка и жандармские офицеры. К ним относится, например, ковенский губернатор А. А. Радищев, в прошлом штаб-офицер корпуса жандармов одной из Поволжских губерний.

Итак, половина губернаторов являлась генералами, вторая — чиновниками, либо служившими ранее в Министерстве внутренних дел, либо бывшими представителями губернской администрации: вице-губернаторы, председатели казенных или других губернских палат. Из военных губернаторов имели чины: генерал-майоров — 21, генерал-лейтенантов — 6, вице-адмиралов — 2 и полных генералов — 1. Из них в императорской свите состояло 4 человека. Из гражданской половины губернаторов насчитывалось: тайных советников — 7, действительных статских советников — 20; один, исправляющий должность губернатора, имел чин статского советника. Таким образом, основная часть губернаторов относилась к чинам IV класса. Среди гражданских чинов придворное звание камергера имели трое.

ведомству путей сообщения, хорошо знал Урусова: «Считая Урусова человеком бескорыстным, я за это качество извинял его глупость и вспыльчивость. Конечно, понятия наши о взяточничестве были неодинаковые... Впоследствии начали ходить слухи, что Урусов не брезгает взятками и даже не платит за забираемые для его дома припасы. Я этому не верил, но в зиму 1847—48 г. я случайно был свидетелем, как из губернаторского дома выгоняли поставщика, у которого забирали какие-то (кажется, съестные) припасы и не хотели платить по представленному им счету» (А. А. Дельвиг. Мои воспоминания, т. II. М., 1913, стр. 163).

Формулярные списки сохранились у 48 из 58 губернаторов, числившихся в начале 1853 г. В сословном отношении все 48 губернаторов являлись потомственными дворянами, в том числе — 7 титулованных (5 князей, 1 граф, 1 барон). По вероисповеданию 39 губернаторов были православными (83,0%) и 9 — лютеранами (8,7%).

По возрасту:

от 36	до 40	лет	3	от 61	до 65	лет	3
» 41	» 45	»	1	» 66	» 70	»	1
» 46	» 50	»	11	» 71	» 75	»	1
» 51	» 55	»	17	возраст не указан			2
» 56	» 60	»	9				

По образованию: 9 губернаторов имели высшее (университет, лицей, корпус инженеров путей сообщения), 9 — среднее (кадетский корпус, гимназии) и 30 — домашнее. Таким образом, 62,5% губернаторов не получили систематического образования. Не удивительно, что даже познания в области русского языка и арифметики у некоторых были далеко не совершенны.

По имущественному положению 28 человек (58,3%) являлись помещиками* и у одного имелось два дома в Петербурге. У 14 губернаторов, т. е. у 29,1%, не имелось собственности. У 5 губернаторов сведения о наличии собственности отсутствуют.

Земельные владения (в крепостных душах) распределялись среди губернаторов следующим образом:

до		50	1
от	51	до 100	5
»	101	» 500	8
»	501	» 1 000	6
»	1 001	» 5 000	6

У 2 губернаторов крепостных не имелось. Один из них владел 500 дес. земли, у другого размер не указан. Надо заметить, что, кроме того, у 3 губернаторов имелись довольно обширные владения — ненаселенные земли. Тамбовский губернатор П. С. Булгаков владел 20 300 дес. таких земель, олонецкий кн. Ю. А. Долгоруков — около 7 тыс. дес. и киевский А. Д. Кривцов — 2 тыс. дес. Два

* Из 28 лиц, имевших земельную собственность, родовая была у 20, у 8 — благоприобретенная или собственность жены. Среди лиц, владевших землей, 5 владели недвижимой собственностью (домами) в городах.

губернатора помимо крепостных имели промышленные предприятия: пензенский А. А. Панчулидзе — винокуренный завод, с.-петербургский гражданский губернатор Д. Н. Кондауров — медеплавильный завод. Исходя из вышесказанного видно, что не все губернаторы относились к богатейшим помещикам. Если считать, что у 5 губернаторов, сведения о собственности которых отсутствуют, не было имений, то тогда окажется, что более 30 «хозяев губернии» были владельцами земли. С другой стороны, только 6 губернаторов являлись владельцами имений со свыше 1 тыс. душ крепостных, что составляло всего 12,5%. Однако приведенные данные об имущественном положении губернаторов едва ли точно воспроизводят картину их материального благосостояния. Преобладающая часть их имела большие доходы, скорее всего держала капиталы «при себе» либо приобретала собственность на имя подставных лиц.

«Хозяева губернии» в отношении выполнения своих служебных обязанностей отличались от петербургских собратьев — представителей высшей администрации. Прежде всего петербуржцы были более квалифицированы в своей служебной области. Губернаторы же, по крайней мере их значительная часть, являлись людьми мало сведующими в вопросах управления губернией. Данное обстоятельство, по-видимому, и определяло их быструю сменяемость. Так, до 1 года занимали свою должность 15 губернаторов, до 2 лет — 9. Таким образом, ровно 50% губернаторов находились в данной губернии не более двух лет. 12 человек выполняли обязанности от 5 до 10 лет и только 6 губернаторов — более 10 лет. Следовательно, 37,5% губернаторов занимали должность свыше 5 лет. Надо также отметить и другое различие между петербургским сановником и представителем высшей губернской администрации, и в первую очередь губернаторами. Бюрократы в столице были прежде всего послушными чиновниками, выполнявшими безотлагательно распоряжения высшего начальства. У губернской администрации это необходимое для всякого представителя бюрократии вообще, а николаевской эпохи в особенности качество сочеталось с другим — известной самостоятельностью. Представители провинциальной власти, исходя из того что «Петербург далеко», творили такого рода самоуправство и беззаконие. Как замечает А. И. Герцен в «Былом и думах», «чиновничество царит в северо-вос-

точных губерниях России и в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... Все меры правительства ослаблены, все желания искажены — и все с видом верноподданнического раболепия и с соблюдением всех канцелярских форм». И в качестве примера приводит генерал-губернатора Западной Сибири И. Пестеля. «Это был, — отмечает Герцен, — настоящий римский проконсул, да еще из самых яростных. Он завел открытый систематический грабеж в своем крае»¹⁷.

В обстановке лжи и казенного лицемерия, характерных для конца 40-х — начала 50-х годов, обычно в годичных всеподданнейших отчетах губернаторов либо содержалась сознательная ложь и управляемая губерния изображалась в наилучшем виде, либо порой ложь преднамеренная, как, например, всякого рода статистические данные, взятые «с потолка». Статистические данные общались в губернский статистический комитет представителями полицейской власти — уездными исправниками, становыми приставами и городничими. М. Б. Веселовский рассказывает, как обрабатывались данные, полученные с мест: «Составляющий, например, статью о скотоводстве спрашивает в шутку съезего соседа по канцелярии: «Как ты думаешь, сколько в прошлом году было лошадей в Васильском уезде? А в позапрошлом сколько их было?» — «110 000 голов». — «Ну, ставь 115 000». — «Да почему же ты спрашиваешь? Разве исправник не доносит?» — «Доносит, но он показывает 150 000. Нельзя допустить такую разницу. Министерство одолеет запросами». Итак, резюмирует Веселовский, «по соглашению двух приятелей показывается по уезду 115 000 лошадей, а исправнику делается вопрос... почему произошла столь значительная разница в числе лошадей по сравнению с предшествующим годом»¹⁸. Не более точными были и данные об урожайности, сообщавшиеся теми же исправниками и становыми.

Выдумана была даже особая теория, оправдывавшая искажение положения дел на местах. В своих воспоминаниях чиновник Н. П. Боголюбов рассказывает, что «виленский генерал-губернатор И. Г. Бибиков поучал его дядю ковенского губернатора А. А. Радищева, отличавшегося правдивостью, необходимости лгать, приводя следующие мотивы: «Вы упустили из виду, что его величество стареет, а потому необходимо оберегать особу государя и не высказывать правды прямо»¹⁹. Сенатор

М. Б. Веселовский, говоря в своих «Записках» о положении дел в Нижегородском губернском правлении, где он в конце 40-х — начале 50-х годов служил чиновником, пишет: «Таким образом ложь проходит по всем инстанциям, не возбуждая ни в ком неудовольствия. Наоборот, если бы палата (имеется в виду Казенная палата. — *Авт.*) в виде исключения вздумала сказать правду... то и губернатор и министерство не обрадовались бы такой правдивости и постарались бы поскорее разделаться с неожиданно возникшей неприятной историей. Привычка к лживости находила для себя обширное поприще в деле статистики»²⁰.

В губерниях процветало также массовое казнокрадство и лихоимство чиновного аппарата. Первым лицом обычно, за редкими исключениями, здесь выступал губернатор. Мздоимство стало обычным явлением. Взятка, например, с откупщиков питейных сборов не рассматривалась как недозволенное явление, а считалась в порядке вещей. А. Э. Циммерман, характеризуя в своих воспоминаниях архангельского гражданского губернатора В. Ф. Фрибеса, писал: «Взяточником он не был, а получал с откупщика ежегодный подарок (тысячи три или четыре серебром). Тогда большая часть губернаторов в России брала с откупщиков деньги». Об этом же писал И. В. Селиванов, рассказывая о пензенском губернаторе Панчулидзе, который с 12 имевшихся в Пензенской губернии откупщиков брал по 2 тыс. руб. в год, т. е. ни больше ни меньше как 24 тыс. руб. в год²¹. О том, что взятки с откупщиков считались вполне обычным делом, пишет и Н. П. Боголюбов²².

Откупщик «покупал» всю губернскую администрацию «Откупщик, — писал М. Б. Веселовский, — вернее, чем Табель о рангах или штатные положения, сопределял удельный вес каждого должностного лица. Тот, кому откупщик платил много, высоко стоял в служебной иерархии, кому платил же мало, стоял низко, кому вовсе не платил, представлялся не более как мелкой сошкой. Размеры платежей откупщика определяли значение губернских деятелей в глазах высшего начальства. Получающий с откупщика более мог послать более щедрую дань в Петербург, а следовательно, скорее заслужить благосклонность в высших сферах»²³.

Большинство губернаторов брало взятки не только с откупщиков. Н. П. Боголюбов в своих «Воспоминаниях»

приводит рассказ генерал-адъютанта И. С. Фролова о том, что когда Николай I собрал сведения, кто из губернаторов не берет взятки даже с откупщиков, то оказалось только двое: киевский губернатор И. И. Фундуклей и ковенский А. А. Радищев. На это Николай заметил: «Что не берет взятку Фундуклей — это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берет их Радищев, значит, он чересчур уж честен»²⁴.

Подобную характеристику Радищева в бытность его подольским губернатором дает и штаб-офицер корпуса жандармов по Подольской губернии. В июле 1846 г. он сообщал в III отделение: «Генерал-майор Радищев деятелен и строгого бескорыстия: это общий отзыв и это точно на самом деле»²⁵.

Действительно, взятки брали почти все. Брали и с откупщиков, и с лиц, находившихся в прямом подчинении губернаторов: исправников, полицмейстеров, городничих. Об этом встречаются неоднократные упоминания в официальных материалах, а также в мемуарах*. Штаб-офицер корпуса жандармов по Псковской губернии майор Деспот-Зенович в 1845 г. в своем донесении сообщал, что губернатор Г. М. Бартоломей требовал от одного из полицмейстеров, подполковника Карпаковского, чтобы «он платил ему ежегодно пять тысяч рублей ассигнациями»²⁶. То же самое происходило и в ряде других губерний. В 1846 г. Комитет министров вынес решение об увольнении Бартоломея не только с поста псковского губернатора, но и вообще об исключении со службы за целый ряд злоупотреблений и проступков²⁷. Однако, как рассказывает Корф, «он не отрешен и не исключен, а просто уволен от службы и даже, как сказано в военном приказе,

* В воспоминаниях Ф. Я. Лучинского, служившего чиновником полиции в Киевской губернии, рассказывается, что на Правобережной Украине все помещики регулярно платили мзду полиции: «Во всех больших помещичьих имениях были назначены годовые оклады для чиновников из разной провизии... от сахарных заводов и питейного откупщика посылались сахар, водка и деньги... Из имений гражданского губернатора Фундуклея до поступления его губернатором тоже был назначен годовой оклад, с занятием же им этой должности управляющий его имениями прекратил выдачу... Но Фундуклей заметил в отчетах управляющего отсутствие этого расхода, предписал выдать все за прошлое время и производить выдачу на будущее время, причем выразился, что если богатые помещики не будут пособлять средствами на содержание чиновников полиции, то средства эти они будут получать от воров» («Русская старина», 1897, № IX, стр. 647).

по болезни, следовательно, без всякого позора... Думаю, — заключает он, — что и это не надолго»²⁸. Таким же хапугой был и херсонский губернатор Ф. П. Панкратьев. «При таком начальнике губернии, — писал упоминавшийся выше полицейский чиновник Ф. Я. Лучинский, — злоупотребления были развиты до крайностей и все чиновники жили роскошно, строились и покупались дома и даже имения»²⁹.

Некоторые губернаторы не обременяли себя вопросами управления губернией. Астраханский губернатор, как сообщал в III отделение анонимный агент, посетивший ряд губерний в 1852 г., буквально не имел времени заниматься делами, так как вел «образ жизни особенный от общепринятого: утро посвящает молитве, обед в 12 часов, отдых до 5, в 9 ужин и потом покой». Несколько иначе проводил время саратовский губернатор. «Странный образ жизни, невоздержанность в употреблении хмельного, — писал тот же агент, — отнимают у г. губернатора Кожевникова способ для личного надзора за порядком в городе и для наблюдения за чинами подчиненными, отчего вкрались многие злоупотребления, обнаружился произвол и исполнительная власть получила ложное направление»³⁰. Это весьма скромное заключение в действительности рисует картину полнейшего произвола, чинимого губернатором во вверенной ему губернии.

Тамбовский губернатор П. С. Булгаков* вообще не интересовался службой. Как сообщает тот же анонимный агент, Булгаков «выстроил для себя в 30 верстах от города богатую дачу, учредил там обширный конный завод и водворился на постоянное почти жительство: раза два в неделю на короткое время приезжает в город; в прочие же дни доклады из всех учреждений отвозятся к нему производителями или пересылаются через нарочных, (что) в особых случаях весьма затруднительно»³¹. Это было крайне сложно, ибо для доставки доклада на губернаторскую дачу и возвращения в город требовалось по тогдашним временам по крайней мере 12—14 часов.

Положение в Московской губернии было не лучше. Как отмечает в своих записках сенатор К. Н. Лебедев,

* В «Материалах для упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян...» (т. 2, вып. 3, стр. 20) дается следующая характеристика П. С. Булгакову: «Бывший тамбовский и калужский губернатор — человек необузданный, грубый, пьяный и во всех отношениях неприличный».

«губернатор Ив. Вас. Капнист ни разу не объехал губернии и ленив до крайности. Вице-губернатор ХХХ, пользовавшийся общим презрением, «сбыт» в Рязань губернатором по представительству графа (Закревского.—*Авт.*), который, к моему удивлению, на вопрос, почему назначают ХХХ-ва губернатором, отвечал: «Там был хуже (Кожин)...» Вообще, — заключает он, — личный состав чиновников неудовлетворителен»³².

Однако все это было несравнимо с тем, что творил пензенский гражданский губернатор А. А. Панчулидзе³³, занимавший этот пост с начала 30-х годов. Не говоря уже о взяточничестве «со всех и вся» и различного рода казнокрадстве, он вел себя как средневековый турецкий паша в завоеванной области, покрывал любые преступления, включая и убийства. Как рассказывает И. В. Селиванов, для особо деликатных дел у Панчулидзева был советник губернского правления N, совершавший вопиющие беззакония*. В качестве примера методов его «управления» можно привести поведение Панчулидзева в отношении одного из откупщиков, обложенных им, как уже говорилось выше, ежегодной данью. Чембарский откупщик Пентюхов как-то позамешкался присылкой «оброка», почему и был вызван в Пензу. Не желая ехать сам, он послал своего сына, молодого человека, с 1 тыс. руб. и с извинением, что в настоящее время денег нет, но что «остальная тысяча будет доставлена в непродолжительном времени. Молодого человека, дожидавшегося доселе в зале... позвали в кабинет губернаторский... Он вошел и объяснил губернатору поручение отца, вручая приказанные к отдаче 1000 руб.». Панчулидзев потребовал немедленно отдать вторую тысячу, а сын откупщика еще раз повторил, что в настоящий момент у них нет денег. «Тогда губернатор бросился на него, своими превосходительными руками выхватил у него из кармана бумажник и взял оттуда все деньги... Разумеется, молодой человек не давал, но был тем не менее ограблен и, сбегав с лестницы, растрепанный и изодранный, величал губернатора грабителем и разными другими нежными наименованиями»³⁴. Об этом эпизоде рассказывал

* «Однажды в Саранске убили сидельца суконной лавки; N засадил в острог целые десятки татар не только Пензенской, но даже Тамбовской губернии Темниковского уезда и выпускал их по мере того, как они вносили за себя выкуп, кто 1 тыс., а кто и 2 тыс. руб. сообразно состоянию» (цит. по: «Эпоха Николая I», стр. 38).

И. В. Селиванов, находившийся в тот момент в губернаторском доме*. Однако этот грабеж «среди бела дня» не имел никаких последствий. И прокурор, и штаб-офицер корпуса жандармов молчали, а последний в своих секретных отчетах о местной администрации всячески восхвалял «хозяина губернии».

И только в конце 1856 г. штаб-офицер корпуса жандармов Тарновский сообщил в III отделение в весьма деликатных выражениях: «Земская полиция и городничие, имея по делам отношения к губернскому правлению, говорят, должны поддерживать оные деньгами, а также утверждают, что кроме губернского правления многие исправники, судьи и проч. имеют свои установленные ежегодные отношения к начальнику губернии и чиновнику особых поручений Караулову, которыми и поддерживаются на своих местах»³⁵.

Вполне естественно, что панчулидзевская система управления, длившаяся почти три десятилетия, растлила в необычных даже для николаевского царствования размерах всю губернскую и уездную администрацию.

«Относительно нравственного убеждения большинства лиц чиновников и служащих, — говорилось в том же сообщении, — к сожалению, по справедливости должно сказать, что многие наблюдают свои выгоды и установление благодарности и поборы не считают взятками, о совершенном же бескорыстии по службе не имеют понятия. Общее направление к изобретению из службы к получению денежных выгод сделалось столь общим большинству служащих, что заменить лучшими почти нет [возможности] и к малейшему уменьшению такого направления нужно весьма много стремления и времени»³⁶. Эта характеристика, опять-таки изложенная весьма деликатно, отражает положение не только в Пензенской губернии, но и во всей России.

Надо сказать, что, несмотря на изменившуюся общественную обстановку в 1857 г., никакого отклика на это сообщение не было. И только статья в третьей книге «Голосов из России», издававшихся А. И. Герценом, о так называемом «Танеевском деле»³⁷ — вопиющем произволе, связанном с уголовным преступлением, совершенным

* Интересно заметить, что Панчулидзев получал из всех провинциальных губернаторов наибольший оклад, составлявший в год 8632 руб. («Список гражданским чинам первых четырех классов». СПб., 1853, стр. 108).

саранским исправником Федорчуковым при попустительстве Панчулидзева, заставила в 1858 г. направить в Пензу сенаторскую ревизию во главе с сенатором С. В. Сафоновым. В результате этой ревизии, обнаружившей величайшие безобразия, Панчулидзева после 28-летнего пребывания на посту губернатора удалили со службы.

Даже в конце 50-х годов, когда губернаторов, подобных Панчулидзеву, осталось немного, состав их оставлял желать лучшего. Так, исполняющий должность товарища министра внутренних дел Н. А. Милютин, прекрасно знавший губернаторов и совместно с В. А. Черкасским и Д. А. Хрущевым составивший «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», по этому поводу писал: «Можно утвердительно и по строгой совести сказать, что в числе 45 губернаторов, за исключением сибирских и кавказских, 24 должны быть сменены без малейшего замедления, из них 12 как всем известные мошенники, а 12 по сомнительной честности, из остальных 21 десять могли бы быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши и только два могут быть названы «образцовыми» — самарский Грот и калужский Арцимович»³⁸.

Вторым лицом в губернской администрации являлся вице-губернатор. «Прямое назначение вице-губернатора, — говорилось в законе, — есть: 1) быть непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления ею, 2) иметь ближайший и ответственный надзор по всем частям губернского правления, наблюдать вообще за делопроизводством, благоустройством и порядком в целом правлении, и в особенности в канцелярии присутствия и частях ее, 3) заступать временно место начальника губернии каждый раз, когда губернатор почему-либо не управляет губернией»³⁹.

На 1 января 1853 г. по «Адрес-календарю» числилось 52 вице-губернатора. Формулярные списки сохранились только у 34 (65,2%).

51 вице-губернатор имел гражданский чин, и только один (в Тульской губернии) был военным. В отличие от губернаторов почти все вице-губернаторы были лицами гражданскими, имели определенный опыт гражданской службы. Лица, перешедшие с военной службы, не обладали познаниями в области административного

управления. Так, характеризуя владимирского вице-губернатора П. М. Муравьева, штаб-офицер корпуса жандармов писал: «Очень деятелен по службе, но, как прежде, все находился в морской, то не знает гражданских дел»⁴⁰.

По чинам вице-губернаторы распределялись: действительных статских советников — 5, статских советников — 33, коллежских советников — 11, надворных советников — 2, полковников — 1.

Итак, подавляющее большинство вице-губернаторов имели чин V класса. Придворные звания имели трое: один камергер и два камер-юнкера.

По сословной принадлежности: 30 человек — дворяне (88,2%). Лишь один вице-губернатор был титулованным (князь). 2 — обер-офицерские дети, 1 — сын купца и 1 — духовного звания. По вероисповеданию большинство вице-губернаторов являлись православными — 30 человек, 2 — католиками, 2 — лютеранами.

11 вице-губернаторов (32,2%) окончили высшие учебные заведения, 12 (35,3%) имели среднее и 11 (32,2%) получили домашнее образование. Таким образом, вице-губернаторы были образованнее своих непосредственных начальников, из которых только 19% имели высшее образование, а 62,5% — домашнее.

По возрасту:

31—35 лет	3	51—55 лет	3
36—40 »	3	56—60 »	4
41—45 »	9	61—65 »	3
46—50 »	9		

По имущественному положению: 10 вице-губернаторов не имели собственности, 24 являлись помещиками, из них 17 владели родовой земельной собственностью. Таким образом, 50% вице-губернаторов имели родовую собственность, а вместе с благоприобретенной и собственностью жен — 64,7%.

Земельные владения в крепостных душах распределялись среди вице-губернаторов следующим образом:

до 50		3
от 51	до 100	7
» 101	» 500	7
» 501	» 1 000	3
» 1 001	» 5 000	2
без указания числа		2

Следовательно, среди этой категории губернской администрации преобладали среднепоместные: имевшие

до 500 душ составляли 65,2%. Надо заметить, что 4 вице-губернатора помимо крепостных владели еще ненаселенными землями (от 1 тыс. до 10 тыс. дес.). Сопоставляя эти данные с имущественным положением губернаторов, отметим, что процент помещиков примерно одинаков, однако размер владений у вице-губернаторов несколько меньше, чем у губернаторов.

Продолжительность службы у вице-губернаторов была такой же, как и у губернаторов (однако все же более продолжительной, в особенности если считать тех, кто служил менее 2 лет). Из 33 человек (данные об одном отсутствуют) до года прослужило 4, до 5 лет — 18, что составляло около 70%. Следовательно, процент вице-губернаторов, занимавших должность свыше 5 лет, равнялся примерно 30%. Вице-губернаторы, как правило, по своим действиям и образу жизни были схожи с губернаторами, а если это было не так, то довольно быстро они приходили в соответствие. Так, вор и взяточник Панчулидзеv не мог иметь своей правой рукой честного человека, «чересчур уж честный» Радищев не потерпел бы жулика. В качестве примера можно привести саратовского вице-губернатора, вполне соответствовавшего начальнику губернии, горькому пьянице. «Вице-губернатор... бессменный участник во всех оргиях в тесном содружестве с чинами провиантской комиссии, отличными питухами, — сообщал в III отделение анонимный агент, — частые скандальные истории наводят соблазн для губернии и унижают достоинство губернского начальства»⁴¹.

Но нередко бывало, что при неопытном губернаторе основной воз по управлению губернией вез вице-губернатор. В качестве примера можно привести нижегородского вице-губернатора М. М. Панова при молодом свитском генерале князе М. А. Урусове⁴². Надо думать, что подобный факт был не единичен.

В системе губернских учреждений важное место занимала казенная палата — орган Министерства финансов. Она ведала сбором различного рода прямых и косвенных налогов (подушной подати, выдачей различных гильдейских, промысловых и других свидетельств, получением косвенных налогов — откупа, акциз). Вместе с тем казенная палата обязана была выполнять и контрольные функции. Она состояла из пяти отделений: ревизского, питейных сборов, казначейства, соляного и контрольного. Присутствие палаты включало ее предсе-

дателя, советников, губернского казначея, губернского контролера и одного или нескольких ассессоров⁴³.

Председатель казенной палаты назначался и увольнялся «высочайшей властью» по представлению министра финансов. По своему положению председатель палаты был третьим лицом в губернии. Он замещал губернатора, если «на эту должность не может вступить вице-губернатор». Однако, пожалуй, в некотором отношении он был не третьим, а вторым лицом. Прежде всего председатель казенной палаты в отличие от вице-губернатора относился к другому ведомству и пользовался некоторой самостоятельностью, возглавляя отдельную отрасль губернского управления. Кроме того, и по чину председатель казенной палаты был, как правило, выше вице-губернатора.

На 1 января 1853 г. числилось 53 председателя казенной палаты. Действительных статских советников среди них насчитывалось 29 человек (54,7%), статских советников — 22 (41,5%), коллежских советников — 1. Чин одного председателя не указан. Таким образом, если в чине IV класса состояло 5 вице-губернаторов, то такой же чин имело более половины председателей казенных палат. В должности вице-губернатора было 21,1% коллежских советников, а председателя казенной палаты — 1,9%.

Из 53 председателей палат формулярные списки сохранились у 49, или у 92,4%. (Сохранился также один дополнительный лист к формулярному списку, в котором обозначено только имущественное положение.)

По сословной принадлежности преобладающее большинство председателей палат принадлежало к дворянству — 40 человек (81,6%), остальные 9 происходили: из обер-офицерских детей — 4, детей канцелярских служителей и мелких чиновников — 4 и, наконец, 1 был выходцем из духовного звания. По вероисповеданию православных было 40 (81,6%), лютеран — 8 (16%) и католиков — 1 человек.

По возрасту председатели казенных палат были старше вице-губернаторов (этим, вероятно, и объяснялось их превосходство в чинах):

31—35	лет	1	56—60	лет	7
41—45	»	5	61—65	»	9
46—50	»	11	66—70	»	2
51—55	»	14			

11 председателей казенных палат имели высшее образование, 23 — среднее и 15 — домашнее.

Из 50 председателей казенных палат земельной собственностью владели 26 человек, т. е. 52%. Родовая собственность имела у 15, у остальных — благоприобретенная или собственность жен, 4 председателя имели собственные дома, у 2 были дворовые в количестве до 10 душ. Таким образом, собственниками являлись 32 человека, или 64%; у 18 не было никакой собственности.

Земельная собственность (в крепостных душах) распределялась среди этой категории чиновничества (в основном среднепоместных помещиков) следующим образом:

до	10			1
от	11	до	50	7
»	51	»	100	5
»	101	»	500	11
»	1 001	»	5 000	1

Кроме того, 1 председатель имел ненаселенное имение в 1700 дес. земли. Он же обладал значительным числом акций Русско-американской компании.

С точки зрения получения всяких незаконных доходов председатель казенной палаты обладал наибольшими возможностями: в его руках находились откупа, акцизы и всякого рода другие виды налогового обложения.

Так, М. Б. Веселовский, характеризуя председателя нижегородской казенной палаты Б. Е. Прутченко, писал, что последний нажил большое состояние. Об этом же сообщает и нижегородский штаб-офицер полковник Панютин в своем донесении в январе 1846 г.: Прутченко «составил значительное состояние, тысяч до четырех душ крестьян, приобретя их на имя своей сестры, жены откупщика»^{* 44}. В ведомстве Прутченко творились вопиющие вещи. Одной из форм дохода казенной палаты, как рассказывает Веселовский, были соляные операции: «уменьше ловко потопить баржу и воспользоваться потоплением соляных амбаров»⁴⁵. Баржа с солью топилась

* Надо сказать, что и на свое имя Прутченко приобрел 2165 крепостных душ («Список гражданским чинам первых четырех классов». Исправлено на 20 декабря 1853 г. СПб., 1853, стр. 261). Подобная характеристика, направленная в III отделение, по-видимому, не имела никакого результата, так как и семь лет спустя Прутченко занимал ту же должность.

после того, когда с нее была уже вывезена соль, а соляные амбары, расположенные на берегу Волги и иногда затопляемые весной вешними водами, служили основанием для списания «погибшей» соли. Тот же нижегородский жандармский офицер косвенным образом подтверждает рассказ Веселовского, давая главе соляного «начальства» — приставу соляных дел Польцу далеко не лестную характеристику. «Себя, — говорится в донесении Панютина, — не забывает, имеет такое же, как и председатель Прутченко, значительное приобретенное имение в Нижегородской губернии на имя родной сестры своей»⁴⁶.

Для имущественного положения губернской администрации подобного рода «доходы» были весьма существенны. Жандармский штаб-офицер из Нижнего Новгорода сказал прямо то, что можно было предполагать, и это явление имело, конечно, общероссийское распространение. Поэтому сведения, сообщаемые ежегодно Николаю I Инспекторским департаментом гражданского ведомства о собственности, приобретенной чиновниками за истекший год, далеко не всегда соответствовали действительности. Эти сведения представлялись в виде приложения к всеподданнейшему отчету Инспекторского департамента⁴⁷. Представление их могло иметь только косвенное значение: дабы избежать неприятностей, чиновники реализовывали свои «доходы» путем приобретения собственности на имя своих родственников. До образования Инспекторского департамента гражданского ведомства в 1846 г. чиновники не соблюдали в этом отношении осторожность, поэтому порой в «Списках чинам» встречаются любопытные сведения о размерах приобретенного имущества. Например, советник Таврической казенной палаты, статский советник Т. И. Шурхайло, получая жалованье в размере 843 руб. в год, приобрел на свое и имя жены 11 душ крепостных, 700 дес. земли, 3 виноградника и каменный дом в Симферополе. Чин одного присутствия хозяйственного управления при Синоде, статский советник В. А. Инсарский приобрел вместе с женой 1718 крепостных душ, 483 дес. ненаселенной земли, каменный дом и дачу в Петербурге⁴⁸.

Палаты государственных имуществ в губерниях возникли в 1838 г., после создания соответствующего министерства. Они ведали государственными крестьянами, лесами, принадлежащими казне, и различного рода «об-

рочными статьями», находившимися на территории государственных земель.

Палата государственных имуществ возглавлялась управляющим, назначавшимся «высочайшим» приказом по представлению министра государственных имуществ. На 1 января 1853 г. из 47 управляющих имелось 45. Формулярные списки сохранились лишь у 25 человек, т. е. у 55,5%. Таким образом, по основным показателям имеются данные лишь о половине состава управляющих.

Из 45 управляющих преобладающее число их (60%) находилось в чине V класса — статского советника, 5 — действительных статских советников, 27 — статских советников, 8 — коллежских советников, 2 — надворных советников. Кроме того, управляющие имели военные чины: 2 — генерал-майора, 1 — полковника. В придворном звании состояли 3 человека: 1 камергер, 2 камерюнкера.

По сословному происхождению большинство управляющих являлись потомственными дворянами (22 из 25) — 88%, 2 — дети мелких чиновников и 1 — из обер-офицерских детей.

По вероисповеданию: православных было 20 (80%), лютеран — 4 и католиков — 1.

По возрасту:

36—40 лет	3	56—60 лет	4
41—45 »	4	61—65 »	1
46—50 »	5	66—70 »	1
51—55 »	7		

По образованию: 7 имели высшее, 9 — среднее, 1 — низшее и 8 — домашнее. Следовательно, 64% управляющих имели высшее и среднее образование.

По имущественному положению: 20 человек, или 80%, были помещиками, из них 15 имели родовую собственность и 5 — благоприобретенную или собственность жен. Кроме того, 1 управляющий владел каменным домом в Крыму и 4 дес. виноградников.

Собственности не имели 4 человека.

Земельные владения (в крепостных душах) распределялись среди этой категории чиновничества следующим образом:

до 20	1	от 501	до 1 000	3	
от 51	до 100	5*	» 1 001	» 5 000	1
» 101	» 500	10			

* Один из владельцев имел также 2050 дес. ненаселенной земли.

Итак, среди управляющих палатами государственных имуществ преобладали владельцы до 500 душ крепостных. Таким образом, эта категория чиновничества не отличалась от других представителей губернской администрации.

Реформа государственных крестьян, в результате которой возникла новая отрасль губернской администрации со всеми ее пороками, присущими николаевскому чиновничеству, не улучшила их положения. Усиление «правительственного» попечительства над крестьянами, т. е. создание целого ведомства с армией чиновников, способствовало росту произвола и взяточничества и в этом ведомстве.

Вполне естественно, что управляющие палатами государственных имуществ среди этой оравы чиновников занимали первое место. Так, штаб-офицер корпуса жандармов, характеризуя управляющего нижегородской палатой государственных имуществ И. Ю. Круковского, писал, что он «мало занимается устройством возложенных на него обязанностей, а более, как видно, заботится собственным приобретением»⁴⁹.

Председателя костромской палаты государственных имуществ Шипова жандармский офицер в донесении в III отделение также характеризует как взяточника⁵⁰. В подобных делах были замешаны не только управляющие палатами, но и их подчиненные. Говоря о доходах местных чиновников, М. Б. Веселовский указывает, что «одним из обильных источников было заведование казенными крестьянами. Не говоря уже о высших губернских чинах, даже мелкота жила довольно обильно»⁵¹.

Среди представителей чиновников судебного ведомства первая роль в губернии бесспорно принадлежала прокурору.

«Губернский прокурор и состоящие при нем для совета и помощи губернские стряпчие (являвшиеся его непосредственными помощниками. — Авт.) имеют единственным предметом своих действий, — говорилось в законе, — непосредственный надзор за порядком производства дел в местах губернских». Непосредственным начальником губернских прокуроров являлся министр юстиции, «и от него одного [они] получают предписания и одобрения в заслугах и отличиях»⁵².

Однако в действительности губернский прокурор не был лицом независимым, что находило отражение даже

в законах. Так, губернский прокурор обязан был о всех замеченных им злоупотреблениях и беспорядках «донести немедленно губернскому начальству, а в некоторых определенных случаях и министру юстиции». Требование сообщать о «замеченных беспорядках» непосредственно губернатору, а не министру юстиции в известной мере ставило прокурора в какую-то зависимость от «хозяина губернии». Кроме того, губернские стряпчие, непосредственные помощники прокурора, в прямом смысле слова находились не только в зависимости, но даже и в подчинении у губернского начальства. «Губернскому правлению, — указывалось в «Своде учреждений государственных и губернских», — подчиняются губернские стряпчие токмо в отношении к возлагаемым на них губернским начальством комиссиям или поручениям»⁵³. Наконец, тот факт, что губернатор утверждал некоторые приговоры палат уголовного суда, к которым прокурор имел хотя и косвенное отношение, также определял эту зависимость.

Таково было положение губернского прокурора, определенное законом. В жизни эта зависимость от губернской администрации проявлялась намного сильнее. В рассматриваемый период значение Министерства внутренних дел, к ведомству которого принадлежали губернаторы, было неизмеримо большим, нежели Министерства юстиции.

Н. М. Колмаков, служивший в Министерстве юстиции, в своих воспоминаниях приводит один любопытный разговор с министром внутренних дел, относящийся к середине 50-х годов. «Я, — рассказывает он, — как чиновник, командированный от Министерства юстиции для занятий в Министерстве внутренних дел, представлялся бывшему тогда в последнем министру Сергею Степановичу Ланскому.

Разговаривая со мной, Ланской спросил меня: «Ну что там Ваш Виктор Никитич (министр юстиции гр. Панин. — Авт.)? Все судит да рядит, а мы все-таки будем ездить по-своему». При этом Ланской, раскрыв два пальца правой руки и образовав из них рогульку, положил ее на один палец левой руки, а потом, подымая и опуская ее несколько раз, делал движение наподобие конного ездока. «Вот так, вот так, — твердил, улыбаясь, добродушный министр, — мы ездим на Вашей юстиции»⁵⁴.

Об этой зависимости прокуроров от губернаторов упоминается и в донесениях штаб-офицеров корпуса жандармов в III отделение. Так, жандармский штаб-офицер писал о вологодском губернском прокуроре И. П. Делло: «Сколь можно заметить, чрезвычайно кропотлив в делах, робко действующий по своей должности, соглашаясь всегда с волей и намерениями начальника губернии». Владимирский штаб-офицер корпуса жандармов характеризовал губернского прокурора П. И. Шкляревича как пьяницу, который «хотя по утрам и бывает трезв, но все более сидит в своей прокурорской комнате и редко посещает другие присутственные места, протестов же против неправильных решений дел почти никогда не делает, почему все чиновники, начиная от самого губернатора, им довольны, но имеющие тяжбу не находят в нем никакого покровительства». О могилевском губернском прокуроре Найденове жандармский офицер сообщает, что он «старается угодить и начальству и просителям», в силу чего «на дела имеет слабое влияние, в обществе же никакого»⁵⁵. Эти характеристики относятся к 1845—1847 гг.

Даже казанский губернский прокурор, бывший ректор Казанского университета, ученый-юрист, профессор Г. И. Солнцев никак не реагировал на величайший произвол местной администрации, и особенно полицмейстера Поля⁵⁶.

Однако нельзя представлять, что все прокуроры были таковыми. «История Министерства юстиции, — пишет А. Ф. Кони, — с тридцатых до шестидесятых годов представляла немало примеров энергической борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешна, но уже самое возникновение ее, основанное на предписании закона, определявшего обязанности губернского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствием ее являлись сенаторские ревизии»⁵⁷. Действительно, в дореформенный период имелась небольшая группа прокуроров, частично вышедших из Училища правоведения, пытавшихся, в основном безуспешно, бороться с злоупотреблениями местной администрации. Среди них надо назвать московского губернского прокурора Д. А. Ровинского, одного из активных деятелей судебной реформы начала 60-х годов, внесшего также крупный вклад в развитие русской культуры.

Рассмотрим состав губернских прокуроров. На 1 января 1853 г. по штатам должно было числиться 60 губернских и областных прокуроров, но в действительности пять должностей оставались вакантными. Формулярные списки сохранились на 52 человека, или 94,5%. Таким образом, помимо чинов и званий все остальные показатели исследуются по этим 52 послужным спискам.

Прокуроры относились в основном к чинам V—VIII классов. Так, среди них статских советников было 13, коллежских — 15, надворных — 12, коллежских асессоров — 14, коллежских секретарей — 1.

Один из прокуроров имел придворное звание камерюнкера.

По вероисповеданию 44 человека относились к православным (среди них 1 грузин), 6 — к лютеранам, 1 — к католикам, 1 был армяно-григорианского вероисповедания.

По возрасту прокуроры были моложе, нежели другие представители губернской администрации:

от 20 до 25 лет	2	от 46 до 50 лет	5
» 26 » 30 »	14	» 51 » 55 »	13
» 31 » 35 »	6	» 56 » 60 »	3
» 36 » 40 »	2	» 61 » 65 »	4
» 41 » 45 »	3		

По сословиям состав прокуроров несколько отличался от других представителей губернской администрации. Так, выходцев из потомственных дворян было 35 человек, или 67,3%, из духовного звания и обер-офицерских детей — 5 человек, из купцов — 1, почетных граждан — 2, канцелярских служителей — 1, кантонистов — 1, из «ученого звания» — 1, 6 принадлежали к разночинцам.

Прокуроры в основной массе являлись людьми образованными. Высшее образование имели 27 человек (51,9%), 16 человек окончили Училище правоведения, среднее образование получили 14 человек, или 26,1%, низшее — 2, домашнее — 9. Следовательно, более половины прокуроров имели специальное юридическое образование, а лица, получившие высшее и среднее образование, составляли 78,8%. (Из лиц с высшим образованием 1 не окончил университета, со средним — 2 не закончили гимназии.)

Рассмотрим имущественное положение прокуроров. Земельной собственностью владели 22 человека (родовую

земельную собственность имели 10 человек), или 43,1%, домами — 7 человек и 23 прокурора (44,2%) не имели собственности. Итак, процент помещиков среди прокуроров был меньшим, чем среди других категорий губернской администрации.

Надо заметить, что продолжительность службы губернских прокуроров была небольшой. Из 51 человека 13 занимали эту должность до 1 года и столько же — от 1 до 3 лет, т. е. более половины прокуроров служили в данной губернии менее 3 лет.

В какой степени прокуроры в служебном отношении выделялись из среды других представителей губернской администрации? Нам представляется, что они также не были лишены пороков, присущих их сослуживцам. Правда, они не крали, так как красть им было нечего, но взятки брали многие. Из девяти жандармских характеристик прокуроров, относящихся ко второй половине 40-х и 50-м годам, одна безоговорочно положительна*, а о трех прокурорах определенно говорится как о взяточниках**.

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшей характеристике губернских чиновников, остановимся на вопросе о губернской и уездной администрации, избиравшейся дворянством. По учреждению 7 ноября 1775 г., дворянством замещались следующие государственные должности⁵⁸: председатели губернских палат уголовного и гражданского суда, уездные исправники, т. е. начальники полицейской власти в уезде, именовавшиеся капитан-исправником (власть капитан-исправника распространялась только на уезд, во главе города стоял городничий), уездные судьи, а также заседатели палат уголовного, гражданского и

* Она относится к исправлявшему должность владимирского прокурора А. П. Воскресенскому, который, по свидетельству жандармского штаб-офицера, «много занимается своей обязанностью, бескорыстен и любим в обществе» (ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 6, л. 29).

** Владимирский прокурор Навроцкий и два курских прокурора — Лего и Ф. П. Федоров. Последние облагали уездных стряпчих «налогом» в свою пользу (ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 6, л. 19; ч. 22, л. 67, 71). Сенатор М. Б. Веселовский пишет о взяточничестве нижегородского губернского прокурора: «Он вышел из Училища правоучения, знал дело, но, как говорили, «брал»» (Отдел рукописей ГПБ, ф. IV, д. 861, л. 263).

земского суда (органа уездной полицейской власти) и уездного суда. (Заседателями палат уголовного и гражданского суда были также лица городских сословий, а земского и уездного судов—государственные крестьяне.)

«Честные дворяне, — пишет в своем исследовании «Русская жизнь в начале XIX в.» академик Н. Ф. Дубровин, — всеми средствами уклонялись от выборов в судьи и исправники, зная, что они должны платить ежегодно подати губернаторам, их секретарям, председателям и советникам правлений, а для этого обирать народ, где можно и где случай дозволяет. Если выбранные дворянством лица пытались поступать по совести, то не избегали гонений губернаторов и даже были предаваемы суду... Их места заменяли люди алчные, бесстыдные, не имеющие понятия о чести, становившиеся всегда самыми близкими людьми губернатора. При содействии и участии таких лиц губернаторы заключали незаконные подряды, собирали значительные суммы, покрывали мраком свои незаконные дела»⁵⁹.

Кроме того, существовала еще одна причина, по которой дворянство не стремилось занимать эти выборные должности, так как оно только избирало лиц на эти должности, но от какого-либо вмешательства в их деятельность было устранено. Таким образом, избранные лица целиком оказывались во власти местной бюрократии.

Другое положение существовало в прибалтийских губерниях, где до 80-х годов действовало шведское феодальное право. Там судьи и чины полиции не только избирались дворянством, но и целиком ему подчинялись, поэтому, естественно, отношение к выборам было другое.

* * *

Судебными учреждениями в губернии являлись палаты уголовного и гражданского суда (в Астраханской, Архангельской, Олонецкой, Пермской и Вятской губерниях существовала одна палата — уголовного и гражданского суда). Во главе палат стояли председатели, избиравшиеся дворянством. В губерниях, где дворянство отсутствовало, они назначались Сенатом. В случае неутверждения избранных кандидатур эти должности замещались по назначению. Из 86 председателей палат на 1 января

1853 г. фактически действовали 84* (в двух губерниях места оставались вакантными). Сохранился 51 послужной список на 60,7% общего числа председателей палат.

72 председателя имели гражданские чины: действительного статского советника — 3, статского советника — 28, коллежского советника — 17, надворного советника — 11, коллежского асессора — 5, титулярного советника — 5, коллежского секретаря — 3.

12 председателей имели военные чины: 1 — полковника, 1 — подполковника, 1 — капитана, 1 — ротмистра, 2 — штабс-капитана, 1 — поручика, 3 — подпоручика, 1 — капитана II ранга, 1 — капитан-лейтенанта.

40 председателей палат являлись потомственными дворянами (у 38 имеются прямые сведения о дворянском происхождении, у 2 оно устанавливается на основе наличия родовой крепостной собственности), 3 происходили из обер-офицерских детей, 3 — из духовного звания, 2 — из купцов, 1 — из детей канцелярских служащих, 1 — из детей мастеровых, 1 — из прочих (сын «бахчисарайского жителя»), 1 дворянин имел княжеский титул.

По вероисповеданию: 46 были православными, 4 — католиками и 1 — лютеранином.

Имеются сведения об образовании 45 председателей палат. Из них высшее образование получили 11 человек, среднее — 14, низшее — 3 и домашнее — 17. Таким образом, 25 председателей палат (55,5%) имели высшее и среднее образование.

Если даже предположить, что все получившие университетское образование (их было 7 человек) закончили юридический факультет, то среди председателей палат 9 человек (2 окончили Училище правоведения), т. е. 20%, имели специальное образование. Из 11 человек, получивших высшее образование, 1 закончил духовную академию, 1 — медико-хирургическую.

Данные о возрасте содержатся в 50 послужных списках (в одном из них, являющемся не основным, а дополнительным, возраст не указан).

* По трем губерниям (Рязанской — палата гражданского суда, Пензенской — уголовного и гражданского и Тульской — уголовного суда) данные в «Адрес-календаре» неточны. В действительности за должностью записаны другие лица.

По возрасту:

26 — 30 лет	2	51 — 55 лет	11
31 — 35 »	3	56 — 60 »	8
36 — 40 »	1	61 — 65 »	4
41 — 45 »	6	66 — 70 »	2
46 — 50 »	12	свыше 75 »	1

Имеются сведения об имущественном положении председателей: 35 владели земельной собственностью, 26 — родовой, 1 (сын купца) — недвижимой собственностью неизвестного вида⁶⁰, у 9 не было собственности. Земельная собственность (в крепостных душах) распределялась среди этой категории чиновничества следующим образом:

до 10	3	от 101	до 500	15*
от 11	до 50 3	» 501	» 1 000	6**
» 51	» 100 7	» 1 001	» 5 000	1

Следовательно, 77,7% председателей судебных палат были помещиками, причем 7 человек, или 20%, являлись владельцами имений с более чем 1 тыс. крепостных.

Из 51 человека 30 занимали должность председателя судебной палаты по выборам дворянства, 16 — по назначению, об остальных сведения отсутствуют.

Как уже отмечалось выше, дворянство не относилось серьезно к выборам на судебные должности. Так, в воспоминаниях Н. М. Колмакова, служившего в Министерстве юстиции, говорится, что «дворяне выбором лиц в судейские должности не дорожили и не придавали этому никакой важности». Колмаков приводит факт, происшедший в Калуге во время ревизии сенатора С. И. Давыдова, когда дворяне, как говорится, смеха ради, «огромным большинством» избрали председателем палаты гражданского суда некоего Толмачева, известного «своей простотою, доходившею до невозможности, а об образовании и знании судебного дела и говорить было нечего»⁶¹.

В силу такого отношения избранные дворянством председатели в большинстве своем были невеждами. Из четырех характеристик председателей палат уголовного и гражданского суда, служивших по выборам дворян-

* У 3 из них имелась ненаселенная земля в размере от 1500 до 3 тыс. дес.

** У 1 имелось 4875 дес. ненаселенной земли, у 1 — две писчебумажные фабрики.

ства, которыми мы располагаем, составленных штаб-офицерами корпуса жандармов, в трех отмечается неподготовленность к занятию данной должности, и только об одном председателе Владимирской уголовной палаты, служившем ранее по выборам уездным судьей, дается положительная характеристика*.

Характеризуя председателя Владимирской палаты уголовного суда С. П. Куломзина, жандармский штаб-офицер пишет: «Служит по выборам и подписывает бумаги, в которых решительно ничего не понимает». Аналогичная характеристика дается и председателю палаты гражданского суда той же губернии И. П. Колокольцеву, который «не имеет ни познаний, ни ответственности в делах судебных». Также характеризуется и председатель палаты гражданского суда Подольской губернии А. Кроковский, «человек бескорыстный и кроткий, но характера слабого и самых ограниченных познаний в делах»⁶². Все эти отзывы относятся ко второй половине 40-х годов.

Н. М. Колмаков рассказывает об одном председателе палаты уголовного суда, занимавшем должность по выборам, быстро ликвидировавшем царившую в палате медлительность в отношении рассмотрения дел. «И вот однажды явился в министерство этот председатель и радостно докладывает министру, что все дела решены. «Как же Вы это сделали?» — спросил министр. «Я, Ваше сиятельство, — отвечал председатель-дворянин, — воспользовался особым случаем. В нашем губернском остроге содержится несколько весьма опытных чиновников; вот я и роздал им дела, и мне живо написали все, что нужно». Однако не всегда удавалось «столь удачно» ликвидировать запущенность в делах. В других случаях это осуществлялось более простым способом. Дела, находившиеся в производстве долгое время, просто «прятались от взоров то в столах, шкафах, то в архивах в числе решенных, а, наконец, были и такие случаи, как, например, в Курске, при ревизии сенатора Дурасова в 1850 г. дела одного судебного места оказались потопленными в реке. Сам сенатор с подлежащими властями в лодках... наблюдал за извлечением дел из царства Нептуна»⁶³, пишет Н. М. Колмаков.

* Она относилась к председателю Владимирской палаты уголовного суда А. Н. Кишкину в 1856 г.

Если основным качеством председателей, избравшихся дворянством, было невежество в области юриспруденции, то председатели из чиновников, назначавшиеся на эту должность, отличались мздоимством. О существовавшей в судах «неправде» широко известно и из специальных исследований, и из художественной литературы. В 1854 г. А. С. Хомяков в стихотворении «Россия» писал:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна⁶⁴.

Такое положение дел рассматривалось как нормальное явление, и никаких мер против него не предпринималось. Примером может служить тот факт, что сообщения о мздоимстве на местах обычно не вызывали мер со стороны III отделения. В течение более полутора лет штаб-офицер корпуса жандармов, находящийся в Полтавской губернии, каждые полгода начиная с 1 января 1847 до 1 июля 1848 г. доносил о взяточничестве председателя палаты гражданского суда Терещенко. Так, 1 января 1847 г. штаб-офицер полковник Щербачев, говоря о Терещенко, пишет: «При производстве же дел более или менее управляет им золото». Об этом же говорится и в донесениях 1 июля 1847 г., 1 января и 1 июля 1848 г.⁶⁵

Никаких выводов относительно него, однако, не последовало.

Анализ состава губернской администрации убедительно свидетельствует, что во всех звеньях ее господствовали дворяне, от 100% (губернаторы) до 66,6% (прокуроры). При этом преимущественная часть дворян являлась землевладельцами. Наибольший процент помещиков насчитывался среди управляющих палат государственных имуществ — 80, наименьший у губернаторов — 58,3.

Однако данные о землевладении губернаторов занижены, так как мы не располагаем полными сведениями о их земельной собственности.

По образованию наименее просвещенными являлись «хозяева губерний». Среди них преобладали люди, получившие домашнее образование, — 62,8%, а высшее — только 19,2%. Наибольший процент окончивших высшие учебные заведения наблюдается у прокуроров — 52,9, в то время как домашнее и низшее образование у этой

категории лиц имелось лишь у 20,1%. Это, по-видимому, связано с возрастом. Чем моложе возраст чиновников, тем больше среди них было людей с высшим и средним образованием. Для чиновников свыше 50—55 лет получение систематического образования было затруднено почти полным отсутствием в России средних и высших учебных заведений в начале века. По возрасту представители губернской администрации были значительно моложе, нежели высшие чины, состоявшие не только в Государственном совете, Комитете министров и Сенате, но и в центральных учреждениях, имея в виду товарищей министров и директоров департаментов. Так, среди последних 24% имели возраст свыше 61 года, а среди старшей группы губернских администраторов — губернаторов — около 9%. Средний возраст руководящих чинов в губернии составлял от 52,5 лет (губернаторы) до 43,4 года (прокуроры).

По национальному составу преобладали русские — 84,5%, остальные были представлены немцами и отчасти поляками.

* * *

Рассматривая деятельность губернской администрации, полностью подтверждается сложившееся представление, что именно в этом звене в наибольшей степени утвердилось система самого безудержного беззакония, казнокрадства, взяточничества, лжи и других пороков чиновного бюрократического аппарата. Интересно отметить, что наибольшие злоупотребления наблюдались в двух ведомствах: Министерстве внутренних дел и Министерстве юстиции. Так, из 2540 чиновников, находившихся в 1853 г. под судом, 1198 принадлежали к первому, а 741 — ко второму⁶⁶. В рассматриваемый период все недостатки системы достигают своего апогея. Сенатор М. И. Жемчужников в письме к своему зятю В. А. Арцимовичу 27 июля 1855 г. писал: «Проживая теперь в провинциях, я столько наслышался о разного рода злоупотреблениях (особенно в Орловской губернии), что готов бы сам вызваться на производство ревизии (в качестве сенатора). Лихоимство развилось до неимоверности, и, вместо того чтобы при настоящем тягостном положении России и при усиленных требованиях правительства оказывать возможное законное снисхождение исполнителям сих требований, власти дерут шкуру с живых людей! Хотя ты и

Володенька * находили, что в Сибирском крае лихоимство превзошло меру терпения, но слышанное мною здесь перещеголяло Сибирь! Одним словом, я готов для блага России добровольно принять на себя ревизию, хотя бы в 10-ти и более губерниях. Из этого ты можешь судить, как должно быть сильно злоупотребление в великороссийских губерниях»⁶⁷.

Надо прибавить, что чинимое бесправие, всеобщий грабёж не находили должного противодействия в верхах. Высшая бюрократия во главе с Николаем I не в состоянии была предпринять какие-либо серьезные меры для пресечения всего этого. В этом, в частности, и сказывалось загнивание всей системы феодализма, в первую очередь его надстройки.

* Сын Жемчужникова, служивший с Арцимовичем в Сибири, являлся чиновником особых поручений при последнем.

Изменение состава высшей бюрократии и губернской администрации к началу XX в.

Поражение в Крымской войне знаменовало крах всей николаевской системы. Даже наиболее преданные Николаю I люди, являвшиеся его трубадурами, каким был, например, М. П. Погодин, начинают понимать необходимость серьезных перемен. «Государь, — писал Погодин, — очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недостижимую, он не имеет средств ничего слышать, никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции, ни протеста, ни контроля». Обращаясь к царю, он восклицает: ««Ложь тлетворную» отгони далече от твоего престола и призови суровую, грубую истину. От «безбожной лести» отврати твое ухо и выслушай горькую правду». И тут же он излагает свою позитивную программу: «Рассей лучами милости и благодати эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся в продолжение стольких лет, через которую и непридворные льстецы не могут к тебе проникнуть. Войди в соприкосновение с народом. Призови на работу все таланты — мало ли их на святой Руси... Освободи от излишних стеснений печать, в которой не позволено употреблять даже выражение «общего блага»... Вели раскрыть настежь ворота во всех университетах, гимназиях и училищах; дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцера и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей... без образования, без покровительства всем наукам нельзя нам иметь и медицины достаточной. Мы отстали во всех познаниях: военные, физические, механические, химические, финансовые, распорядительные меры те ли у нас теперь, что у них?»¹ Погодин предлагает программу действий, среди которой имеет место и отмена крепостного права.

О недостатках существующей системы писал несколько позднее уже Александру II и славянофил К. С. Аксаков. «Правительство не может, — замечал он, — при всей своей неограниченности, добиться правды и честности: без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это и продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж страшны... Все зло происходит главным образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнения, свободы нравственной»².

Севастополь заставил задуматься над судьбами России и некоторых наиболее умных представителей бюрократии. Так, в сентябре 1855 г. 40-летний курляндский губернатор П. А. Валуев пишет записку «Дума русского во второй половине 1855 года», в которой подвергает критике существующий порядок государственного управления России. «Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил нынешнее устройство разных отраслей нашего государственного управления?» — задает вопрос Валуев. «Отличительная черта его, — отвечает он, — заключается в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям и пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм составляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты: везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется — если не вдруг, то по крайней мере постепенно — должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, и — редко где окажется прочная плодотворная почва. Сверху блеск, а внизу — гниль»³.

Автор критикует систему государственного управления, доведенную «по каждой части до высшей степени централизации». Он указывает и на другие недостатки, в частности на отношение правительства к раскольникам и лицам неправославного христианского вероисповедания, подвергавшимся гонениям. Далее в записке говорилось об «опеке над мыслью», установленной существующим порядком, приводящим к пренебрежению и унижению человеческой личности. «Везде пренебрежение и

нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания». Говоря о штампе и рутине, определявших деятельность всех ведомств, Валуев по известным причинам выделяет лишь Морское министерство *, которое «не обнаруживает, подобно другим ведомствам, беспредельного равнодушия ко всему, что чувствует или знает Россия»⁴.

Несовершенство системы, по-видимому, не было «секретом» и для царя. В предсмертном обращении к сыну он сказал: «Сдаю тебе свою команду не в порядке». Как отмечает в своих воспоминаниях А. Ф. Тютчева, он тяжело переживал неудачи в Крыму. «В короткий срок полутора лет... — пишет она, — император увидел, как под ним рушились подмостки того иллюзорного величия, на которое он воображал, что поднял Россию»⁵. До этого события правительству сопутствовал ряд военных и дипломатических удач. По словам А. С. Меншикова, «с Венгерской кампании покойный государь был пьян (точнее, опьянен. — *Авт.*), никаких резонов не принимал, был убежден в своем всемогуществе»⁶. Но события в Севастополе отрезвили его. Однако слухи о самоубийстве царя лишены всяких оснований. В дневнике наследника престола, будущего царя Александра II содержатся подробные записи о болезни и смерти отца. Эти данные извлечены из фонда Александра II С. В. Мироненко. Николай I заболел 27 января, по-видимому заразившись гриппом, так как в записях вел. кн. Александра Николаевича говорится о болезни других членов семьи и близких. В середине февраля императору сделалось хуже, а 17 февраля произошел, по-видимому, отек легких, Николай I начал задыхаться и вскоре умер⁷.

Смерть Николая I вызвала удовлетворение у всех мыслящих людей. К. Д. Кавелин, профессор Петербургского университета, писал 4 марта 1855 г. в Москву Т. Н. Грановскому: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезавший лицо у мысли, погубивший тысячи характеров и умов... Это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры окошел... Если б настоящее не было бы так страшно и пасмурно, будущее так таинственно, загадочно,

* Во главе Морского министерства стоял сын Николая I Константин.

можно было бы с ума сойти от радости и опьянеть от счастья». Е. М. Феоктистов по поводу этого письма писал: «Это был вопль восторга, непримиримого озлобления против человека, воплощавшего собой самый грубый деспотизм. Письмо переходило из рук в руки и в каждом из читавших его вызывало полное сочувствие»⁸.

Вступивший на престол старший сын Николая I Александр был личностью весьма заурядной. Даже такой восторженный апологет императорской фамилии, каким была фрейлина А. Ф. Тютчева, отмечая, что у него было «доброе, горячее и человеколюбивое сердце», писала: «...он обладал умом, который страдал недостатком широты и кругозора, и Александр к тому же был мало просвещен». По мнению Тютчевой, Александр II «не был способен охватить ценность и важность последовательно проведенных им реформ». То же говорит в своем дневнике П. А. Валуев: «Государь не имел и, впрочем, не мог иметь отчетливого понятия о том, что называлось «реформами» его времени»⁹. По словам П. А. Шувалова, вел. кн. Елена Павловна как-то в конце 50-х годов прямо сказала А. П. Бобринскому, что «Александр Николаевич человек очень ограниченного ума». Лейб-медик императора С. П. Боткин также разделял это мнение. «Боткин очень умный человек, — пишет в дневнике А. А. Половцов, — и рассказывает характерные подробности о посредственности Александра II»¹⁰. Неприязнь Александра II к одаренным людям подчеркивали многие современники: «Когда император разговаривает с умным человеком, — отмечает поэт Ф. И. Тютчев, — у него вид ревматика, стоящего на сквозном ветру». «Не одаренный от природы ни сильным умом, ни крепкой волей, не получив даже воспитания, способного дать ему руководящие нити среди тех шатких условий, в которые он был поставлен, — писал Б. Н. Чичерин, — он призван был исполнить одну из труднейших задач, какие могут представиться самодержавному правителю»¹¹.

Консервативность воззрений находила отчетливое выражение в позиции по крестьянскому вопросу в начале 50-х годов. В области внешней политики он придерживался прогерманской ориентации, совершенно не сообразуясь с национальными интересами России. Благоговея перед своим дядюшкой — прусским королем, а позднее германским императором Вильгельмом I, он всячески содействовал образованию единой милитаристской Гер-

мании. В 1869 г. в столетний юбилей учреждения ордена Георгия Победоносца Вильгельму была пожалована эта высшая военная награда — орден Георгия I степени (в 1812 г. орденом был награжден только М. И. Кутузов). А в период франко-прусской войны георгиевские кресты щедро раздавались германским офицерам, а знаки орден — солдатам, как будто они сражались за интересы России.

Александр II был человеком слабовольным, но вместе с тем и упрямым: в период отмены крепостного права он действовал вопреки большинству его приближенных. Нередко по одному и тому же вопросу и в течение одного дня он принимал диаметрально противоположные решения. «Главный его недостаток, — писал Б. Н. Чичерин, — состоял в плохом знании людей и в неумении ими пользоваться. Добрый по природе, он был мягок в личных отношениях; он, не доверяя себе, не доверял и другим; он скрытничал, лукавил, старался уравнивать различные направления, держа между ними весы, но делал это так, что каждое парализовалось в своих действиях и не чувствовало под собою твердой почвы. Самодержавие приучило его смотреть на людей, как на простые орудия, призванные исполнять данные им приказания»¹².

Говоря о характере Александра II, надо отметить еще одну его особенность — весьма своеобразное понятие о честности. На этот счет имеются многочисленные и весьма авторитетные свидетельства современников. Д. А. Милютин в своем дневнике за 1874 г., рассказывая о злоупотреблениях с выдачей концессий на строительство железных дорог, с горечью пишет: «Остается только удивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым самым элементарным началам честности и бескорыстия. В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копейкой, когда с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казенных или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям». И далее сообщается о

«высочайшем» распоряжении министру путей сообщения сделать крупный заказ на подвижной состав заводам Мальцева, «с тем чтобы последний обязывался подпиской выдавать ежегодно по столько-то тысяч р[ублей] своей жене, приятельнице императрицы, неразлучной с нею и не живущей с мужем»¹³.

Об этом же говорится в воспоминаниях хорошо осведомленного А. И. Дельвига, служившего в Министерстве путей сообщения и одно время даже возглавлявшего его. Рассказывая о всякого рода злоупотреблениях при получении концессий, он писал: «До настоящего года (1871 г. — Авт.) я полагал, что в России есть по крайней мере одна личность, которая по своему положению не может быть взяточником, и грустно разочаровался»¹⁴.

Это, естественно, оказывало разлагающее влияние и на других членов императорской фамилии, а также на ближайшее окружение. Так, брат Александра II вел. кн. Николай Николаевич также не брезговал взятками. Как рассказывает государственный контролер Т. И. Филиппов со слов шефа жандармов гр. П. А. Шувалова, приезжает однажды к нему великий князь и говорит: «На днях, любезнейший, будет слушаться в Комитете министров дело о концессии на... железную дорогу; нельзя ли направить его так, чтобы концессия досталась такому-то». — «В железнодорожные концессии я не вмешиваюсь, — ответил Шувалов, — да и что за охота Вашему высочеству касаться подобных дел?» — «До сих пор я никогда не занимался ими, но видишь ли, если Комитет выскажется в пользу моих protégé, то я получу 200 000 р.; можно ли пренебрегать такой суммой, когда мне хоть в петлю лезть от долгов». Этот эпизод, как утверждает Феокистов, был рассказан ему Филипповым. «Операция» была завершена удачно, деньги Николай Николаевич получил, о чем сообщил Шувалову. «Конечно, — замечает Феокистов, — Николай Николаевич Старший непроходимо глуп... По глупости он только говорил откровенно о том, что тысячи других делают втихомолку»¹⁵.

Несмотря на свою ограниченность, Александр II в силу сложившейся обстановки вынужден был пойти на ряд крупнейших реформ, и в первую очередь отмену крепостного права.

Поражение в Крымской войне воочию убедило все общественные слои в необходимости немедленной отмены крепостного права. Обстановка, сложившаяся в сере-

дине 50-х годов, характеризовалась огромным общественным подъемом, переросшим в конце десятилетия, по определению В. И. Ленина, в революционную ситуацию. Правительство ожидало потрясений. В фонде А. А. Суворова — петербургского генерал-губернатора — сохранились заготовленные и положенные заранее в конверт приказанья начальствующим лицам в столице (министру внутренних дел, шефу жандармов, командиру Отдельного гвардейского корпуса — всего 16 лицам), которые имели стереотипное начало: «По случаю происшедшего в столице беспорядка, к прекращению коего принять должно меры, государь император высочайше повелеть соизволил...» Распоряжения не имеют подписи и даты.

В предписании командиру Отдельного гвардейского корпуса подробно излагалась дислокация войск, которые должны были быть расположены в разных местах Петербурга, а главным образом вокруг и внутри Зимнего дворца. На площади Зимнего дворца должны были быть сосредоточены 4 батальона пехоты, 24 орудия и 6 с половиной эскадронов кавалерии. «Батальон л.-гв. Преображенского полка, — указывалось в предписании с.-петербургскому коменданту, — строится в колонну на Главном большом дворе. Одна рота сего батальона располагается в главных воротах, против монументов. В воротах ставятся два первых прибывших орудия гвардейской пешей артиллерии»¹⁶. В распоряжении на имя дежурного офицера по Главной придворной конюшне предлагалось направить к Салтыковскому подъезду Зимнего дворца двух оседланных лошадей. (Салтыковский подъезд выходил в сторону Адмиралтейства. Это была та часть дворца, которую занимала императорская фамилия.)

Подобный же план был разработан и для Москвы. Так, в секретной инструкции о порядке сбора войск, составленной еще в 1858 г. и несколько измененной в 1861 г., указывалось, что основная часть войск должна быть сосредоточена в Кремле и на Театральной площади, а также в районе бульваров и Садового кольца.

Особый страх испытывало правительство в день подписания манифеста об отмене крепостного права, хотя этот факт был известен очень узкому кругу лиц. О панике, охватившей императорскую фамилию, и в первую очередь самого Александра II, в день подписания манифеста, рассказывает в своем дневнике П. А. Валуев:

«...здесь приняты были вчера странные меры. Не только комплектовались войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но раздали боевые патроны и держали наготове артиллерию, кроме того, оба Адлерберга (министр императорского двора и его сын. — Авт.) и кн. Долгоруков будто бы ночевали во дворце и... имели готовых лошадей для государя!» Об этом дне имеется запись в памятной книжке и самого Александра II: «День совер[шенно] спок[ойный], несмотря на все опасен[ия]. Особ[ые] меры предосторож[ности] по войск[ам] и полиц[ии]»¹⁷.

Более того, ожидание восстания в день 19 февраля имело место среди самых различных слоев населения. Как рассказывал автору этих строк покойный профессор-историк Б. П. Козьмин, участник Парижской коммуны народник Сажин (Арман Росс) в свою очередь говорил ему, что 19 февраля 1861 г. он, ученик Политехнического института, провел вместе со своими товарищами весь день на улицах, чтобы присоединиться к восстанию. Однако никаких реальных сил, способных выступить против правительства, ни в Петербурге, ни в Москве, ни где-либо в России не было. «В России, — писал В. И. Ленин, — в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»¹⁸.

Национальный подъем, начавшийся после Крымской войны, выдвинул на арену общественной жизни целую плеяду даровитых, талантливых людей различных политических направлений и интересов. Именно в этот период происходит размежевание внутри старого западничества, возникает революционно-демократическое направление во главе с Н. Г. Чернышевским. Вместе с тем начинают развиваться демократические силы общества, направляющие свою деятельность на помощь народу, его просвещение. В дальнейшем это получило свое развитие в деятельности народных учителей, фельдшеров, врачей, «третьего элемента» в земстве.

Активизируется деятельность и либеральной общественности. Появляются новые газеты и журналы. Ставятся вопросы о необходимости преобразований во всех областях жизни, и в первую очередь об отмене крепостного права. Наконец, в связи с подготовкой как крестьянской, так и других реформ выдвигаются такие талантливые представители либеральной бюрократии, как братья

Н. А. и Д. А. Милютины, А. В. Головнин, С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, В. А. Татаринов и др.

Первым среди них надо назвать Николая Алексеевича Милютина, брата реформатора русской армии Дмитрия Алексеевича¹⁹, племянника гр. П. Д. Киселева. Н. А. Милютин выдвинулся как талантливый и выдающийся чиновник. Еще в середине 40-х годов он разработал Городовое положение для Петербурга, когда ему еще не исполнилось 30 лет. Вскоре он становится вице-директором, а затем директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. В конце 50-х годов он назначается «временно исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел». Занимая этот пост в течение двух лет, Милютин в этот период активно участвовал в подготовке отмены крепостного права, в разработке земской и административно-полицейской реформы. В крестьянском вопросе Милютин являлся сторонником освобождения крестьян со всей землей, которой они фактически владели, чем вызвал лютую ненависть крепостников, называвших его «красным» и даже «Маратом»²⁰. В действительности же политические взгляды Милютина были довольно умеренны. Будучи сторонником реформ, объективно носивших буржуазный характер, Милютин вместе с тем являлся непреклонным защитником самодержавия²¹. Милютин являлся противником «крайних мер». Как утверждает его биограф Леруа-Болье, «в принципе [он] был сторонником конституции», но считал введение ее в России преждевременным. Активная государственная деятельность Милютина была непродолжительной. Александр II в угоду дворянству в апреле 1861 г. уволил его с поста временно исполняемой должности товарища министра. В 1863 г. в связи с восстанием в Царстве Польском он был снова привлечен к государственной деятельности, подготовил и частично осуществил ряд реформ. Без преувеличения можно сказать, что Н. А. Милютин был одним из выдающихся государственных деятелей середины века.

Д. А. Милютин также был замечательной личностью. Находясь в течение 20 лет (1862—1881 гг.) на посту военного министра, он реорганизовал русскую армию, превратив ее из феодально-крепостнической в современную армию буржуазного типа. Наиболее крупным из его начинаний было введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности. Как и брат, Д. А. Милютин придерживался

умеренных взглядов, стоя на позициях сохранения самодержавия. Вместе с тем он являлся решительным противником сословных дворянских преимуществ, горячим поборником широкого распространения просвещения. В первые месяцы царствования Александра III он вместе с М. Т. Лорис-Меликовым ратовал за либеральный правительственный курс. В 40-х и начале 50-х годов взгляды Д. А. Милютина отличались радикализмом. Его товарищ по Военной академии генерал А. Э. Циммерман в 1848 г. часто встречался с Милютиным, «просиживал у него целые вечера. Речь шла, разумеется, о политике... Как казалось, что наступает эпоха обновления человечества и что в этот раз революция уже не будет побеждена. Милютин сочувствовал в особенности экономической стороне движения, верил в возможность организации труда и устройство правильных отношений между собственниками и работниками, так, чтобы обе стороны были совершенно довольны; он полагал, что со временем и самый принцип собственности, как уже отживший свой век, будет уничтожен и осуществляться теории коммунизма и что всего удобнее наградить человечество этими благодеяниями посредством настойчивых бюрократических мер, действуя комитетами, редакционными комиссиями и пр.». Милютин неодобрительно отнесся к действиям русских войск в Венгрии в 1849 г. и очень холодно встретил автора воспоминаний после его возвращения из венгерского похода: «По возвращении моем из венгерской кампании я очень редко бывал у Милютина, заметив в нем холодность; ему не нравилось, что я участвовал в военных действиях против мятежников, его политические мнения в то время были еще очень крайние»²². В 50-х годах Милютин, судя по воспоминаниям А. Я. Панаевой, часто бывал у Н. Г. Чернышевского и вел с ним беседы о предстоящих реформах²³.

А. В. Головнин, сын знаменитого морского исследователя адмирала В. М. Головнина, являлся одним из крупных государственных деятелей того времени. Широко образованный человек, он с начала 50-х годов был секретарем вел. кн. Константина Николаевича и одновременно фактическим редактором «Морского сборника», одного из передовых журналов того времени. С 1861 по 1866 г. Головнин занимал пост министра народного просвещения. С его именем связаны и разработка университетского устава 1863 г., восстановившего университет-

скую автономию, и устава гимназий, утвердившего принципы всесословной средней школы. Наконец, в этот же период было разработано Положение о начальной школе.

Таким же выдающимся государственным деятелем был В. А. Татаринов — специалист в области государственных финансов. Он стал инициатором введения принципа единства кассы, имевшего огромное значение для упорядочения государственного бюджета. По его проекту создается независимая ревизионная инстанция — Государственный контроль, сыгравший большую роль в ограничении возможности массового казнокрадства и всякого рода злоупотреблений.

В заключение характеристики государственных деятелей 50—60-х годов остановимся на П. А. Валуеве, сменившем на посту министра внутренних дел в 1861 г. С. С. Ланского. Именно Валуев, креатура дворянства, явился проводником в жизнь двух важнейших реформ: крестьянской и земской. Валуев бесспорно принадлежал к числу наиболее образованных государственных деятелей. Непреклонный сторонник дворянских привилегий, он вместе с тем понимал задачи экономического развития России. Д. А. Милютин называл его «просвещенным консерватором»²⁴.

Наиболее последовательной из реформ 60-х годов была судебная. Главными деятелями судебной реформы, разрабатывавшими ее принципы и основные положения, были выдающиеся юристы: Д. Н. Замятнин, Н. И. Стояновский, С. И. Зарудный и Д. А. Ровинский²⁵. Именно они разработали судебные уставы 1864 г. с их принципами гласности и несменяемости судей и судом присяжных, этим «судом улицы», как презрительно его именовали реакционеры. Новый суд находился в явном противоречии со всей государственной системой самодержавия и поэтому подвергался непрерывным нападкам.

Активная деятельность этой плеяды либеральной бюрократии была кратковременна, ограничившись в основном первой половиной 60-х годов. Лидером этой либеральной бюрократии являлся брат Александра II вел. кн. Константин Николаевич, в отличие от своих братьев человек большого ума, хотя и несколько сумасбродный, явный сторонник буржуазных преобразований*.

* С 1865 по 1881 г. вел. кн. Константин Николаевич был председателем Государственного совета и Главного комитета об устройстве

Среди губернской администрации появляются такие честные, образованные и либерального образа мыслей губернаторы, как В. А. Арцимович, К. К. Грот, А. Н. Муравьев, В. И. Ден*. Однако их число было невелико.

Реформы, объективно носившие буржуазный характер, происшедшие в обстановке общественного возбуждения и массовых выступлений, были вынужденной уступкой царизма, они должны были сохранить главное — неизблемость самодержавия. Так, земская реформа воспринималась как способ избежать принятия конституции. Министр внутренних дел П. А. Валуев, занося в свой дневник разговор с императрицей Марией Александровной, пишет: «Из того, что она сказала мне о земских учреждениях, видно, что она, как и многие, преимущественно видит в них средство откупиться от «конституции»»²⁶. Жизненной необходимости этих реформ для дальнейшего развития России Александр II не понимал. Именно в силу этого, как только позволила обстановка, самодержавие переходит к курсу, который определялся усилением охранительных начал, что характеризовалось в первую очередь стремлением сузить, обкарнать, елико возможно, принятые реформы. В отдельные периоды истории бывают моменты, когда во главе событий оказываются ничтожные люди, не сознающие значение происходящего. Таковым и был Александр II.

Выстрел Каракозова стал предлогом для серьезных изменений в составе правительства. На смену либерально настроенному А. В. Головнину приходит реакционер и мракобес гр. Д. А. Толстой²⁷. Вместо просвещенного министра юстиции Д. Н. Замятина назначается псковский губернатор, тупой и ограниченный К. И. Пален. Даже консервативно настроенный, но достаточно образованный и умный министр внутренних дел П. А. Валуев увольняется в отставку, и на его место назначается в 1868 г. ограниченный жандармский генерал А. И. Тимашев. Как писал в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц, благожелательно относящийся

сельского состояния. Комитет наблюдал за ходом реализации крестьянской реформы и являлся верховным арбитром во всех спорных делах, возникавших между крестьянами и помещиками.

* К ним надо отнести и деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина, когда он в конце 50-х — начале 60-х годов был вице-губернатором в Рязанской и Тверской губерниях (С. Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., 1972).

к А. И. Тимашеву, делами министерства он «занимался немного, предоставлял почти все директорам департаментов; сам же он выезжал в свет, гулял по Большой Морской и лепил прелестные статуэтки»²⁸. Ту же характеристику дает ему и Д. А. Милютин.

Собственно, в составе правительства остались два либерально настроенных лица: военный министр Д. А. Милютин и председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич. Это были люди, которых без преувеличения можно назвать государственными деятелями. Что касается остальных министров (за исключением Валуева, который на протяжении 70-х годов возглавлял Министерство государственных имуществ), то их компетенция соответствовала уровню обер-полицейстера.

Особое место занимал св. кн. А. М. Горчаков, не вмешивавшийся в вопросы внутренней политики. Его роль в исторической литературе, на наш взгляд, часто переоценивается. Хотел ли он или нет, но в ряде случаев проводил в жизнь германофильскую политику, противоречащую интересам России. У него не хватило мужества уйти со своего поста, когда его собственные воззрения оказались противоположными политическим устремлениям Александра II. А. А. Половцов писал: «В 1870 году император Александр II стал на сторону немцев против французов, наперекор убеждениям Горчакова, которому необходимо было оставить пост министра иностранных дел, но выгоды и привлекательность министерского положения были слишком сильны. Горчаков остался, и с этого времени деятельность его представляет лишь необъятное поприще наглого самохвальства, покровительства ничтожным льстецам, преимущественно из своих родственников, и, наконец, жадное накопление денег». Как утверждает Половцов, Горчаков оставил огромное состояние в 8 млн. рублей. «Я не знаю, — пишет он, — другого примера русского чиновника, составившего подобное состояние без малейшего обвинения во взяточничестве»²⁹. В оценке политической деятельности Горчакова Половцов не совсем прав. Нельзя забывать, что в 1875 г. ему принадлежит в значительной степени заслуга в том, что Германия не напала вторично на Францию. Личность Горчакова была овеяна славой А. С. Пушкина, но Горчаков первых десятилетий века был совсем иным, чем в 60—70-х годах.

Период с 1866 по 1874 г. характеризуется диктатурой шефа жандармов П. А. Шувалова — человека властолюбивого, приобретшего огромное влияние на слабовольного Александра II. Интересно отметить, что будущий царь Александр III, говоря в своем дневнике о Шувалове, называет его «Петром четвертым».

Над Россией распростертой
Встал внезапную грозой
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй ³⁰,—

писал о нем Ф. И. Тютчев.

Обстановку этого периода Милютин в своем дневнике описывал следующим образом: «Все делается под исключительным влиянием гр. Шувалова, который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергается и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности государя и монархии гр. Шувалов вмешивается во все дела, и по его наущничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям» ³¹. Однако бесцеремонная опека и даже вмешательство П. А. Шувалова в личные дела вывели из терпения императора, и Шувалов в 1874 г. неожиданно назначается послом в Лондон. Шувалов позволял себе неодобрительно отзываться об Александре II. Милютин в своем дневнике пишет: «Сегодня Трепов даже рассказывал мне, будто ему положительно известно, что Шувалова свергнула клевета, возведенная на него некоторыми дамами, которые уговорились с разных сторон уверить государя, что гр. Шувалов открыто говорит о нем как об идиоте, сделавшемся совершенно неспособным к делам государственным». При редактировании Милютиным этот текст переделан и выглядит следующим образом: «Некоторые же приписывают удаление гр. Шувалова тому, что он открыто отзывался о государе крайне непочтительно и неприлично, о чем дошло до сведения его величества через дам» ³².

Во второй половине 60-х и 70-х годов административная власть усиливается, а следовательно, и растет ее произвол. Осуществляются некоторые меры, направленные на ограничение деятельности земских учреждений, а также судебных уставов, проводятся реакционные законы в

области просвещения (новый гимназический устав 1872 г., известное подчинение начальной школы поместному дворянству). Наконец правительство предпринимает ряд жестоких шагов, вызвавших протесты передовой молодежи, например организацию процесса «193-х», казнь Ковальского и других народников³³. Все это оказывало воздействие на общественные круги, особенно учащуюся молодежь, усиливая ее недовольство существующим порядком вещей.

За исключением одного года — с февраля 1880 по апрель 1881 г., когда под влиянием сложившихся обстоятельств, венцом которых явился взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., самодержавие вынуждено было лавировать и дать некоторые уступки, весь остальной период характеризовался усилением охранительных начал.

Убийство Александра II в условиях отсутствия массового движения и либеральной оппозиции не могло не привести к усилению реакции.

Вступивший на престол после убийства отца Александр III был человеком необразованным, грубым и примитивным, однако в отдельных вопросах он не лишен был здравого смысла. Примитивизм ума императора определил, естественно, и примитивизм его политических взглядов. Они не выходили за пределы триединой уваровской формулы «православия, самодержавия и народности». Оправившись от испуга, связанного с 1 марта, он спустя два месяца издает написанный К. П. Победоносцевым «Манифест об укреплении самодержавия». «Посреди великой скорби нашей, — говорилось в манифесте, — глас божий повелевает нам стоять бодро на деле правленья в уповании на божественный промысел с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от великих на нее поползновений»³⁴. Этим и определялся на протяжении всего царствования Александра III внутриполитический курс самодержавия. Практически он означал консервацию феодально-крепостнических пережитков, усиление роли и значения дворянства³⁵. Однако правительство Александра III в области промышленности вынуждено было проводить меры, способствовавшие ее развитию.

Ближайшими советниками царя стали К. П. Победоносцев и М. Н. Катков, направлявшие или, точнее, определявшие повседневную политику царя. Тотчас же после

опубликования манифеста 29 апреля 1881 г. уходят в отставку либерально настроенные министры М. Т. Лорис-Меликов, А. А. Абаза, Д. А. Милютин. На смену им приходят реакционеры типа гр. Д. А. Толстого либо просто бесцветные личности, такие, как П. С. Ванновский и М. Н. Островский.

Наряду с сохранением и даже усилением феодально-крепостнических пережитков, находивших свое выражение в аграрном законодательстве, контрреформах конца 80-х и начала 90-х годов и других мерах, в стране значительно усиливается административно-полицейский произвол. В этом отношении наиболее характерно издание «Положения об усиленной и чрезвычайной охране» 14 августа 1881 г.

Важно отметить, что не все мероприятия правительства достигали положительных результатов. Те законы, которые в той или иной степени были связаны с процессом социально-экономического развития, как, например, аграрное законодательство, как правило, не достигали своей цели. Остановить социально-политическое развитие страны правительство было не в силах. По тем же причинам не дали значительного эффекта земская и городская контрреформы: наибольших результатов самодержавие добилось в административно-полицейской сфере деятельности.

Основной фигурой, определявшей политический курс Александра III, как уже говорилось выше, был обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев.

В те годы, дальные, глухие,
В сердцах царили сон и мгла.
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла ³⁶,—

писал А. Блок.

Следует назвать еще одного государственного деятеля конца XIX—начала XX в., представителя новой буржуазной тенденции в государственном аппарате, министра финансов С. Ю. Витте — человека блестящих способностей, ума и кипучей энергии, резко отличавшегося от сонма посредственности, каковыми являлись министры Николая II. Витте начал свою государственную службу с поста директора департамента Министерства финансов. С его именем связаны финансовая реформа 1897 г. — введение золотого обращения — и мероприятия по раз-

витию отечественной промышленности, освоению Дальнего Востока и ряд других мер.

Вступивший на престол после смерти Александра III его сын, Николай II, был человеком весьма ограниченным. К. П. Победоносцев рассказывал А. А. Половцову, что царь «схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других факторов, событий, течений, явлений. На этом мелком, одиночном факте или взгляде он и останавливается... Широкого, общего, выработанного обменом мысли, спором, прениями мнения для него не существует»³⁷. Образован Николай II был значительно лучше своего отца, но его образование, хотя и относительно широкое, было весьма поверхностным.

Молодой император слыл человеком безвольным и упрямым. В этом отношении он напоминал своего деда Александра II. Вместе с тем он был равнодушным к людям, их судьбам. Характеризуя императора с этой стороны, А. Ф. Кони писал: «Достаточно погромов при Плеве или жестокое отношение к ссылаемым в Сибирь духоборам... Нельзя не вспомнить одобрения им гнусных зверств мерзавца харьковского губернатора И. М. Оболенского при «усмирении аграрных беспорядков»»³⁸.

Политический курс молодого царя не отличался от отцовского. Он также ставил своей основной задачей сохранение незыблемости самодержавия, самым решительным образом выступая против любых реформ.

Однако обстановка, сложившаяся во второй половине 90-х годов, создание социал-демократических организаций, развитие стачечной борьбы рабочих и студенческого движения заставили правительство провести некоторые реформы.

* * *

Государственный совет во второй половине XIX в. состоял из трех департаментов — законов, гражданских и духовных дел и государственной экономии. Департамент военных дел был упразднен в 1857 г., его функции были переданы Военному совету Военного министерства. Только в 1901 г. был образован четвертый департамент — промышленности, науки и торговли. Пятый департамент по делам Царства Польского был упразднен в 1862 г. Функции Государственного совета оставались прежними.

ми — он являлся высшим законосовещательным органом, решения которого император не был обязан выполнять. Весьма часто царь утверждал мнение не большинства, а меньшинства, как, например, законопроект об университетском уставе 1884 г., о земских начальниках и др.

Численный состав Совета на протяжении второй половины века значительно расширился — от 48 членов в 1853 г. до 86 в 1903 г., т. е. почти вдвое. Как и ранее, члены Государственного совета назначались императором. Определение в Совет рассматривалось в качестве своеобразной синекуры. Обычно увольняемые в отставку министры оставались в составе членов Совета, нередко в Совет назначались уходящие в отставку генерал-губернаторы. За исключением министров и главноуправляющих, состоявших членами Совета по должности, все остальные назначались пожизненно. Вследствие этого члены Совета могли вести себя довольно независимо: нередко представлявшиеся в Совет законопроекты при голосовании не получали большинства. Поэтому ряд наиболее реакционных законопроектов, особенно в 80-е годы («Временные правила о евреях», «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», «Временные правила о печати»), передавались на обсуждение в Комитет министров. Существовали и другие обходные пути для утверждения законов — это «высочайшие» повеления (резолуции) на представляемых министрами докладах. В самодержавном государстве всякое приказание царя независимо от формы являлось законом. Бывали случаи, когда «повеления» касались не узковедомственных дел, а важных общегосударственных вопросов. Так, в 1880 г. таким путем по докладу министра финансов был отменен соляной налог.

Государственный секретарь Е. А. Перетц в своем дневнике в связи с появлением статьи в журнале «Revue des deux Mondes» (автором ее был историк-публицист Леруа-Болье. — *Авт.*) по поводу Государственного совета писал: «Государственный совет очень часто представляет весьма серьезные возражения против вносимых министрами проектов, делая в них существенные изменения, а иногда отвергая их... борьба с министрами для Государственного совета чрезвычайно трудна и поэтому приходится иногда соглашаться и с такими их представлениями, которые лучше бы не утверждать... Между тем мини-

стры видят его величество большей частью еженедельно с глазу на глаз, а при докладах своих имеют возможность склонять государя в пользу своего мнения, представляя дело не всегда в истинном свете. Члены же Государственного совета видят государя только в торжественных собраниях, на которых разговоров о делах не бывает»³⁹.

С 1865 г. назначается отдельный председатель Государственного совета. С этого времени и до конца рассматриваемого периода их было всего двое: великие князья Константин и Михаил Николаевичи. Первый, о котором уже шла речь, находясь на этом посту до 1881 г., занимался всерьез делами Совета, хотя своей сумасбродностью и вносил в заседания много суеты. Второй, являвшийся председателем Совета четверть века, с 1881 г., был человеком на редкость ограниченным. Как выражался начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, это был «замечательно глупый председатель Государственного совета»⁴⁰. По словам того же Феоктистова, императрица Франции Евгения (жена Наполеона III) после беседы с вел. кн. Михаилом Николаевичем в его бытность наместником Кавказа заметила: «Но это же не человек, это лошадь». В своем дневнике Половцов писал об одном из заседаний Государственного совета: «Зала представляла с некоторым оттенком оживления обычную свою картину. Председатель с величайшим вниманием слушал все, что говорилось, но не ставя вопросов, не резюмируя прений, не руководя прениями, представляя им полную возможность расплываться и запутываться, а не уяснять дело»⁴¹.

Во второй половине века, точнее, в 60—70-х годах и начале 80-х активность членов Совета возросла по сравнению с периодом 40-х—начала 50-х годов. Это обуславливалось тем обстоятельством, что в 60-е годы состав Совета пополнился рядом крупных деятелей, людей широко образованных (А. В. Головнин, К. К. Грот, Д. Н. Замятин, Н. И. Стояновский). Кроме того, отдельные министры (Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев, Д. М. Сольский) в отличие от своих коллег, интересуясь вопросами, далекими от их ведомственных сфер, также вносили оживление в деятельность Совета. Статистами Совета являлись его члены — великие князья. Они никогда не принимали участия в прениях. «Вел[икие] князья безмолвствуют и только подают голос за большинст-

во»⁴², — отмечает в своем дневнике А. А. Половцов. Правда, все это не имело практического значения, так как решение вопроса зависело от воли императора.

Характеризуя заседания по обсуждению росписи доходов и расходов, Д. А. Милютин пишет: «Ежегодно в этих заседаниях разыгрывается пародия на парламентские прения о бюджете. Каждый раз приходится выслушивать длинный монолог А. В. Головнина, как, кажется, единственного члена Совета, имеющего довольно досуга и терпения, чтобы перечитывать и изучать сопровождающие сметы громадные кипы печатных объяснительных записок. Для соблюдения приличия некоторые из задержанных министров отвечают несколькими словами, в полном сознании бесплодности разыгрываемой комедии и после нескольких часов сидения подносится на подпись членов готовый уже журнал Совета»⁴³.

Начиная с 80-х годов в Государственный совет стали назначаться лица таких служебных категорий, которые ранее не входили в его состав. Так, в 1883 г. в Государственный совет вводится московский губернский предводитель дворянства гр. А. В. Бобринский и уездный предводитель дворянства Полтавской губернии Г. П. Галаган. В 1886 г. назначается членом совета Министерства народного просвещения профессор И. А. Вышнеградский (впоследствии министр финансов). Наконец, в начале 90-х годов членами Государственного совета становятся два губернатора — А. А. Татищев (незадолго до назначения в Государственный совет он, как бы в насмешку над понятием «законность», был назначен сенатором) и черниговский А. К. Анастасьев. Деятельность этих губернаторов знаменовалась полнейшим произволом и беззаконием, чинимыми ими в управляемых губерниях. Массовые незаконные порки крестьян получили в их практике широкое применение. Недаром мракобес В. П. Мещерский считал их идеальными представителями самодержавной административной власти. «Я видел двух губернаторов практических. Это Татищев пензенский и Анастасьев черниговский, — писал он в конфиденциальном дневнике, который вел для поучения Александра III. — Оба как будто сговорились говорить одно и то же: ничего народ не боится, кроме розог: где секут, там есть порядок, там пьянства гораздо меньше, там сын отца боится, там больше благосостояния»⁴⁴.

За рассматриваемый период количество дел, обсуж-

давшихся в Государственном совете, значительно возросло, особенно по Департаментам духовных и гражданских дел, а также государственной экономии. Так, в 1853 г. по Департаменту законов было рассмотрено 97 дел, по Департаменту гражданских и духовных дел — 73, по Департаменту государственной экономии — 232 дела⁴⁵. В 1899 г. (за более поздние годы опись не издавна) по Департаменту законов количество рассмотренных дел составило 177, по Департаменту гражданских и духовных дел — 309, по Департаменту государственной экономии — 514 дел⁴⁶.

Как уже отмечалось выше, число членов Совета в 1903 г., без великих князей, составляло 86 человек⁴⁷. Сохранился 81 формулярный список. По двум членам Совета данные взяты из других источников. Таким образом, анализируются сведения о 83 лицах, или 96,7% членов Совета. Из них по чинам действительных тайных советников было 41 человек, тайных советников — 14, генералов (полных) — 29, генерал-лейтенантов — 2. Следовательно, около 40% Совета составляли военные. Военные, как правило, были неподготовленными людьми для занятий в Государственном совете. В большинстве своем они являлись командирами корпусов. Знакомя нового председателя Государственного совета с делами, Е. А. Перетц заносит свой разговор с ним в дневник: «К крайнему сожалению, часто сажают в Государственный совет старых генералов, почти ничего не понимающих в законодательных вопросах. Еще недавно назначены Гильденштубе и князь Меликов; но ни тот ни другой самостоятельного мнения не имеют»⁴⁸. Тут же Перетц упомянул с случае, когда в 1876 г. увольнялся шеф жандармов А. Л. Потапов, то «по установленному порядку» Александр II решил его назначить в Государственный совет, несмотря на его умственную неполноценность. Только благодаря решительному протесту председателя это назначение не было произведено. Из указанных лиц придворные звания имел 21 человек (14 генерал-адъютантов, первых чинов двора — 1, вторых — 6 человек).

По сословной принадлежности почти все являлись дворянами, только двое принадлежали к другим сословиям (один из обер-офицерских детей, второй — из почетных граждан). Из числа дворян титулованных было 17 человек: 5 князей, 9 графов, 3 барона.

По возрасту:

46—50	лет	2	71—75	лет	12
51—55	»	8	76—80	»	12
56—60	»	11	81—85	»	1
61—65	»	17	86—90	»	2
66—70	»	18			

По вероисповеданию: 79 человек относились к православным, 2 — к католикам, 2 — к лютеранам.

По образованию члены совета в 1903 г. значительно отличались от своих предшественников 1853 г. Так, высшее образование имели 59 человек (71%), среднее — 22 и домашнее — 2. Из числа лиц, имевших высшее образование, минимум 30 человек получили специальное юридическое. Училище правоведения окончили 14 человек, Александровский лицей — 7 и университет — 23. 9 членов Совета окончили юридический факультет университета.

Имеются данные об имущественном положении 81 лица (сведения об имущественном положении 2 членов совета отсутствуют). Собственностью владел 51 человек, или 62,9%; не имели собственности 30 человек, или 37,1%. У 46 человек были земельные владения, у 5 — дачи.

Земельные владения (в дес.) распределялись среди членов Государственного совета следующим образом:

до	100		3	от	5 001	до	10 000	2	
от	101	до	500	8	»	10 001	»	25 000	4
»	501	»	1 000	2	свыше 25 тыс.				4*
»	1 001	»	5 000	15	без указания размера				8

Один из помещиков имел медеплавильный завод. Как уже говорилось в источниковедческом обзоре, нет сведений о наличии промышленных предприятий у А. А. Половцова, точнее у его жены. Кроме того, 11 помещиков имели собственные дома в Петербурге.

По сравнению с серединой XIX в. имущественное положение членов Совета значительно изменилось. В 1853 г. процент землевладельцев достигал 92,7, а в 1903 г. — 56,8.

* Среди владельцев этой группы у кн. М. С. Волконского было свыше 50 тыс. дес. земли, у И. И. Воронцова-Дашкова и С. Д. Шереметева — у каждого свыше 150 тыс. дес. земли.

Владельцев крупных поместий (свыше 1 тыс. крепостных душ) в 1853 г. было 68,8%, а в 1903 г. земельной собственностью свыше 5 тыс. дес. обладал 21,6%.

Обратимся к рассмотрению состава Комитета министров. Как и во второй половине века, Комитет занимался разнообразными делами — рассмотрением отчетов губернаторов, различных ходатайств общественных органов, в том числе и земских, утверждением уставов промышленных и иных компаний и т. д. Впрочем, как отмечалось выше, через него иногда проходили важные законопроекты, рассмотрение которых в Государственном совете император не находил нужным. А. А. Половцов писал в 1876 г. о Комитете министров: «Это не что иное, как присутственное место, ведущее, за редкими исключениями, довольно пустые дела в ущерб серьезной части занятий обязанных присутствовать здесь министров. Отсутствие правильного постоянного многостороннего обсуждения — вот что составляет отличительную черту нынешних правительственных порядков. Разрешение важнейших государственных дел легко может быть случайно, не предшествуемое разносторонне выраженным в прениях взглядам, не подкрепленное твердым знанием фактов, не освещенное рассудительной осторожностью подготовительного изучения... Комитет министров совершенно утратил первоначальное свое значение. Он перестал быть совещательным собранием высших представителей исполнительной власти, а сделался лишь средоточием большего числа мелких текущих дел, тягостно отзывающихся на занятиях министров, постоянно обремененных более существенными работами»⁴⁹.

Эту характеристику нельзя не признать справедливой. Никаких существенных изменений в функциях Комитета министров через четверть века не произошло.

Надо лишь отметить увеличение роли Комитета министров в решении вопросов, связанных с усилением административной власти, начиная от устаивания штатов полиции в отдельных городах, учреждения временных генерал-губернаторств и введения в действие «Положения об усиленной и чрезвычайной охране». Карательная политика в области печати также осуществлялась Комитетом министров. Комитет не обладал никакой инициативой — дела в нем рассматривались по министерским представлениям либо «высочайшим повелениям». Исполнительной власти он тоже не имел. Его решения, как и

решения Государственного совета, приобретали силу закона только после утверждения их императором.

Пост председателей Комитета министров после 1865 г. занимали кн. П. П. Гагарин, гр. П. Н. Игнатьев, П. А. Валуев, М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте. Все они, за исключением двух первых, были в прошлом министрами, и их назначение на пост председателя Комитета министров едва ли являлось карьерным повышением. Скорее, это было движение вниз, хотя и достаточно почетное.

По данным на 1903 г., насчитывалось 24 члена Комитета министров. Как и в первой половине века, в Комитет министров входили министры, главноуправляющие и председатели департаментов Государственного совета (5 человек из них являлись членами императорской фамилии, и нами не учитываются). Относительно 2 членов данные отсутствуют. Следовательно, анализируются сведения о 17 членах Комитета министров.

По чинам (данные о 19 членах): действительных тайных советников было 11, тайных советников — 2, полных генералов и адмиралов — 5, вице-адмиралов — 1, 3 человека состояли в свите генерал-адъютантами.

По сословной принадлежности (данные о 19 членах комитета) все они являлись дворянами, 4 из них были титулованными (3 графа, 1 барон).

По образованию (данные о 17 лицах): университет окончили 4, Училище правоведения — 2, Александровский лицей — 3. Высшее образование имели 12 человек, среднее — 4, домашнее — 1.

По возрасту:

46—50 лет	2	61—65 лет	3
51—55 »	4	66—70 »	5
56—60 »	2	71—75 »	1

По вероисповеданию: православных было 14, лютеран — 3.

Собственностью владели 11 человек, из них земельной — 10 (один имел собственный дом, министр двора В. Б. Фредерикс владел 4 каменными домами в Петербурге). Не имели собственности 6 человек, или 35,2%. По размерам земельной собственности: у 2 было до 500 дес. земли, у 3 — до 5 тыс. дес. и без указания размера — у 5 членов Комитета министров.

Из всех высших государственных учреждений наибольшие изменения произошли в составе Правительствующего Сената. Они прежде всего связаны с судебной реформой 1864 г., введением в действие новых судебных уставов 20 ноября.

Значение Сената во второй половине века существенно не изменилось. На него по-прежнему возлагались функции высшего надзора над органами административной власти, т. е. наблюдение за выполнением законов. Вместе с тем он продолжал быть высшей судебной инстанцией, хотя роль его принципиально изменилась. Судебные уставы 20 ноября возлагали на Сенат функции высшей кассационной, а не апелляционной инстанции. В связи с этим, а также рядом других обстоятельств структура Сената претерпела значительные изменения. Во-первых, в 1866 г. были открыты два кассационных департамента: уголовный и гражданский. Большинство апелляционных департаментов были ликвидированы (второй и третий в Петербурге, шестой, седьмой и восьмой в Москве, девятый и десятый в Варшаве). Таким образом, остались два апелляционных департамента в Петербурге (четвертый и пятый), имея в виду, что уставы 20 ноября не распространялись на территорию всей империи. Функции первого департамента остались прежними. С 1863 г. первый департамент издавал «Собрание узаконений и распоряжений правительства».

В 1882 г. был образован новый департамент, который должен был рассматривать всякого рода жалобы крестьян в связи с проведением крестьянской реформы 1861 г. и последующих законодательств по этому вопросу, т. е. выполнять функции ликвидированного в этом же году Главного комитета об устройстве сельского хозяйства. Департамент получил наименование второго, а в просторечии — «крестьянского». В 1872 г. в составе Сената было создано также Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах, для рассмотрения важнейших политических преступлений.

К началу XX в. Правительствующий Сенат состоял из восьми департаментов: первого, второго, четвертого, пятого (апелляционных), двух кассационных, межевого и геральдии.

Как уже отмечалось выше, сенаторы назначались императором, как правило, пожизненно. Назначение в Сенат

в некоторых случаях являлось почетной отставкой, и вновь назначенные сенаторы не имели никакого отношения к юриспруденции. Так, в 1891 г. был назначен сенатором управляющий Конюшенным ведомством генерал-майор В. Д. Мартынов. «Все сенаторы в ярости, — пишет в дневнике Е. М. Феокистов, — все считают такое назначение обидой для себя». Резюмируя этот рассказ, Феокистов заключает: «Что же могло быть и хуже. Калигула посадил в Сенат свою лошадь, а теперь в Сенат посылают только конюха. Все-таки прогресс»⁵⁰.

Заметим, что состав сенаторов к концу века заметно ухудшается. «В среде сенаторов, — отмечал в воспоминаниях А. Ф. Кони, — появились губернаторы, засекавшие жидов и крестьян во время вымышленных бунтов, и целая вереница неудачных директоров Департамента полиции, которые, хапнув огромное содержание, отпрашивались, оберегая свою драгоценную шкуру, в сенаторы»⁵¹.

Все эти «сенаторы» оседали, как правило, в несудебных департаментах. В кассационные департаменты назначались лица, имевшие трехлетний опыт судебной работы в качестве обер-прокуроров или их товарищей в департаментах Сената либо председателей, членов или прокуроров судебных палат. Звание сенатора не требовало обязательной службы в Сенате. Среди сенаторов было много лиц, состоявших членами Государственного совета либо других высших установлений. Сенаторы кассационных департаментов не имели права занимать какую-либо должность ни в государственной, ни в общественной службе.

На 1 января 1903 г. число сенаторов составило 183 человека. Формулярные списки сохранились у 138, или 75,4%. Однако необходимые сведения по ряду лиц дополнены по другим источникам. Вследствие этого анализируемые нами данные касаются: а) по чинам и возрасту — 183 сенаторов, б) по сословной принадлежности — 155, в) по вероисповеданию — 152, г) по образованию — 146, д) по имущественному положению — 177.

По чинам сенаторы распределялись следующим образом: 54 действительных тайных советника, 109 тайных советников, 2 первых чина двора, 11 вторых чинов двора, 6 полных генералов, 1 генерал-лейтенант. Таким образом, 14 человек имели придворное звание (среди них один генерал-адъютант).

По сословной принадлежности основная масса сенаторов являлась потомственными дворянами — 136 человек, или 87,75%. (В их числе 12 титулованных, а именно: князей — 4, графов — 6, баронов — 2.) Из оставшихся 19 по происхождению личных дворян было 3, из духовенства — 2, купцов — 6, почетных граждан — 1, обер-офицерских детей — 1, разночинцев — 3, мещан — 3. Таким образом, сословный состав Сената остался почти прежним. В 1853 г. дворяне составляли 94,9%, в 1903 г. — 87,75%*.

По возрасту:

41—45 лет	1	66—70 лет	30
46—50 »	5	71—75 »	21
51—55 »	22	76—80 »	9
56—60 »	38	81—85 »	8
61—65 »	48	86—90 »	1

По вероисповеданию: 138 были православными, 5 — католиками и 9 — лютеранами.

По образованию из 146 учитываемых лиц 138 имели высшее образование (из них 107 сенаторов имели высшее юридическое образование), 8 — среднее. Итак, сенаторов с высшим образованием было 91,1%, на 20% больше, чем в Государственном совете. По сравнению с 1853 г. состав Сената в этом отношении значительно изменился, процент сенаторов с высшим образованием достигал тогда 24,5. Увеличение числа имевших высшее образование произошло в третьей четверти века. В 1879 г. процент сенаторов с высшим образованием составлял 84,5⁵².

Недвижимой собственностью обладал 101 сенатор, 76 человек (43%) не имели собственности. Заметим, что в 1853 г. собственность отсутствовала у 23,6% сенаторов. В 1879 г., по данным И. В. Оржеховского, она отсутствовала у 34%⁵³. Из числа собственников 85 человек имели земельные владения, 16 — дома и дачи. Помимо имений у троих были промышленные предприятия (точнее, у четверых, так как предприятия, которыми фактически владел А. А. Половцов, в формулярном списке не обозначены). Кроме того, 17 землевладельцев имели дома, пре-

* По данным И. В. Оржеховского, в 1879 г. потомственные дворяне составляли 94,6% (И. В. Оржеховский. Внутренняя политика самодержавия в 60—70-е годы, стр. 52). Таким образом, некоторое уменьшение потомственных дворян в Сенате относится к последней четверти века.

имущественно в Петербурге, или дачи. Богатейшим предпринимателем был сенатор Д. П. Кладищев, участник ряда акционерных обществ, в частности золотых приисков, Ленско-Витимского пароходства, владелец промышленных предприятий в различных районах Восточной Сибири.

Земельные владения (в дес.) распределялись среди сенаторов следующим образом:

до 100		4	от 5 001 до 10 000	3
от 101	до 500	17	» 10 001 » 25 000	2
» 501	» 1 000	15	свыше 25 000	2
» 1 001	» 5 000	35	без указания размера	7

Крупных земельных собственников (за исключением тех, имения которых указывались безразмерными) было всего 7, или 8,2%. Таким образом, и по размерам имений наблюдаются изменения в составе сенаторов по сравнению с 1853 г., когда 21 помещик из 70 являлся владельцем свыше 1 тыс. крепостных. В середине века крупные помещики составляли 30%, а в 1903 г. — всего 8,2%.

Проанализируем данные о товарищах министров, директорах департаментов и отдельных составных частей министерств, существовавших на правах департаментов.

Из 69 человек анализу подлежат 66 (две должности были вакантны, одну занимал великий князь, данные о котором не учитываются). Из 66 формулярных списков сохранилось 39, или 59%. О 5 лицах имеются полные данные по другим источникам. Некоторые сведения приводятся по большему числу лиц.

По чинам эти 66 человек распределялись следующим образом: 1 действительный тайный советник, 29 тайных советников, 13 действительных статских советников, 6 вторых чинов двора, 5 статских советников, 11 генерал-лейтенантов, 1 контр-адмирал.

По возрасту:

36—40 лет	3	56—60 лет	11
41—45 »	7	61—65 »	7
46—50 »	12	66—70 »	3
51—55 »	12		

По сословиям (из числа 44): потомственных дворян — 37 (из них титулованных 2: один князь и один барон), личных дворян — 1, мещан — 1, разночинцев — 3, обер-офицерских детей — 1, почетных граждан — 1. Таким

образом, дворяне и среди этой категории лиц составили 86,4%.

По вероисповеданию (из числа 46): православных — 37, католиков — 2, лютеран — 7 человек.

Из 55 лиц высшее образование имели 44, в том числе юридическое — 13, среднее — 11. И в этой категории значительно увеличивается процент лиц, имевших высшее образование: с 31,1 в 1853 г. до 68,1 в 1903 г.

Обратимся к имущественному положению. Из числа анализируемых 52 лиц 17 владели недвижимой собственностью, 35 человек (65%) ее не имели. Надо заметить, что эта категория высшей бюрократии была наименее обеспеченной по сравнению с другими с точки зрения владения недвижимым имуществом. По-видимому, она в большей мере, чем другие, принадлежала к оскудевшему после отмены крепостного права дворянству. Так, в 1853 г. среди них лиц, не владевших собственностью, было всего 20,4%, в 1879 г.—54*, в 1903 г.—65%.

Рассмотрим подробнее имущественное положение этой категории высшего чиновничества. Из 17 человек, имевших недвижимую собственность, 16 являлись помещиками (кроме того, двое имели собственные дома) и у одного был дом в Петербурге. Земельные владения (в дес.) распределялись среди них следующим образом:

до	100			1
от	101	до	500	3
»	501	»	1 000	6
»	1 001	»	5 000	5
без указания размера				1

Анализируя перемены, происшедшие в составе высшей бюрократии, мы видим, что они в общем незначительны. В Государственном совете, как в середине XIX в., так и в начале XX в., сословный состав оставался дворянским (и в том и в другом случае свыше 95%). Такая же картина наблюдается и в Комитете министров. Несколько, очень несущественно, понижается процент потомственных дворян в Сенате (с 98 до 87). Среди товарищей министров и директоров департаментов процент потомственных дворян остается стабильным (86,4 и 84).

В имущественном отношении число помещиков значительно уменьшается, что, по нашему мнению, отражало общий процесс дворянского оскудения. Так, в Государ-

* По данным И. В. Оржеховского.

ственном совете в 1853 г. землевладельцы составляли 92,7%, а в 1903 г. — 56,8%. Такое же положение просматривается и по другим категориям высшей бюрократии. По Комитету министров процент землевладельцев в первом случае равнялся 94,3, во втором — 58,8; по Сенату соответственно — 72,7 и 48. Наконец, по категории товарищей министров и директоров департаментов в 1853 г. помещики составляли 63,6% и в 1903 г. — 30,8%. Важно отметить, что рост других видов собственности (например, промышленных предприятий) не наблюдается. Как уже говорилось выше, мы не располагали сведениями об участии в акционерных обществах. Однако по косвенным данным (мемуары, эпистолярные источники) нам представляется, что число таких лиц было незначительно. Несколько увеличивается лишь число домовладельцев.

В возрастном составе изменений почти не происходит. Средний возраст остается прежним. Не меняется и национальный состав. Заметные сдвиги происходят в отношении образовательного уровня высшего чиновничества. Растет число лиц, получивших высшее образование, что являлось естественным следствием развития университетского образования (включая Училище правоведения и лицеи). Значительная часть бюрократии, имевшей высшее образование, закончила юридические факультеты университетов, а также Училище правоведения.

* * *

Обстановка второй половины века существенным образом изменила условия службы губернской администрации. В период общественного подъема второй половины 50-х—начала 60-х годов николаевская система рушилась. Появление первой вольной газеты «Колокол» с сетью тайных корреспондентов, ослабление цензурного гнета внутри страны, а главное, рост общественных настроений, направленных на критику николаевских порядков, несомненно, имели свои последствия. Кое-кого из лиц, отличавшихся казнокрадством и особым произволом, пришлось убрать. Вместо них приходят либерально настроенные администраторы.

На изменение обстановки всего строя жизни прежде всего оказали решающее влияние отмена крепостного права и другие реформы.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. создали совершенно новую юридическую систему, формально независимую от административных властей. Огромное значение имела гласность судопроизводства. Все уголовные дела, за исключением мелких, рассматривались судом присяжных, что практически взяточничество сводило до минимума. На очередную сессию окружного суда назначались 30 присяжных заседателей. Из них 12 могли быть отведены сторонами (защитой и обвинением), из остальных отбирались путем баллотировки 12, которые и выносили вердикт, т. е. решение по данному делу.

В губерниях создаются органы государственного контроля, независимые от губернских властей. Откупная система, являвшаяся исчадием всякого рода служебных злоупотреблений, была ликвидирована. Введенная вместо откупной система акцизная значительно ограничивала всякого рода злоупотребления. Во-первых, устанавливалась казенная продажа вина, а его изготовление облагалось особой пошлиной — акцизом (так же как и другие предметы, облагавшиеся акцизом, — чай, спички и т. д.). Вполне естественно, что в этой области могли происходить различные злоупотребления, однако они предупреждались путем установления чрезвычайно высоких окладов для чинов акцизного ведомства. Эти оклады по крайней мере вдвое превышали содержание чиновников аналогичных классов в других ведомствах. Как уже указывалось выше, управляющий акцизными сборами получал 600—700 руб. в месяц, а акцизные надзиратели и их помощники — 250—350 руб. Это, естественно, способствовало уменьшению служебных злоупотреблений по сравнению с дореформенным периодом.

Однако в условиях сохранения самодержавной системы административно-полицейский произвол не мог быть ликвидирован. Наоборот, с середины 60-х годов наблюдается его усиление, приобретшее к концу века достаточно широкие размеры.

* * *

По окончании Крымской войны во второй половине 50-х годов ряд генерал-губернаторов и губернаторов, отличавшихся произволом и злоупотреблениями, были изгнаны с занимаемых постов. Примером могут служить москов-

ский генерал-губернатор А. А. Закревский * и пензенский губернатор А. А. Панчулидзе. Заметим, что оба они лишились своей должности не без участия «Колокола».

В это же время появляется новый тип губернатора, тип либерального просвещенного администратора, как, например, нижегородский губернатор бывший декабрист А. Н. Муравьев, тобольский, а позднее калужский В. А. Арцимович, самарский К. К. Грот. Среди них можно назвать курского губернатора Дена, неумоимо борového со злоупотреблениями. «Старожилы помнят то время, — рассказывает один из современников, — когда правительственная власть принялась беспощадно искоренять злоупотребления, и Ден является одним из типичных образов того времени. Он страстно, иногда до утрировки, взялся преследовать взятки и искоренять мошенничество»⁵⁴. Таким же был и херсонский губернатор Башмаков⁵⁵. Однако деятельность Дена, Башмакова и им подобных была недолгой и даже раздражала представителей правительства. Как свидетельствует Н. А. Решетов (по-видимому, курский помещик) в воспоминаниях «Дела давно минувших дней», министр финансов А. М. Княжевич, проезжая через Курск, выразил Дену свое неудовольствие его поведением в отношении откупщиков, от которых он требовал выполнения существующих законных норм и отказывался получать от них взятки⁵⁶.

После выстрела Каракозова происходит массовая смена губернаторов. По подсчетам И. В. Оржеховского, за два года — с апреля 1866 по апрель 1868 г. — было заменено более половины губернаторов: из 53 — 29.

Как и в первой половине века, большая часть губернаторов занимала пост не более 3—5 лет. Подбор кандидатов на пост губернатора определялся целым рядом соображений, далеким от оценки деловых качеств. Как писал в своих воспоминаниях Д. А. Милютин, губернаторами назначались лица, «большой частью вовсе не соответствовавшие предназначаемой губернаторам роли»⁵⁷. Среди них преобладали люди, не имевшие специального

* Деятельность А. А. Закревского отличалась величайшим произволом, что же касается взяточничества и казнокрадства, то на этот счет существуют различные мнения. Так, А. Ф. Кони считал его «безукоризненно честным в материальных отношениях» (А. Ф. Кони. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914, стр. 4).

образования и подготовки. По данным на 1 января 1903 г., четверть всех губернаторов имела военные чины, а несколько более трети получили военное образование.

Одной из особенностей, отличавших губернаторов и вице-губернаторов от других категорий бюрократии, была их имущественная обеспеченность. По данным на 1903 г., среди товарищей министров и директоров департаментов помещиков было 30,8%, среди губернаторов — 70,9, вице-губернаторов — 60, председателей казенных палат — 18,6, управляющих акцизными сборами — 17,4, председателей окружных судов — 29,7%. Даже процент помещиков среди сенаторов составлял 48, т. е. был значительно ниже, чем у губернаторов.

С середины 60-х годов наблюдается стремление правительства к всемерному усилению губернаторской власти. Первым шагом в этой области был закон 22 июля 1866 г.⁵⁸ Фактически этот закон превращал губернатора в полного «хозяина» губернии, так как власть его — если не прямо, то косвенно — распространялась на учреждения всех ведомств, находившихся в губернии. Губернатору предоставлялось право «производить во всякое время общую и внезапную ревизию» во всех учреждениях, находившихся на территории губернии, хотя и принадлежавших к другим ведомствам. Губернатор получил право не утверждать на должность того или иного чиновника любого ведомства в случае его политической неблагонадежности. Губернатор мог закрывать те или иные частные общества, клубы и т. д. в случае обнаружения в их деятельности чего-либо противного государственному порядку, общественной безопасности и нравственности. Правительство предприняло и другие шаги для дальнейшего укрепления власти губернатора. 22 февраля 1868 г. министр внутренних дел Валуев передал Александру II записку «О положении губернского управления», в которой указывал на необходимость усиления губернаторской власти. В соответствии с этим Валуев считал необходимым подчинить учреждения всех ведомств непосредственно губернаторской власти.

Эта записка не привела к каким-либо результатам, по-видимому, в связи с отставкой Валуева. Однако Шувалов и преемник Валуева Тимашев продолжали бороться за расширение функций губернатора с точки зрения полного подчинения ему всех учреждений, как казенных, так и общественных, находящихся в губернии. «Эти гос-

пода, — писал Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях», — только заботились об усилении местной власти, о расширении прав губернаторов, которые, по мнению шуваловской клики, должны быть поставлены в губернии как представители верховной власти. Вследствие этого принципа надлежало будто бы подчинить им непосредственно все местные административные органы разных ведомств. Имелось при этом в виду в особенности обуздать судебные и земские учреждения»⁵⁹.

В 1876 г. Комитет министров по инициативе Тимашева снова предпринял шаг к усилению власти губернатора, предоставив право генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам издавать обязательные постановления, имевшие силу закона⁶⁰. Особенно укрепляется административная власть губернаторов в начале 80-х годов после издания закона 14 августа 1881 г. «О мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия», предоставлявшего право объявления отдельных или ряда губерний на положении усиленной или чрезвычайной охраны. Генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам в период введения «Положения об усиленной охране» предоставлялось право подвергать аресту до 3 месяцев и штрафу до 500 руб. лиц, нарушивших издававшиеся этими чинами обязательные постановления, а в случае необходимости — высылке политически неблагонадежных лиц за пределы губернии (последнее санкционировалось министром внутренних дел). Кроме того, указанные администраторы имели право «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания, делать распоряжения о закрытии всяких вообще торговых и промышленных заведений как на определенный срок, так и на все время объявления «Положения об усиленной охране»»⁶¹.

Наконец, губернаторы и градоначальники должны были утверждать поступающих на все должности по земским и городским органам общественного управления и увольнения чиновников этих учреждений, если они будут признаны неблагонадежными. Помимо перечисленных им предоставлялись еще различные права. Все это создавало почву для роста губернаторского произвола. Надо заметить, что «Положение об усиленной и чрезвычайной охране» было введено сразу же после издания закона в 10 губерниях и ряде городов и уездов других губерний.

Именно в такой обстановке появляются губернаторы-самодуры, творившие ужасающие беззакония. К ним относились орловский губернатор П. В. Нехлюдов, пензенский А. А. Татищев, черниговский А. К. Анастасьев.

Так, П. В. Нехлюдов в угоду своему приятелю помещику Пущину высек крестьян деревни Оболеншево за то, что они отказались выполнить незаконные требования помещика. Последние два, как указывалось выше, пользовались особым благоволением Александра III и были назначены в Государственный совет, а первый из них еще ранее — сенатором.

К деятелям подобного толка можно добавить полтавского губернатора Е. О. Янковского, нижегородского Н. П. Баранова, ковенского Н. М. Клиненберга, минского Н. Н. Трубецкого и других. Весьма консервативно настроенный генерал А. А. Киреев в своем дневнике в апреле 1894 г. писал: «Администрации дается воля небывалая. Нелепое сечение считается энергией. Нехлюдов высек георгиевского кавалера, Клиненберг — целый приход, Трубецкой — адвоката»⁶². Таким образом, в новых пореформенных условиях произвол губернаторов, особенно в конце века, достиг огромных размеров. Для характеристики губернаторского произвола приведем случай, рассказанный председателем черниговской губернской земской управы В. М. Хижняковым, касающийся губернатора Анастасьева. «Однажды, — рассказывает Хижняков, — он (т. е. Анастасьев. — Авт.) вошел в свою гостиную, где сидело несколько дам, приехавших навеситить его больную жену. Он застал разговор о том, как плоха теперь прислуга. Жена прокурора З. возмущалась дерзостью и разными провинностями своей кухарки... Когда прокурорша вернулась домой, то застала кухарку в истерике. Оказалось, что Анастасьев, выслушав сетования прокурорши и желая сделать любезность даме, тотчас распорядился по телефону, чтобы ее, кухарку, выпороли, что с большим усердием и было исполнено»⁶³. Факты злоупотреблений и взяточничества среди губернской администрации, включая губернаторов, достигли в 90-е годы больших размеров⁶⁴.

Проанализируем состав губернаторов на 1903 г. Из 60 губернаторов (не считая Царства Польского и Финляндии) имелись 56 (4 вакансии). Формулярные списки сохранились у 43, или 76%. Однако данные других источ-

ников дают возможность несколько увеличить число анализируемых лиц.

По чинам (данные о 56 губернаторах): тайных советников — 5, действительных статских — 23, статских советников — 7, вторых чинов двора (действительных статских советников) — 8, генерал-лейтенантов — 10, генерал-майоров — 1, контр-адмиралов — 1, полковников — 1. Таким образом, основная масса губернаторов принадлежала к чинам IV класса (33 человека), 13 губернаторов имели придворное звание — камергеров.

По возрасту:

36 — 40 лет	3	56 — 60 лет	8
41 — 45 »	11	61 — 65 »	3
46 — 50 »	13	66 — 70 »	1
51 — 55 »	10		

По вероисповеданию (из 46 учитываемых лиц): православных — 39, лютеран — 7.

Все губернаторы по происхождению были потомственными дворянами, из них титулованных было 7 (4 князя и 3 графа). Следовательно, и в 1853 и 1903 гг. все губернаторы были потомственными дворянами. На 1 января 1879 г. из 62 генерал-губернаторов и губернаторов 60 (96,7%) были дворянами по происхождению⁶⁵.

По образованию (из расчета 44 лиц): высшее имели 29 человек, среднее — 14, низшее — 1 (юнкерское училище). Из этих лиц специальное (юридическое) образование получили 15 человек, или 34%, у трех, окончивших университет, факультет не обозначен, военное образование (высшее, среднее и низшее) получили 19 человек, или 43,2%. Число лиц, получивших высшее образование, за полвека значительно возросло — с 19,2 до 65,9%. По данным И. В. Оржеховского, на 1879 г. губернаторы с высшим образованием составили 53,5%. Следовательно, образовательный ценз губернаторов возрос главным образом в третьей четверти века⁶⁶.

По имущественному положению, как уже говорилось выше, губернаторы являлись наиболее обеспеченной категорией высшего чиновничества. Из 48 губернаторов, сведениями об имущественном положении которых мы располагаем, владели земельной собственностью 34 человека, т. е. процент помещиков составлял 70,9. Земельные

владения (в дес.) распределялись среди губернаторов следующим образом:

до	100		1	от 5 001 до 10 000	6
от	101	до	500	свыше 10 000	3*
»	501	»	1 000	без указания размера	2
»	1 001	»	5 000		15

Таким образом, владельцев свыше 1 тыс. дес. насчитывалось 24 человека, или 70,6% помещиков; свыше 5 тыс. дес. — 9, или 26,4%. У одного из помещиков имелся собственный дом. Важно отметить, что состав губернаторов за 50 лет по существу не изменился. И в том и в другом случае помещики составляли примерно 70%. В 1879 г. потомственные дворяне составляли 96,8%, помещики опять-таки 70%⁶⁷.

Рассмотрим состав вице-губернаторов. Из 60 должностей была одна вакансия. Сохранилось 47 формулярных списков, или 78,3%. Однако по ряду показателей число анализируемых лиц расширится.

По чинам (данные о 59 лицах) вице-губернаторы представляли следующее: действительных статских советников было 25, статских советников — 12, коллежских советников — 11, надворных советников — 6, коллежских асессоров — 1, генерал-майоров — 1, полковников — 3.

Среди вице-губернаторов 12 человек имели придворное звание, в том числе камергера — 5, камер-юнкера — 7. Итак, почти половина вице-губернаторов относилась к чинам IV класса.

По возрасту:

26 — 30 лет	1	51 — 55 лет	6
31 — 35 »	4	56 — 60 »	6
36 — 40 »	6	61 — 65 »	1
41 — 45 »	14	66 — 70 »	1
46 — 50 »	12		

По происхождению 45 вице-губернаторов относились к потомственным дворянам, или 93,7%, 1 происходил из личных дворян, 1 — из потомственных почетных граждан, 1 — из мещан. Титулованных было 6 человек: князей — 3, графов — 2, баронов — 1.

По вероисповеданию: 44 православных, или 93,6%, 1 католик, 2 лютеран.

* Из числа собственников этой группы у псковского губернатора кн. Б. А. Васильчикова имелось свыше 30 тыс. дес. земли, а у екатеринославского гр. Ф. Э. Келлера — свыше 20 тыс. дес. земли.

По образованию: 27 человек, или 58,7%, имели высшее, 19 — среднее и 1 — домашнее. Важно отметить, что 18 человек получили военное образование (из них среднее — 17 и высшее — 1). Специальное юридическое образование имели тоже 18 (в четырех случаях факультет не указан).

По имущественному положению (из расчета 50 лиц) недвижимую собственность имели 33 вице-губернатора, из них земельную — 30, дома и дачи — 3. Следовательно, помещики среди этой категории составляли 60%. По размерам владений (в дес.) они распределялись по следующим группам:

до	500		2	от 5 001 до 10 000	1
от	501	до	1 000	без указания размера	4
»	1 001	»	5 000		16

По сравнению с 1853 г. состав вице-губернаторов существенно не изменился, за исключением образовательного уровня и чинов. Процент потомственных дворян по происхождению немного повысился: с 88,2 до 93,7. Несколько понизился процент помещиков: с 67 до 60. В 1853 г. высшее образование имели 32,2% вице-губернаторов, а в 1903 г. — более половины. За истекший период вице-губернаторы, если можно так сказать, несколько «постарели чинами». Чины II класса в середине XIX в. составляли 9,6%, а в начале XX в. — 42,3%.

Рассмотрим данные о председателях казенных палат. В 1903 г. имелось 57 председателей (одна должность оставалась вакантной). Формулярных списков сохранилось лишь 34, т. е. 59,6%. Однако различные источники дали возможность несколько расширить круг анализируемых лиц.

По чинам (данные о 56 лицах): 31 действительный статский советник, или 55,3%, 10 статских советников, 9 коллежских советников и 6 надворных советников. Таким образом, и через 50 лет положение остается прежним. Председатели казенных палат сохраняют некоторое преимущество в чинах по сравнению с вице-губернаторами.

По возрасту:

36 — 40 лет	4	56 — 60 лет	5
41 — 45 »	4	61 — 65 »	8
46 — 50 »	10	66 — 70 »	3
51 — 55 »	7	71 — 75 »	2

Из 47 лиц православных насчитывалось 45 человек, католиков — 1, лютеран — 1. По происхождению 23 из 36 председателей казенных палат, или 63,8%, являлись потомственными дворянами, 5 — из духовного звания, 3 — из потомственных почетных граждан, 1 — из купцов, 1 — из обер-офицерских детей и 3 — из разночинцев.

По образованию (из 35 учтенных лиц): высшее имели 24 человека, или 63,5%, среднее — 8, низшее — 2 и домашнее — 1.

По имущественному положению из 43 лиц не имели собственности 26, или 60,4%. Из 17 собственников 8 владели имениями, или 18,6%, а 9 — домами и дачами. Следовательно, процент помещиков у этой категории был значительно ниже (более чем в 3 раза), нежели у вице-губернаторов.

По сравнению с 1853 г. падает процент дворян: с 81,6 до 60,4. Существенно уменьшается и доля помещиков — с 52 до 18,6%. Значительно, как и во всех других категориях, возрастает число лиц, получивших высшее образование, — с 22% в 1853 г. до 68,5% в 1903 г.

Обратимся к управляющим акцизными сборами — категории чиновников, возникшей в 60-е годы. Из 55 занимавших этот пост человек (одна вакансия была не заполнена) формулярные списки сохранились у 42. Одноко число анализируемых лиц несколько больше.

По чинам управляющие акцизными сборами представляли (из 43 лиц): 2 тайных советника, 26 действительных статских советников, 12 статских советников, 3 коллежских советника. Итак, «превосходительства» — чины III и IV классов — составляли 67,3% против 55,3% у председателей казенных палат. Среди управляющих акцизными сборами было очень немного коллежских советников и вовсе отсутствовали надворные советники. Следовательно, по чинам они превосходили председателей казенных палат.

По возрасту:

36 — 40 лет	1	56 — 60 лет	12
41 — 45 »	6	61 — 65 »	9
46 — 50 »	8	66 — 70 »	2
51 — 55 »	7		

Среди управляющих акцизными сборами 39 человек были православными, 3 — католиками и 4 — лютеранами.

По сословному происхождению (из 39 человек):

25 управляющих, или 60,9%, являлись потомственными дворянами, 1 — личным дворянином, 2 происходили из почетных граждан, 7—из канцелярских служащих, 2—из обер-офицерских детей, 2 — из духовного звания.

По образованию: 22 человека из 41, или 53,6%, получили высшее образование, 17 — среднее и 2 — низшее.

По имущественному положению: 35 из 46 лиц, или 76,1%, не имели никакой собственности, 8 владельцев недвижимого имущества имели имения, 3 — дома. Земельные владения (в дес.) распределялись среди этой категории чиновничества следующим образом:

до 100		1	от 1 001 до 5 000	1
от 101	до 500	4	без указания размера	1
» 501	» 1 000	1		

Сопоставление данных о чинах губернской администрации с середины XIX до начала XX в. показывает, что высшее звено администрации оставалось по-прежнему дворянским, однако число помещиков среди губернской администрации, за исключением губернаторов и вице-губернаторов, значительно падает. Происходят изменения также в образовательном цензе. Число лиц, получивших высшее образование, намного возросло.

В заключение рассмотрим состав судебных учреждений, точнее председателей судебных палат и окружных судов.

Интерес к анализу данных об этих чиновниках вызывается тем, что указанные учреждения появились после отмены крепостного права — в середине 60-х годов. В силу этого представляется важным выяснить, отличается ли начальствующий состав судебных палат и окружных судов от других ранее существовавших учреждений.

На 1903 г. существовало 11 судебных палат. Формулярных списков сохранилось 7. Однако путем привлечения других источников удалось установить сведения для большего числа лиц. По чинам здесь имелось 5 тайных советников, 5 действительных статских советников и 1 статский советник.

По вероисповеданию все православные, т. е. русские.

По возрасту:

41 — 45 лет	1	61 — 65 лет	2
51 — 55 »	3	66 — 70 »	1
56 — 60 »	2		

По образованию, согласно имеющимся данным на 8 человек, все 8 имели высшее, из них юридическое — 6

(один окончил математический факультет, о другом данные о факультете отсутствуют).

По происхождению все потомственные дворяне.

По имущественному положению (из 9 человек) 5, или 55,5%, не имели собственности, 3 были помещиками и 1 имел собственный дом.

Земельные владения (в дес.) распределялись среди этой категории чиновничества следующим образом:

до	1 000			1
от	1 001	до	5 000	1
»	5 001	»	10 000	1

Состав председателей окружных судов выглядел следующим образом. Из 89 должностей 88 были замещены (одна должность вакантна). Сохранилось 70 формулярных списков, или 79,6%. Однако анализируемые данные охватывают большее число лиц.

По чинам среди председателей судов имелось 8 тайных советников, 70 действительных статских, 9 статских советников, 1 коллежский советник. Таким образом, 86,3% являлись чинами III и IV классов.

По возрасту:

36 — 40 лет	2	56 — 60 лет	22
41 — 45 »	4	61 — 65 »	8
46 — 50 »	14	66 — 70 »	5
51 — 55 »	22	71 — 75 »	1

По вероисповеданию православных было 67, католиков — 4, лютеран — 4.

По сословной принадлежности (из 72 человек): из потомственных дворян — 53, или 73,6%, из личных дворян — 7, из духовного звания — 3, обер-офицерских детей — 4, купцов — 2, почетных граждан — 1, крестьян — 2.

По образованию (из 73 человек) 70 имели высшее (из них 64 — специальное) и 3 — среднее специальное (военно-юридическое училище).

По имущественному положению: не имели собственности 45 человек, имели — 33. Из них владельцев земли насчитывалось 23 человека, домов или дач — 10.

Земельные владения (в дес.) распределялись среди этой категории чиновничества следующим образом:

до 100	1	от 1 001 до 5 000	5
от 101 до 500	6	без указания размера	4
» 501 » 1 000	7		

У 4 землевладельцев, кроме того, были собственные дома в городах.

Таким образом, за исключением более высокого образовательного ценза, начальствующий состав вновь созданных судебных учреждений по существу ничем не отличался от прочих представителей местной бюрократии: примерно тот же сословный состав с подавляющим преобладанием потомственных дворян, причем процент помещиков по сравнению с представителями казенных палат и управляющими акцизными сборами даже несколько выше.

Заключение

Исследование положения, численности и состава чиновничества в XIX в. дает возможность сделать некоторые выводы.

Государственный аппарат на протяжении XIX в. чрезвычайно вырос. В конце XVIII в. (1796 г.), по нашим подсчетам, при населении 36 млн. человек (данные V ревизии)¹ число чиновников составляло 15—16 тыс., т. е. один чиновник приходился на 2250 жителей (из расчета 16 тыс.). В 1851 г. по IX ревизии насчитывалось 69 млн. человек, а чиновников — 74 330, т. е. один чиновник приходился на 929 человек. На 1903 г., по нашим подсчетам, чиновников было примерно 385 тыс., а населения, по переписи 1897 г., — 129 млн. человек, следовательно, один чиновник приходился на 335 человек. Таким образом, число чиновников на протяжении XIX в. с учетом роста населения увеличилось почти в 7 раз.

Анализ сословного состава среднего и низшего чиновничества в 40—50-х годах XIX в. (на основе данных о привлечении их к ответственности за должностные преступления) указывает, что процент потомственных дворян среди этой категории чиновников был невелик — не более 20. На рубеже XIX и XX вв. этот процент, по сведениям, опубликованным А. П. Корелиным (на основе частичного анализа состава чиновников), даже значительно повышается для средних классов — почти до 40%, для низших остается примерно на том же уровне (22%). Имело место пренебрежительное отношение помещного дворянства к государственной службе вообще и к гражданской в особенности. Так же относились дворяне к замещению должностей по выборам. По данным Министерства внутренних дел, в конце 40-х годов около половины всего дворянства (48%) — 122 426 лиц из 253 068 — «никогда не бывали ни в какой службе»².

Учреждение Табели о рангах приводит к образованию нового типа потомственного дворянства — служилого, которое к середине века составляло более половины дворян — 148 685 из 253 068 человек³.

Высшая бюрократия на протяжении всего рассматриваемого периода в своей подавляющей части (85—100%) состояла из представителей потомственного дворянства. Важно отметить, что губернаторы как в середине века, так и в начале XX в. являлись исключительно потомственными дворянами.

Преобладающая часть высшей бюрократии имела недвижимую собственность, преимущественно земельную. Для середины века помещики среди высшей бюрократии (членов Государственного совета, Комитета министров, сенаторов) составляли свыше 70%, при этом значительная часть из них владела крупнейшими крепостническими латифундиями — свыше 1 тыс. крепостных душ.

Среди губернской администрации помещиков насчитывалось несколько меньше: от 43% (губернские прокуроры) до 60—80% (губернаторы, вице-губернаторы и управляющие палатами государственных имуществ). Надо отметить, что промышленными заведениями владело небольшое число лиц, и то они, за редким исключением, носили характер вотчинных предприятий (спиртовой или сахарный завод, мельницы и т. д.).

К началу XX в. число помещиков среди всех категорий высшей бюрократии и губернской администрации уменьшается, что вполне соответствовало процессу дворянского оскудения. Однако среди членов Государственного совета по-прежнему преобладают, хотя и незначительно, помещики — 56%, среди министров было 58,8% помещиков, среди сенаторов — 48%. Среди товарищей министров и директоров департаментов помещики составляли лишь 30,8%. Надо отметить, что число владельцев промышленных предприятий не увеличивается. Несколько больше становится домовладельцев и дачевладельцев.

Этот же процесс оскудения наблюдается и среди губернской администрации, за исключением губернаторов, среди которых процент помещиков составлял 70,9, а у вице-губернаторов — 60. Таким образом, количество помещиков среди высшей бюрократии (центральной и губернской) было все же достаточно велико.

Что же представляла собой по происхождению основная масса среднего и мелкого чиновничества? По данным, относящимся к середине века, часть из них принадлежала к потомственному чиновничеству (дети личных дворян) — 18—40%, часть же к разночинцам — от 25 до 53%. Процент детей купцов ничтожен — 7—8. Среди высшей бюрократии эта категория почти совсем отсутствует и в середине века, и в начале XX в. Так, в середине века из 253 членов Государственного совета, министров, товарищей министров, директоров департаментов и сенаторов детей купцов было 2 человека, а в 1903 г. из 345 лиц этой же категории дети купцов составляли 7 человек, т. е. не превышали 2%.

Наличие среди мелких и средних чиновников значительного числа выходцев из разночинных слоев населения вовсе не говорило об утверждении среди них разночинной идеологии. Наоборот, эта часть чиновничества являлась наиболее верноподданной и не проявляла в отличие от дворянства какого-либо недовольства в отношении самодержавия.

Высшая бюрократия, вышедшая из родовитого дворянства, как известно, всегда не была чужда олигархических стремлений.

Как уже говорилось выше, анализ имущественного положения чиновничества в начале XX в. не дает прямых оснований для утверждения о буржуазном перерождении какой-то его части. Основой имущества чиновничества оставалась по-прежнему земля. Целый ряд косвенных источников дает основание полагать, что владение акциями не получило среди чиновников большого распространения. Однако процесс капиталистического развития не мог не оказывать определенное влияние на государственный аппарат, и в первую очередь на такие ведомства, как финансов и путей сообщения.

Другой особенностью, наблюдавшейся с начала XX в., явилось изменение в составе камарильи, являвшейся как бы вторым правительством. Она, как правило, включает в себя людей приближенных — фаворитов и фавориток. Однако в этот период, незадолго до краха империи, вокруг трона появляются совершенно неизвестные люди, не имевшие никакого отношения к бюрократии. Одним из первых среди них был француз Филипп, мясник по образованию и жулик по призванию. Явившись в Петербург, он проникает во дворец и, заявив себя спиритом,

приобретает огромное влияние на Николая II, вызывая дух его отца Александра III и консультируя по всем вопросам внутренней и внешней политики. По-видимому, консультации были очень удачны, так как Филипп получает чин действительного статского советника и диплом врача. Таким образом, он становится «превосходительством» и одновременно потомственным российским дворянином⁴.

Эта галерея подобных людей была довольно многочисленна. Филипп в ней был первым, а Григорий Распутин последним.

Проведенное исследование дает основание для следующих общих выводов.

Как в дореформенный, так и в пореформенный период среди высшей бюрократии и верхов губернской администрации преобладали владельцы земельной собственности — помещики. Это находило свое выражение в противодействии отмене крепостного права в первой половине века и консервации феодальных пережитков во второй.

Проникновение в государственный аппарат буржуазных элементов после отмены крепостного права было ничтожным, ограничиваясь почти исключительно Министерством финансов и Министерством путей сообщения.

Рост численности чиновников являлся результатом увеличения государственного аппарата. Это выражалось как в увеличении штатов существующих государственных учреждений, так и в появлении новых.

К середине века, к периоду Крымской войны, процесс загнивания всей политической системы самодержавия достигает колоссальных размеров, что и находит свое выражение в кризисе всей этой системы.

В пореформенный период признаки этого процесса снова возникают в конце XIX столетия, примерно в последние его два десятилетия.

Источники и литература

Введение

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73.

² См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 455.

³ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. 1200, д. 1, ч. I, II.

⁴ ЦГИА, ф. Департамента законов Государственного совета за 1856 г., д. 32.

⁵ ЦГИА, ф. Министерства юстиции, оп. 521. Эти данные содержатся также и в опубликованных отчетах Министерства юстиции за соответствующие годы.

⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. вел. кн. Константина Николаевича, д. 599.

⁷ Там же, л. 15.

⁸ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829. Дело содержало 670 единиц хранения, из них 454 не сохранились. Нужно отметить, что дела, числящиеся по описи № 1 и относящиеся к 1825—1858 гг., также сохранились не полностью. В 1956 г. из числившихся 7303 дел в наличии имелось 3602.

⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. III отд., 1 эксп., 1841 г., д. 247, ч. 2—56. Каждая часть относится к отдельной губернии.

¹⁰ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. 6, д. 426.

¹¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. М., 1966, стр. 7.

¹² Выявление и обработка формулярных списков, хранящихся в ЦГИА, произведены по разработанному мной методу научным сотрудником архива И. Е. Шуббе, которой приношу глубокую благодарность.

¹³ Таблицы в тексте со сведениями представителей высшей бюрократии и губернской администрации составлены на основе формулярных списков.

¹⁴ «Общий состав Министерства финансов на 1902 г.», СПб., 1901, стр. 55—56.

¹⁵ «Памятная книжка Пензенской губернии на 1902 г.», Пенза, 1902, стр. 16.

¹⁶ «Общий состав Министерства финансов на 1902 г.», стр. 60.

¹⁷ «Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г.», Саратов, 1901, стр. 104.

¹⁸ «Общий состав Министерства финансов на 1902 г.», стр. 45.

- ¹⁹ «Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г.», Вятка, 1901, стр. 16—17.
- ²⁰ «Общий состав Министерства финансов на 1902 г.», стр. 523—524.
- ²¹ «Адрес-календарь и памятная книжка Калужской губернии на 1902 г.», Калуга, 1901, стр. 51.
- ²² «Общий состав Министерства финансов на 1902 г.», стр. 523.
- ²³ «Адрес-календарь и памятная книжка Калужской губернии на 1902 г.», стр. 51.
- ²⁴ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 181, прил. № 2.
- ²⁵ «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851». СПб., [б./г.], ч. 1, стр. 12—18, 290—320, 38—96, 277—289, 138—154, 12—17, 102—130.
- ²⁶ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. I—XIV.
- ²⁷ Позднее М. А. Корф переработал свои дневники в сокращенные и измененные воспоминания, которые опубликованы в «Русской старине» в 1899 г.
- ²⁸ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — Отдел рукописей ГПБ), ф.-IV, д. 861.
- ²⁹ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (далее — Отдел рукописей ГБЛ), ф. 37. Музейное собрание, д. 3196.
- ³⁰ Отдел рукописей ГПБ, ф. А. И. Артемьева.
- ³¹ «Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона Де-Брэ. 1849—1852)». — «Русская старина», 1902, № 1; «Записки сенатора К. И. Фишера». — «Исторический вестник», 1908, № 2; Д. А. Милютин. Дневник (1873—1882 гг.), т. 1—4. М., 1947—1951; «Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. 1861—1876», т. I—II. М., 1961; «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. 1883—1892», т. I—II. М., 1966; «Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Л., 1929.
- ³² «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.», т. II. СПб., 1905. Таблица XX «А». Распределение населения по занятиям вообще, стр. 256.
- ³³ А. Д. Градовский. Собр. соч., т. VII—IX. СПб., 1907—1908.
- ³⁴ «Министерство внутренних дел». Исторический очерк. СПб., 1901; «Министерство финансов. 1802—1902», ч. I—II. СПб., 1902, и др.
- ³⁵ По данным всеподданнейшего доклада Военного министерства, на 1 января 1904 г. число военных чиновников (включая военных врачей) составляло 9931 человек (П. А. Зайончковский. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973, стр. 123).
- ³⁶ Все приведенные цифры заимствованы из указанной статьи Н. А. Рубакина («Вестник Европы», 1910, № 1, стр. 116).
- ³⁷ С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, стр. 5, 163.
- ³⁸ «Абсолютизм в России в XVII—XVIII вв.». Сб. М., 1964.
- ³⁹ ПСЗ, I, т. XLIV, прил. № 11991.
- ⁴⁰ «Проблемы отечественной истории», ч. II. М.—Л., 1974.

⁴¹ Автор приносит глубокую благодарность Б. Б. Дубенцову за возможность ознакомления с тогда еще не опубликованной работой («Проблемы отечественной истории», ч. 1. М.—Л., 1976, стр. 202—220).

⁴² *H.-J. Torke*. Des russische Beamtentum in der erste halfte des 19 Jahrhunderts.—«Sonderdruck aus Forschungen zur Ostenropäischen Geschichte», Bd 13. Berlin, 1967.

⁴³ *G. L. Vanev*. Systematization of Russian government Social Evolution in the Aimastic Administration of imperial Russia. 1771—1905. Jlli., 1973.

⁴⁴ *W. M. Pintner*. The Social Characteristics the Early Nineteenth Centry Russian Burearacy.—«Slawic Reviw». American Quarterly of Soviet and East European Studies, vol. 29, 1970, N 3, 9, p. 429—443.

Глава I

¹ «Свод законов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских», ч. 3. Устав о службе гражданской (далее — «Устав о службе гражданской»). СПб., 1832. Во второй статье устава говорилось, что «различие вероисповедания или племени не препятствует определению в службу», однако фактически это было не так. В уставе, изданном в 1832 г., никаких национальных ограничений не содержится. В последующих же изданиях 1842 и 1857 гг. имеются указания, что евреи, окончившие российские университеты или академии и получившие степень доктора, «могут вступать в учебную службу, но не иначе как с высочайшего разрешения» («Устав о службе гражданской», изд. 1842 г., ст. 61). В ст. 60 того же издания указывалось, что евреи, имеющие дипломы лекарей и докторов медицины, могут поступать на государственную службу «в западных и всех новороссийских губерниях», т. е. в черте оседлости.

² В издании «Устава о службе гражданской» 1857 г. упоминаются «дети чиновников, получивших по службе личное по чинам почетное гражданство» («Свод законов Российской империи», т. 3, кн. 1. СПб., 1857, разд. I, ст. 3).

³ «Устав о службе гражданской», ст. 3.

Ранее контингент приема на гражданскую службу был значительно шире. По положению «О канцелярских служителях гражданского ведомства», изданному 14 октября 1827 г. (ПСЗ, II, т. II, № 1469), было воспрещено принимать на государственную службу детей купцов II и III гильдии, вольноотпущенных и их детей, мещан и лиц других категорий, принадлежащих к податным сословиям.

⁴ «Устав о службе гражданской», ст. 4.

⁵ «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902». СПб., 1902, стр. 243—249.

⁶ «Устав о службе гражданской», ст. 54.

⁷ «О числе чиновников, судимых в уголовных палатах и равных им местах по преступлениям против должности». — «Всеподданнейшие отчеты Министерства юстиции за 1841—1859 гг.». СПб., 1842—1860.

⁸ «Государственная канцелярия (1802—1902)». СПб., 1902, стр. 15.

⁹ В. И. Глориантов. Потомственные дворяне канцелярского происхождения.— «Русский архив», 1905, № 4, стр. 662.

Автор стал потомственным дворянином как выслужившийся из писцов. Когда он служил в Нижегородской палате государственных имуществ, там было четыре чиновника из потомственных дворян, выслужившихся из канцелярских служителей.

¹⁰ Там же, стр. 663.

¹¹ «Отчеты о числе чиновников, судимых в уголовных департаментах Сената по преступлениям против должности».— «Всеподданнейшие отчеты Министерства юстиции за 1841—1859 гг.».

¹² А. П. Корелин. Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.).— «Исторические записки», 1971, т. 87.

¹³ ЦГИА, ф. Канцелярии Министерства внутренних дел по делам дворянства, оп. 1, 1897 г., д. 222.

¹⁴ А. П. Корелин. Указ. ст.— «Исторические записки», 1971, т. 87, стр. 162—164.

¹⁵ ПСЗ, I, т. XXVII, № 20597, ст. 24.

¹⁶ ПСЗ, I, т. XXX, № 23771.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. М. П. Погодина IV, 10, 4.

¹⁹ Цит. по: А. П. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900, стр. 510.

Надо заметить, что автор записки несколько преувеличивает размер требований: знание античной литературы либо теоремы Пифагора не требовалось.

²⁰ ПСЗ, II, т. IX, № 7224. Так, в 1826 г. в связи с коронацией Николая I «в виде временной милости» без экзаменов все чиновники IX и VI классов, выслужившие в этих чинах положенное число лет, были произведены в коллежские асессоры и статские советники (ПСЗ, II, т. I, № 539, указ от 22 августа 1826 г.).

²¹ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. 3. М., 1891—1893, стр. 74.

²² ПСЗ, II, т. IX, № 7224.

²³ «О числе чиновников, судимых в уголовных палатах и равных им местах по преступлениям против должности».— «Всеподданнейшие отчеты Министерства юстиции за 1841—1859 гг.».

²⁴ ЦГИА, ф. Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской, оп. т. XVI дел Государственного совета, д. 2, прил., л. 62. Ведомость о количестве лиц, определенных на действительную государственную службу с 1 ноября 1894 по 1 августа 1895 г.

²⁵ «Устав о службе гражданской», изд. 1842 г., ст. 44—45, 64.

В ст. 65 говорилось, что «ученые степени, открывающие путь к поступлению на гражданскую службу, суть степени: 1) студента, 2) кандидата, 3) магистра, 4) доктора». Лица, окончившие университет, получали звание — степень или действительного студента, или кандидата. Действительные студенты принимались на службу чином XII класса — губернского секретаря; окончившие же со званием кандидата определялись чином X класса — коллежским секретарем. Имевшие ученую степень магистра получали чин IX класса — титулярного советника, а доктора — чин VIII класса — коллежского асессора (ст. 71).

²⁶ «Устав о службе гражданской», ст. 286, 301, 305, 342, 343, 346.

²⁷ ПСЗ, II, т. IX, № 7224.

²⁸ ЦГИА, ф. Департамента законов Государственного совета за 1856 г., д. 32, л. 211—212.

²⁹ ПСЗ, II, т. XXXI, № 31237.

³⁰ Там же.

³¹ ПСЗ, I, т. VI, № 3890; «Свод законов», т. IX. Законы о состоянии. СПб., 1832, ст. 16, 27.

³² ЦГИА, ф. Государственного совета. Бумаги, оставшиеся после умерших председателей и членов Государственного совета, оп. 1, т. XVI, д. 12, л. 9—12.

³³ ПСЗ, I, т. XXIII, № 16930. «О правилах производства в статские чины». В законе говорилось: «К ободрению людей, достойных и способных, и дабы не заградить таковым пути к преимущественному перед прочими возвышению по представлению их начальства давать чины тем из удостоенных, кто не менее трех лет «в одном чине действительно служит, разумея до VIII класса»».

³⁴ ПСЗ, I, т. XXV, № 19159. Закон 19 октября «О порядке представления в чины за выслугу лет и за отличия».

³⁵ ЦГИА, ф. Государственного совета. Бумаги, оставшиеся после умерших председателей и членов Государственного Совета, оп. 1, т. XVI, д. 12, л. 13.

³⁶ Там же, л. 14.

³⁷ Там же, л. 16.

³⁸ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. VIII, л. 207, запись 6 августа 1845 г.

³⁹ ЦГИА, ф. Департамента законов Государственного совета за 1845 г., оп. т. 3, д. 37.

⁴⁰ ПСЗ, II, т. XX, № 19086, отд. 1.

⁴¹ ЦГИА, ф. Департамента законов Государственного совета за 1856 г., т. V, д. 32, л. 243.

⁴² ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Николаевича, оп. 1, д. 599, л. 15.

⁴³ ПСЗ, III, т. XX, № 18681.

⁴⁴ Б. Б. Дубенцов. Указ. ст.— «Социально-политическая история СССР». М.—Л., 1974, стр. 104—131.

⁴⁵ ЦГИА, ф. Департамента законов Государственного совета за 1830 г., оп. 2, д. 48-а, л. 52, 233. Выписка из журнала заседания общего собрания Государственного совета от 26 марта 1823 г.

⁴⁶ Обнаружить указанную записку не удалось.

⁴⁷ В списках дел Государственного совета материалов по обсуждению проекта Комитета 6 декабря не значится. Имеется лишь одно дело, касающееся этого вопроса, значащееся под 1829 г. по Департаменту законов,— д. 46 (оп. дел Государственного совета, т. I) «О присвоении должностям классов», начатое в 1826 г., на 22 листах.

⁴⁸ В фондах ЦГИА материалов означенного комитета не числится. По-видимому, дела не сохранились.

⁴⁹ ЦГИА, ф. Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской и других относящихся до сей службы постановлений, № 1200, оп. т. XVI дел Государственного совета, д. 1, ч. 2, л. 117.

⁵⁰ Там же, л. 202.

⁵¹ Там же, л. 283.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 117, 118.

⁵⁴ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 4, д. 148, 150, л. 6.

⁵⁵ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. т. XVI дел Государственного совета, дела отделения Департамента законов за 1885 г., д. 6, л. 8.

⁵⁶ Там же, л. 15.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 4, д. 14815. Журнал заседаний № 2—4.

⁵⁸ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. т. XVI дел Государственного совета, дела отделения Департамента законов за 1885 г., д. 6, л. 166, 184, 290.

⁵⁹ Там же, л. 300.

⁶⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 466, 467.

⁶¹ Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в России в конце XIX в. Л., 1973, стр. 349.

⁶² ЦГИА, ф. Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской, оп. т. XVI дел Государственного Совета, д. 1, ч. I, л. 67, 68.

⁶³ Там же, ч. II, л. 2.

⁶⁴ Там же, л. 8.

⁶⁵ Там же, ч. I, л. 71—72.

⁶⁶ Там же, л. 71, 72.

⁶⁷ Там же, ч. II, л. 7, 4.

⁶⁸ «Свод военных постановлений 1869 г.», т. VI, стр. 20.

⁶⁹ ЦГИА, ф. Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской, оп. т. XVI дел Государственного совета, д. 1, ч. I, л. 74.

⁷⁰ ПСЗ, III, т. XXVI, № 28393.

⁷¹ «Свод законов Российской империи», т. 3. СПб., 1832, кн. 2. Устав о службе по выборам, ст. 729, 750.

⁷² Там же, ст. 770, 855, 856.

⁷³ П. А. Зайончковский. Судебные и административные преобразования в Прибалтийских губерниях.— «Проблемы общественной мысли и экономической политики России в XIX—XX вв.». Сб. ст. Л., 1972.

⁷⁴ ПСЗ, II, т. XXXVII, II отд., № 39087.

⁷⁵ ПСЗ, II, т. XXXIX, II отд., № 41475.

⁷⁶ ПСЗ, II, т. XXI, II отд., № 30401.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 1—7, л. 16—17. Черновой экземпляр без подписи и даты, относится к 1856 г.

⁷⁸ Там же, л. 1, 2.

⁷⁹ Там же, л. 2, 22, 26.

⁸⁰ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 2, д. 1817, ч. IX, л. 121—122.

⁸¹ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 4, д. 14940, л. 6.

⁸² ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 21.

⁸³ Там же, ч. 181, л. 3—4.

⁸⁴ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии № 1162, оп. т. XVI дел Государственного совета, дела отделения государственного секретаря за 1895 г., д. 17, л. 17, 18.

⁸⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, журнал за апрель 1858 г., д. 2681, ст. 263, л. 484, 528.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. А. А. Половцова, д. 47, л. 40.

⁸⁷ ПСЗ, III, т. XIV, № 10578.

⁸⁸ ЦГИА, ф. Н. В. Муравьева, оп. 2, д. 3, л. 2, 4, 1.

⁸⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева К—11, л. 322.

⁹⁰ ПСЗ, III, т. XIV, № 10857.

⁹¹ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. т. XVI дел Государственного совета, дела отделения Государственного секретаря за 1895 г., д. 17, л. 2.

Записка печатная, без подписи. Представляется бесспорным, что она составлена в с. е. и. в. Канцелярии, т. е. органе, в состав которого входил Инспекторский отдел.

⁹² Там же, л. 6.

⁹³ Там же, л. 22.

⁹⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева К—12, л. 22.

⁹⁵ ПСЗ, III, т. XV, № 11919. «Об изменении и дополнении действующих законоположений об инспекторской части гражданского ведомства».

⁹⁶ С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии, стр. 173.

⁹⁷ Библиотека ЦГИА. «Список состоящих в статской службе чинов первых восьми классов на 1796 год», без титула.

⁹⁸ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 86. Перечневая ведомость о состоящих на службе гражданских чинах на 1847 г., прил. А, л. 22—24.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, ч. 621. Приложение к отчету Инспекторского департамента гражданского ведомства за 1857 г. Перечневая ведомость о числе состоящих на службе гражданских чинов с подразделением на ведомства и классы.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, т. 54. СПб., 1899, стр. 92.

¹⁰³ См. государственную роспись за соответствующие годы. Первый год опубликования росписи доходов и расходов.

¹⁰⁴ «Столетие Министерства финансов (1802—1902)», ч. 2. СПб., 1902, стр. 330.

¹⁰⁵ «Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о зем[ских] участк[овых] нач[альниках]. 12 июля 1889 г.». СПб., 1903.

¹⁰⁶ «Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям ежегодно с начала 80-х годов».

¹⁰⁷ «Список гражданским чинам первых четырех классов», ч. I—II. СПб., 1903. Исправлено на 1 августа 1903 г.

¹⁰⁸ Из автобиографических записок А. Д. Боровкова.—«Русская старина», 1898, т. 96, кн. 11, стр. 353—361. Цит. по: И. М. Катаев. Дореформенная бюрократия. СПб., [б./г.], стр. 88—89.

¹⁰⁹ «Русская старина», 1899, кн. IV, стр. 60.

¹¹⁰ «Русский вестник», 1876, № 7, стр. 114.

¹¹¹ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. 3, стр. 23.

¹¹² ПСЗ, I, № 19763, т. XLIV, ч. II.

¹¹³ «Русский архив», 1878, кн. I, стр. 37; «Русский вестник», 1876, кн. 7, стр. 114.

¹¹⁴ ПСЗ, II, т. XX, ч. 2, № 18580.

¹¹⁵ «Список гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.», ч. II, стр. 337, 305, 385; ч. XXI, стр. 108, 129.

¹¹⁶ Там же, ч. II, стр. 495.

¹¹⁷ ПСЗ, II, т. XX, ч. 2, № 18580.

¹¹⁸ Отдел рукописей ГПБ, Ф-IV, д. 861, л. 286—297.

- ¹¹⁹ «Список гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.», ч. II, стр. 269.
- ¹²⁰ «Список гражданским чинам пятого класса на 1854 г.», ч. II, стр. 256, 148, 260, 347, 363.
- ¹²¹ Там же, стр. 367, 71, 107, 130, 195, 132.
- ¹²² ПСЗ, I, № 20520, 22582, 25547, 19 ноября 1802 г., т. XLIV, ч. II.
- ¹²³ «Русская старина», 1884, кн. 10, стр. 162.
- ¹²⁴ «Список гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.», ч. I, стр. 92, 90, 89.
- ¹²⁵ Там же, стр. 216—32, 1.
- ¹²⁶ Там же, стр. 14, 22, 77.
- ¹²⁷ Там же, стр. 74, 64, 79, 102, 103, 193.
- ¹²⁸ Там же, ч. II, стр. 112, 128, 190.
- ¹²⁹ Там же, стр. 152, 664; ч. I, стр. 194, 207, 132.
- ¹³⁰ «Экономический указатель» (вып. 11), 16 марта 1857 г.
- ¹³¹ Отдел рукописей ГПБ, ф. А. И. Артемьева, д. 160, л. 75.
- ¹³² Отдел рукописей ГПБ, ф. А. И. Артемьева, д. 161, л. 26—27. Запись 1 июля 1857 г.
- ¹³³ Там же, л. 1.
- ¹³⁴ «Юбилейный сборник г. Кишинева. 1812—1912», ч. I. [Б./м.], 1914, стр. 179.
- ¹³⁵ Л. Александров. Внешняя жизнь в Вологде (Из воспоминаний о 70—80 годах в Вологде).— «Светоч и дневник писателя», 1910, № 4, стр. 104—105.
- ¹³⁶ М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 3. Капиталистическая Россия. М., 1926, стр. 134, 135.
- ¹³⁷ В. Голубев. Как живут и работают наши книгопечатники.— «Русская мысль», 1903, кн. 1. Цит. по: М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 3, стр. 137.
- ¹³⁸ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. т. XVI дел Государственного совета, дела отделения Департамента законов за 1885 г., д. 6, л. 12—13.
- ¹³⁹ «Список гражданским чинам первых трех классов на 15 октября 1878 г.», ч. I, стр. 16, 88, 89, 87, 238, 224.
- ¹⁴⁰ «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.», ч. I, стр. 2, 29, 6.
- ¹⁴¹ «Список гражданским чинам первых трех классов на 15 октября 1878 г.», ч. I, стр. 339.
- ¹⁴² ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. т. XVI дел Государственного совета, дела отделения Департамента законов за 1885 г., д. 6; ф. Министерства финансов, л. 60—88; ф. Министерства внутренних дел, л. 89—146 (далее — «Сведения о должностях всех классов...»).
- ¹⁴³ «Список гражданским чинам первых трех классов на 15 октября 1878 г.», ч. I, стр. 2—25, 27; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.», ч. I, стр. 116.
- ¹⁴⁴ «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.», ч. I, стр. 514, 581.
- ¹⁴⁵ ПСЗ, III, т. XXIII, № 22455 (прил.).
- ¹⁴⁶ «Сведения о должностях всех классов...» за 1884 и 1903 гг. СПб.
- ¹⁴⁷ Там же, стр. 272, 207; «Памятная книжка Ломжинской губернии на 1900 г.», Ломжа, 1900, стр. 95.
- ¹⁴⁸ «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.»,

ч. I, стр. 199, 341; «Памятная книжка Ломжинской губернии на 1900 г.», стр. 96, 97, 103.

¹⁴⁹ ПСЗ, III, т. XVII, № 13618 (прил.).

¹⁵⁰ ПСЗ, III, т. XX, № 18803 (прил.).

¹⁵¹ «Памятная книжка Ломжинской губернии на 1900 г.», стр. 158—159; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.», ч. II, стр. 1591, 1723.

¹⁵² ПСЗ, III, т. XVI, № 13584; «Памятная книжка Ломжинской губернии на 1900 г.», стр. 105, 109, 113, 120, 147—150.

¹⁵³ «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.», ч. II, стр. 319, 465, 136, 152, 1673, 1609, 1408.

¹⁵⁴ «Список гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.». Исправлен на 20 декабря 1853 г. СПб., 1853; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1878 г.», ч. I. Исправлен на 15 октября 1878 г.; ч. II. Исправлен на 1 марта 1878 г. СПб., 1878; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1902 г.», ч. I—II. Исправлен на 20 февраля. СПб., 1902; «Список гражданским чинам пятого класса на 1854 г.». Исправлен на 20 декабря. СПб., 1854; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1903 г.», ч. I—II. Исправлен на 1 августа 1903 г. СПб., 1903 (в этом списке данные об имущественном положении отсутствуют).

¹⁵⁵ «Список гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.». Исправлен на 20 декабря 1853 г. СПб., 1853; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1878 г.». Исправлен на 1 июня 1878 г. СПб., 1878; «Список гражданским чинам первых трех классов на 1903 г.». Исправлен на 1 августа 1903 г., ч. I. СПб., 1903.

¹⁵⁶ «Список гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.», ч. I—II. Исправлен на 20 декабря 1853 г. СПб., 1853.

¹⁵⁷ Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, ф. А. И. Куломзина, карт. 9803, д. 4, л. 31.

¹⁵⁸ ЦГИА, ф. Комитета министров, оп. 1, д. 3360. Приложение к журналу за ноябрь 1868 г., ст. 682; д. 3359, ст. 682.

¹⁵⁹ «Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820—1870», т. 2. М.—Л., 1930, стр. 407. Одним из компаньонов главы этого общества Рябинина был нижегородский полицмейстер Лаппо.

¹⁶⁰ Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, ф. А. И. Куломзина, карт. 9803, д. 4, л. 31.

¹⁶¹ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, ф-IV, д. 861, л. 685—686.

¹⁶² ЦГИА, ф. Комитета министров, оп. 1, д. 4407, ст. 848, л. 386—387.

¹⁶³ ПСЗ, III, т. IV, № 2559. Предложение Шестакова о внесении в закон пункта, запрещающего принимать участие в деятельности акционерных обществ женам, детям и родственникам сановников, учтено не было.

¹⁶⁴ ЦГИА, ф. Комитета министров, оп. 1, д. 4407, ст. 848, л. 391.

¹⁶⁵ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономии, оп. т. XI за 1889 г., д. 19, л. 20.

¹⁶⁶ ПСЗ, III, т. IX, № 5131.

¹⁶⁷ «Проблемы отечественной истории», ч. II. М.—Л., 1976, стр. 202—220.

¹⁶⁸ ПСЗ, III, т. XIV, № 11155.

¹ А. Е. Пресняков. Апогей самодержавия. Л., 1927, стр. 13—14.

² ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, № 728, оп. 1, д. 1817, ч. XI, л. 264, запись 20 октября 1848 г.

³ А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 182.

⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, карт. 13, д. 1, л. 102.

⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, карт. 2, д. 1, ч. 3, л. 241; ч. 2, карт. 1, д. 2, л. 83; ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XI, записи за 9, 20 марта 1848 г.

⁶ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XII, л. 118—119, запись 2 мая 1849 г.

⁷ А. Ф. Кони. Собр. соч. в 8-ми т., т. 7. М., 1969, стр. 45.

⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, карт. 2, д. 1, ч. 3, л. 242.

⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, карт. 12, д. 4, л. 68; карт. 1, д. 14, л. 46.

¹⁰ ПСЗ, II, т. I, № 403, ст. 151.

¹¹ ПСЗ, II, т. III, № 1949, ст. 6.

¹² «Сон юности. Записки дочери императора Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской». Париж, 1963, стр. 143.

¹³ М. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII—первой половине XIX в., т. 2. СПб., 1888, стр. 1891.

¹⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1949, стр. 867—868.

¹⁵ ПСЗ, II, т. XII, № 10834.

¹⁶ «Крестьянское движение в 1827—1869 гг.», вып. 1. М., 1931, стр. 53.

¹⁷ «Русская старина», 1898, № 9. Цит. по: И. М. Катаев. Дореформенная бюрократия. СПб., [б./г.], стр. 92.

¹⁸ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1848 г., д. 107, л. 31.

¹⁹ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, отд. Государственного секретаря, 1853 г., д. 5, л. 3.

²⁰ Е. В. Тарле. Крымская война, т. 1. М.—Л., 1944, стр. 48—49.

²¹ «Сборник Русского исторического общества» (далее — «Сборник РИО»), т. 98. Материалы и черты к биографии Николая I и к истории его царствования. СПб., 1896, стр. 299, 328, 326, 332.

²² Там же, стр. 330.

²³ Там же, стр. 450.

²⁴ Там же, стр. 533—554; «Эпоха Николая I». М., 1910, стр. 173.

²⁵ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. I, стр. 133, запись 8 октября.

²⁶ «Исторический вестник», 1908, № 2, стр. 447; «Русская старина», 1883, № 8, стр. 388—389.

²⁷ «Русская старина», 1883, № 8, стр. 389.

²⁸ «Исторический вестник», 1908, № 6, стр. 829; «Русский архив», 1888, № 4, стр. 618.

²⁹ «Исторический вестник», 1908, № 6, стр. 830.

³⁰ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XII, л. 50.

³¹ «Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона Де-Брэ. 1849—1852)». — «Русская старина», 1902, № 1, стр. 135.

³² «Записки С. М. Соловьева». Пг., [б./г.], стр. 58—59.

³³ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, д. 1817, ч. XII, л. 45—46.

³⁴ Там же, л. 264, запись 20 октября 1849 г.

³⁵ «Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона Де-Брэ. 1849—1852)». — «Русская старина», 1902, № 1, стр. 132; «Записки С. М. Соловьева», стр. 128.

³⁶ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XIII, л. 44—45, запись 12 февраля 1850 г.

³⁷ «Русский архив», 1888, № 3, стр. 625—626.

³⁸ «Вестник Европы», 1894, № 4, стр. 699.

³⁹ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, д. 1817, оп. 1, ч. XIII, л. 33, запись 2 февраля 1850 г.

⁴⁰ «Записка сенатора К. И. Фишера». — «Исторический вестник», 1908, № 5, стр. 434.

⁴¹ «Русская старина», 1902, № 1, стр. 129; «Русский архив», 1888, № 4, стр. 625.

⁴² ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, д. 1817, ч. XI, л. 298, запись 25 ноября 1848 г.; ч. XII, л. 122—123, запись 5 мая 1849 г.; л. 210.

⁴³ «Русская старина», 1902, № 1, стр. 128.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XII, л. 35, запись 30 января 1849 г.

⁴⁵ А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. II. Изд. Румянцевского музея, [б./г.], стр. 10; «Исторический вестник», 1908, № 8, стр. 431.

⁴⁶ «Исторический вестник», 1908, № 5, стр. 446, 458.

⁴⁷ А. И. Дельвиг. Мои воспоминаия, т. II, стр. 8; «Русская старина», 1902, № 1, стр. 133.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XII, л. 97 об.—98, запись 10 апреля 1849 г.

⁴⁹ «Записка сенатора В. И. Дена». — «Русская старина», 1890, № 5, стр. 301; «Исторический вестник», 1908, № 8, стр. 430.

⁵⁰ О П. Д. Киселеве см.: А. П. Заблоцкий-Десятовский. Гр. П. Д. Киселев и его время, т. I—IV. СПб., 1882.

⁵¹ «Русская старина», 1902, № 1, стр. 131.

⁵² «Исторический вестник», 1908, № 5, стр. 432.

⁵³ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, д. 1817, ч. XI, л. 167, запись 31 марта 1848 г.

⁵⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, карт. 1, д. 2, ч. 2, л. 65.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца оп. 1, д. 1817, ч. XI, л. 162, запись 20 февраля 1848 г.

⁵⁶ «Русская старина», 1902, № 1, стр. 124—125.

⁵⁷ «Исторический вестник», 1908, № 3, стр. 809.

⁵⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, карт. 13, д. 1, л. 100—101.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца (№ 728), оп. 1, д. 1817, ч. X, л. 257, запись 24 сентября 1847 г.

⁶⁰ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии (№ 1162), оп. 6.

⁶¹ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, т. IX, л. 301, запись 30 ноября 1848 г.

⁶² Там же, ч. XI, л. 301.

⁶³ ЦГИА, ф. Государственной канцелярии, оп. 6, д. 360, 386, 232, 412, 231, 48.

⁶⁴ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. II, ч. I. СПб., 1902, стр. 49.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1615, л. 2—3. Эта записка введена в научный оборот С. В. Мироненко.

⁶⁶ «История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911», т. 3. СПб., 1912, стр. 264.

⁶⁷ «В Правительственном Сенате. 1840—1852. Воспоминания И. Бочарова».—«Русская старина», 1884, № 10, стр. 166, 163. В 1851 г., по данным «Адрес-календаря», надворный советник И. В. Бочаров служил обер-секретарем в пятом уголовном департаменте Сената.

⁶⁸ Н. Берви-Флеровский. Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. Воспоминания. [Лондон], 1897, стр. 23.

⁶⁹ Сведения о возрасте сенаторов, формулярные списки которых не сохранились, приводятся по данным «Истории Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911», т. V. СПб., 1912. Список сенаторов 22 февраля 1711 г.—15 января 1911 г., стр. 111—161.

⁷⁰ «Русская старина», 1874, № 11, стр. 457—458.

⁷¹ Формулярные списки чиновников находятся в ЦГИА в фонде коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства (ф. 1349, оп. 3, 5, 6); списки военных чинов — в Центральном государственном военно-историческом архиве в фонде коллекции послужных списков. Наконец, данные о лицах, принадлежавших к Морскому ведомству, хранятся в Центральном военно-морском архиве в фонде коллекции формулярных и послужных списков чинов Морского ведомства (ф. 406).

Глава III

¹ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 290.

² Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, д. 2775, л. 72.

³ ПСЗ, II, т. XII, № 10303.

⁴ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XII, л. 24.

⁵ «Колокол», 1 ноября 1857 г. (л. 5), стр. 36.

⁶ Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, д. 3196, л. 151.

⁷ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, д. 1817, ч. XI, л. 109; «Русский архив», 1883, № 4, стр. 617—618; Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, карт. 10, д. 26, л. 86.

⁸ Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, д. 3196, л. 146 (воспоминания Н. П. Боголюбова «Из виденного, слышанного и испытанного»); ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, л. 14.

⁹ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1840 г., д. 25, л. 25, 16.

¹⁰ Там же, л. 17.

¹¹ ЦГИА, ф. Комитета министров № 1263. Приложение к журналу Комитета министров за май 1847 г., ч. III, д. 1869, л. 701.

¹² Там же, л. 706, 708.

¹³ Там же, д. 1861, л. 582—583.

- ¹⁴ Там же, л. 585.
- ¹⁵ «Русский архив», 1916, № 1—3, стр. 218—220.
- ¹⁶ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 28, л. 2; ч. 49, л. 2.
- ¹⁷ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1956, стр. 253.
- ¹⁸ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 301.
- ¹⁹ Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, д. 3196, л. 153.
- ²⁰ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 301.
- ²¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, карт. 1, д. 2, ч. II, л. 19; «Записки И. В. Селиванова». — «Русская старина», 1880, № 6. Цит. по: «Эпоха Николая I», стр. 41.
- ²² Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, д. 196, л. 164.
- ²³ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 287.
- ²⁴ Отдел рукописей ГБЛ. Музейное собрание, д. 196, л. 164.
- ²⁵ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 35, л. 13.
- ²⁶ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1845 г., д. 95, л. 7.
- ²⁷ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 1776, л. 247—266.
- ²⁸ ЦГАОР, ф. Собрания рукописей библиотеки Зимнего дворца, д. 1817, ч. IX, л. 66—67. На полях листа 67 имеется следующая запись «Действительно через какой-нибудь год [его] назначили комендантом на Аландские острова, что, конечно, походило на плохую шутку, но в 1849 году его перевели оттуда комендантом в Брест-Литовск... что несравненно лучше».
- ²⁹ «Русская старина», 1897, № 9, стр. 655—656.
- ³⁰ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1853 г., д. 308, л. 12, 10.
- ³¹ Там же, л. 8—9.
- ³² «Русский архив», 1888, № 1, стр. 485. Эта характеристика относится к концу 40-х — началу 50-х годов.
- ³³ О А. А. Панчулидзева см. воспоминания И. В. Селиванова, местного пензенского помещика, служившего по выборам уездным судьей («Из записок И. В. Селиванова». — «Русская старина», 1880, № 7). О нем же рассказывает Н. П. Огарев в воспоминаниях «Кавказские воды», характеризуя его управление как «разбойничье-отеческое» («Полярная звезда», кн. VI, стр. 338). Надо заметить, что Панчулидзев и у Огарева «одолжил» 5 тыс. руб.
- ³⁴ «Колокол», 1 ноября 1858 г. (л. 27), стр. 221.
- ³⁵ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 33, л. 70.
- ³⁶ Там же, л. 72.
- ³⁷ Об этом см. также: «Колокол», 1 ноября 1858 г. (л. 27).
- ³⁸ Указ. соч., т. II. Берлин, 1861, стр. 462.
- ³⁹ «Свод законов Российской империи». Изд. 1857 г., т. II, ч. I, ст. 750.
- ⁴⁰ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 6, л. 21.
- ⁴¹ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1853 г., д. 308, л. 10.
- ⁴² Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 256.
- ⁴³ «Свод законов Российской империи». Изд. 1857 г., т. II, ч. I, ст. 1018, 1017.
- ⁴⁴ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 28, л. 6.
- ⁴⁵ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 288.
- ⁴⁶ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 28, л. 7.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 1, л. 560.

⁴⁸ «Список гражданским чинам пятого класса на 1854 г.». Исправлен на 20 декабря 1854 г. СПб., 1854, стр. 476, 533.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 28, л. 7—8.

⁵⁰ Там же, ч. 20, л. 53.

⁵¹ Отдел рукописей ГПБ, ф. М. П. Веселовского, Ф-IV, д. 861, л. 288.

⁵² «Свод учреждений государственных и губернских», ч. 2. СПб., 1842, ст. 2300, 2325.

⁵³ Там же, ст. 2305, 2331.

⁵⁴ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова». — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 530.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 7, л. 5; ч. 6, л. 1; ч. 26, л. 10.

⁵⁶ «Казанская старина. Из воспоминаний И. И. Михайлова». — «Русская старина», 1899, № 10, стр. 105.

⁵⁷ А. Ф. Кони. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914, стр. 3.

⁵⁸ «Свод законов Российской империи», т. II, изд. 1832, 1842, 1857 гг.

⁵⁹ «Русская старина», 1899, № 6, стр. 498.

⁶⁰ Как указывается в послужном списке председателя самарской палаты гражданского суда И. Я. Билибина, «за родителями его в Калужской губернии разное недвижимое имение, какое же оно, о том нет верных данных» (ЦГИА. Коллекция формулярных списков, ф. 1349, оп. 5, д. 3443).

⁶¹ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова». — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 521.

⁶² ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 246, ч. 6, л. 52, 6, 3; ч. 35, л. 17.

⁶³ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова». — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 522, 516.

⁶⁴ А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. М., 1969, стр. 136.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., 1844 г., д. 247, ч. 36, л. 31, 34, 37, 40.

⁶⁶ ЦГИА, ф. 1. Отделение с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 349, прил. 2.

⁶⁷ В. А. Арцимович. Воспоминания-характеристики. СПб., 1904, стр. 34.

Глава IV

¹ М. П. Погодин. Историко-политические письма и записка о продолжении Крымской войны 1853—1856 гг. М., 1874, стр. 259—260, 284, 286—287.

² «Ранние славянофилы». Сб. М., 1910, стр. 90.

³ «Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел». В 2-х т., т. 1. М., 1961, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник, т. 1. М., 1928, стр. 98.

⁶ Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, карт. 2, д. 1, ч. 3, л. 231.

⁷ ЦГАОР, ф. Александра II, оп. 1, д. 307, л. 8—16.

⁸ «Литературное наследство», 1959, т. 67, стр. 607; *Е. М. Феоктистов*. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 гг. Воспоминания. Л., 1929, стр. 89 (пер. с франц.).

⁹ *А. Ф. Тютчева*. При дворе двух императоров, т. 1, стр. 82; *П. А. Валув*. Дневник 1877—1884 гг. Пгр., 1919, стр. 192.

¹⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. М., 1966, стр. 446, запись 25 октября 1886 г.; стр. 376, запись 7 января 1886 г.

¹¹ *Е. М. Феоктистов*. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 гг., стр. 348; *Б. Н. Чичерин*. Земство и Городская дума. Воспоминания. М., 1934, стр. 117.

¹² *Б. Н. Чичерин*. Земство и Городская дума, стр. 117.

¹³ *Д. А. Милютин*. Дневник (1873—1882 гг.), т. 1. М., 1947, стр. 162—163.

¹⁴ *А. И. Дельвиг*. Полвека русской жизни. 1820—1870. Воспоминания, т. II. М.—Л., 1930, стр. 461.

¹⁵ *Е. М. Феоктистов*. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 гг., стр. 311, 312.

¹⁶ *П. А. Зайончковский*. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 45, 61.

¹⁷ «Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел», т. 1, стр. 72—73; ЦГАОР, ф. Александра II, д. 315, запись 19 февраля 1861 г.

¹⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

¹⁹ О Д. А. Милютине см.: *П. А. Зайончковский*. Д. А. Милютин.—*Д. А. Милютин*. Дневник (1873—1882 гг.), т. 1. М., 1947.

²⁰ Позиция Н. А. Милютина в крестьянском вопросе подробно освещена в статье Л. Г. Захаровой «Правительственная программа отмены крепостного права в России» («История СССР», 1975, № 2).

²¹ Цит. по: *А. К. Дживилегов*. Николай Алексеевич Милютин.—«Великая реформа», [б./г.], т. V, стр. 73.

²² Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, карт. 1, д. 2, л. 9; карт. 2, д. 1, ч. 3, л. 74.

²³ *Д. А. Милютин*. Дневник (1873—1882 гг.), т. 1, стр. 70.

²⁴ Подробнее см.: *П. А. Зайончковский*. П. А. Валув.—«Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел», т. 1. М., 1961.

²⁵ *А. Ф. Кони*. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914, стр. 1—75.

²⁶ «Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел», т. 1, стр. 241, запись 1 августа 1865 г.

²⁷ Его характеристику см.: *П. А. Зайончковский*. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, стр. 60—65.

²⁸ «Дневник Е. А. Перетца». М.—Л., 1927, стр. 142; Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, карт. 11, д. 24, л. 2.

²⁹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. М., 1966, стр. 87.

³⁰ *Ф. И. Тютчев*. Полн. собр. соч., т. 2. Л., 1934, стр. 205.

³¹ *Д. А. Милютин*. Дневник (1873—1882 гг.), т. 1, стр. 119, запись 31 декабря 1873 г.

³² Там же, стр. 160, запись 8 июля 1874 г.

³³ Внутренняя политика самодержавия в 70-х годах XIX в. исследована в докторской диссертации И. В. Оржеховского «Внутренняя политика самодержавия в 60—70-е годы» (Горький, 1974).

³⁴ ПСЗ, III, т. 1, № 118.

³⁵ Характеристики Александра III, его окружения и внутренней политики в 80-е годы и в начале 90-х годов см.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 70—80-х годов XIX в. М., 1964; *его же*. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

³⁶ А. Блок. Собр. соч. в 8-ми т., т. 3. М.—Л., 1960, стр. 328.

³⁷ Дневник А. А. Половцова.—«Красный архив», 1931, т. 3 (46), стр. 131.

³⁸ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 378—379.

³⁹ «Дневник Е. А. Перетца», стр. 134—135, запись 18 мая 1882 г.

⁴⁰ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 гг., стр. 257.

⁴¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1, стр. 78—79, запись 13 апреля 1883 г.

⁴² Там же, стр. 79.

⁴³ Д. А. Милютин. Дневник (1873—1882 гг.), т. 2. М., 1948, стр. 260.

⁴⁴ П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия, стр. 80. Подробнее об Анастасьеве см. там же.

⁴⁵ «Опись дел архива Государственного совета», т. IV (1850—1856 гг.). СПб., 1910.

⁴⁶ Там же, т. XII (1895—1899 гг.). Пгр., 1914.

⁴⁷ По данным И. В. Оржиховского, в 1879 г. число членов Государственного совета составляло 72 человека (И. В. Оржиховский. Внутренняя политика самодержавия в 60—70-е годы, стр. 37).

⁴⁸ «Дневник Е. А. Перетца», стр. 135.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. А. А. Половцова, д. 7, л. 88. Цит. по: И. В. Оржиховский. Внутренняя политика самодержавия в 60—70-е годы, стр. 31—32.

⁵⁰ П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия, стр. 104, 105.

⁵¹ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 303—304.

⁵² И. В. Оржиховский. Внутренняя политика самодержавия в 60—70-е годы, стр. 52.

⁵³ Там же, стр. 53.

⁵⁴ Дворжецкий-Богданович. Воспоминания о Дене.—«Киевская старина», 1889, № 7, стр. 275.

⁵⁵ «Воспоминания Ф. Я. Лучинского». — «Русская старина», 1897, № 9, стр. 656.

⁵⁶ «Русский архив», 1885, № 12, стр. 545.

⁵⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, карт. 11, д. 17, л. 10.

⁵⁸ ПСЗ, II, т. XLI, № 13501.

⁵⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, карт. 11, д. 17, л. 8—9.

⁶⁰ «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. III, ч. 1, стр. 144.

⁶¹ ПСЗ, III, т. 1, № 350.

⁶² Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, карт. 11, л. 315.

⁶³ В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля. Пгр., 1916, стр. 92—93.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. ДП, 3 д-во, 1883 г., д. 152, л. 1—44. Политические обзоры губернских начальников губернских жандармских управлений.

⁶⁵ И. В. Оржиховский. Внутренняя политика самодержавия в 60—70-е годы, стр. 81.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

Заключение

¹ Данные о численности населения по ревизиям и переписи 1897 г. взяты из статьи «Россия» (Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, т. 54. СПб., 1839, стр. 75).

² ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Николаевича, оп. 1, д. 599, л. 15.

³ Там же.

⁴ О Филиппе подробнее см.: П. А. Зайончковский. Самодержавие и русская армия. М., 1973, стр. 45—46.

Библиография

Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма.— Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 5, с. 21—72.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.— Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39, с. 64—87.

Законодательные источники

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 1—15. СПб., 1832.

Т. 1. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. 1061 с.

Т. 2. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. 1037 с.

Т. 3. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. 575 с.

Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве. 447 с.

Впоследствии т. 1, 2, 3 и 9-й «Свода» неоднократно переиздавались целиком, частями, отдельными положениями. Подробную роспись см. в кн.: «Справочники по истории дореволюционной России». Изд. 2-е. М., 1978.

Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя бы и старее, кто в каком классе пожалован был.— Полн. собр. законов. Собр. 1, № 3890.

Источники справочного характера

Список гражданским чинам первых четырех классов... (1842—1845, 1851—1916 гг.). СПб., 1842—1916.

Сообщаются сведения о прохождении службы, размере жалованья, имущественном положении.

Список гражданским чинам первых трех классов... (1855—1916 гг.). СПб., 1855—1916.

Приводятся данные о прохождении службы, размере жалованья, имущественном положении.

Более подробные сведения о составе местной администрации содержатся в губернских памятных книжках. См. «Справочники по истории дореволюционной России». М., 1971.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на.. (1765—1916 гг.). В 2-х ч. СПб., 1765—1916.

Данные о начальствующих лицах по всем ведомствам за период с начала XVIII в. до 1917 г. с указанием всех происходивших изменений в структуре этих ведомств. [Б. м. и б. г.].

Общее расписание классных должностей в империи. Т. 1—4. СПб., 1900—1910. Т. 3— в 3-х ч., т. 4— в 4-х ч.

Описание формы одежды чинам гражданского ведомства и правила ношения сей формы. СПб., 1856.

Памятная книжка Ломжинской губернии на 1900 г. Ломжа, 1900.

Приводятся данные о размере получаемого чиновниками жалованья.

Полянский А. М. Одежда гражданских чинов всех ведомств и учреждений. М., 1898.

Ратынский Н. А. Двор и правительство в России 100 лет назад. Историческая справка.—«Русский архив», 1886, № 2, с. 149—176.

Справочники по истории дореволюционной России. Библиография. М., 1971.

Дневники и воспоминания

Андреевский Е. К. Особые взгляды (Из воспоминаний о П. П. Косаговым).—«Русская старина», 1908, т. 133, № 2, с. 469—476; № 3, с. 547—552.

Бенкендорф А. Х. Из записок гр. Бенкендорфа.—«Русский архив», 1865, № 2, с. 129—140; «Русская старина», 1896, кн. 6, с. 471—510; кн. 7, с. 3—27; кн. 10, с. 65—96; 1898, кн. 2, с. 281—295; «Исторический вестник», 1903, кн. 1, с. 37—65; кн. 2, с. 447—469.

Берви-Флеровский Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. [Лондон], 1897.

Боровков А. Д. Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. Сообщение И. А. Боровкова.—«Русская старина», 1898, т. 95, кн. 9, с. 533—564; т. 96, кн. 10, с. 41—63; кн. 11, с. 331—362; кн. 12, с. 591—616.

Бородкин М. М. Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. СПб., 1912.

Бочаров И. В. В Правительствующем Сенате в 1840—1852 гг. Рассказ Ивана Бочарова.— «Русская старина», 1884, т. 44, № 10, с. 145—170.

Брэ О. де. Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона Де-Брэ. 1849—1852).— «Русская старина», 1902, т. 109, № 1, с. 115—139.

Бутурлин М. Д. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина.— «Русский архив», 1897, кн. 1, вып. 2, с. 213—247; вып. 3, с. 396—444; вып. 4, с. 579—652; кн. 2, вып. 5, с. 5—74; вып. 6, с. 177—256; вып. 7, с. 337—439; вып. 8, с. 529—601; кн. 3, вып. 9, с. 33—106; вып. 10, с. 237—282; вып. 11, с. 303—367; вып. 12, с. 512—597; 1898, кн. 1, вып. 1, с. 125—169; вып. 2, с. 239—276; вып. 3, с. 388—424; кн. 2, вып. 5, с. 5—40; вып. 6, с. 303—331; вып. 7, с. 406—444; вып. 8, с. 522—589; кн. 3, вып. 10, с. 153—222.

Валуев П. А. Дневник 1847—1860 гг.— «Русская старина», 1891, кн. 4, с. 167—182; кн. 5, с. 339—348; кн. 6, с. 603—616; кн. 7, с. 41—82; кн. 8, с. 365—378; кн. 9, с. 547—562; кн. 10, с. 139—154; кн. 11, с. 396—429.

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел (1861—1876 гг.). Из 2-х т. М., 1961.

Валуев П. А. Дневник. 1877—1884. Пг., 1919.

Вигель Ф. Ф. Записки... [Конец XVIII в.—1829 г.] Ч. 1—7. М., 1891—1893.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1 (1869—1894 гг.). М., 1960.

Вучетич Н. Г. Воспоминания о графе Н. А. Протасове-Бахмете-ве.— «Исторический вестник», 1908, т. III, № 2, с. 533—543.

Глориантов В. И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения.— «Русский архив», 1905, кн. 4, с. 662—674.

Градовский Г. К. Столичная бюрократия в 70-х годах (Из воспоминаний литератора).— «Вестник знания», 1909, № 3, с. 328—335; № 6, с. 751—757.

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. Тифлис, 1889.

Граф С. Г. Строганов и П. А. Тучков. 1864. Из записной книжки чиновника-москвича.— «Русский архив», 1905, кн. 1, вып. 1, с. 70—85.

Грот Константин Карлович, как государственный и общественный деятель (12 января 1815—30 октября 1897 г.). Материалы для его биографии и характеристики. К 100-летию со дня его рождения. Т. 1—3. Пг., 1915.

Дельвиц А. И. Мои воспоминания. Т. 1—4. М., 1912—1913.

Ден В. И. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена.— «Русская старина», 1890, т. 65, кн. 1, с. 55—90; кн. 2, с. 551—574; кн. 3, с. 655—680; т. 66, кн. 4, с. 49—71; кн. 5, с. 299—324; кн. 6, с. 577—608; т. 67, кн. 7, с. 161—194.

Ден В. И. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена. Родился 12-го июля 1823—умер 26 января 1888. Писаны в г. Козенице, 1868 и 1873. [СПб.], 1890.

Зосимович С. И. Записки акцизного чиновника. Жизнь и ее тернии (Биография). Одесса, 1911.

И. Ам. Патриархальный министр.— «Голос минувшего», 1916, № 7/8, с. 265—288 (воспоминания о И. Д. Делянове).

Изгоев С. Балтийская твердыня (Справка и личные воспоминания).— «Наша старина», 1965, № 9, с. 846—856.

- Кюстин Аде.* Николаевская Россия. Пер. с франц. Я. Гессена и А. Предтеченского. М., 1930.
- Колмаков Н. М.* Старый Суд. Воспоминания Н. М. Колмакова.— «Русская старина», 1886, т. 52, кн. 12, с. 511—544.
- Кони А. Ф.* Александр Алексеевич Боровиковский.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 158—165.
- Кони А. Ф.* Алексей Данилович Спасович.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 110—122.
- Кони А. Ф.* Граф Дмитрий Алексеевич Милютин.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 117—237.
- Кони А. Ф.* Дмитрий Алексеевич Ровинский.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 5—119.
- Кони А. Ф.* Граф М. Т. Лорис-Меликов.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 184—216.
- Кони А. Ф.* Князь А. И. Урусов и Ф. Н. Плевако.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 123—137.
- Кони А. Ф.* Николай II (Воспоминания).—Избр. соч. Т. 2. М., 1966, с. 377—389.
- Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914.
- Кони А. Ф.* Петр IV.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 278—287.
- Кони А. Ф.* Триумвиры.—Избр. соч. Т. 2. М., 1966, с. 253—358.
- Кони А. Ф.* Константин Константинович Арсеньев.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 128—157.
- Кони А. Ф.* С. А. Андриевский.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 166—183.
- Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте.—Избр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 238—277.
- Корф М. А.* Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа.— «Русская старина», 1899, т. 98, № 5, с. 371—395, № 6, с. 511—542; т. 99, № 7, с. 3—30, № 8, с. 271—295, № 9, с. 480—515; т. 100, № 10, с. 25—58, № 11, с. 267—299, № 12, с. 481—521; 1900, т. 101, № 1, с. 25—56, № 2, с. 317—354, № 3, с. 545—588; т. 102, № 4, с. 27—50, № 5, с. 261—292, № 6, с. 505—527; т. 103, № 7, с. 33—55; 1904, т. 117, № 1, с. 59—98, № 2, с. 275—302; т. 118, № 6, с. 545—568.
- Лебедев К. Н.* Из записок сенатора.— «Русский архив», 1888, кн. 1, № 3, с. 481—488, № 4, с. 617—628; кн. 2, № 5, с. 139—144, № 6, с. 232—243, № 7, с. 345—366; кн. 3, № 10, с. 249—270, № 11, с. 455—467; 1889, кн. 1, № 1, с. 142—152; 1893, кн. 1, № 3, с. 284—297, № 4, с. 337—339; 1897, кн. 2, № 8, с. 633—655; 1900, кн. 3, № 9, с. 55—70, № 10, с. 244—288; 1910, кн. 2, № 7, с. 333—408, № 8, с. 465—524; кн. 3, № 10, с. 183—253, № 11, с. 353—376, № 12, с. 542—583; 1911, кн. 1, № 1, с. 87—128, № 2, с. 216—234, № 3, с. 375—422, № 4, с. 534—566; кн. 2, № 5, с. 132—160, № 6, с. 224—260, № 7, с. 343—394, № 8, с. 465—511; кн. 3, № 9, с. 53—107, № 10, с. 191—217, № 11, с. 321—354.
- Материалы и черты к биографии императора Николая I. К истории его царствования. СПб., 1896.— «Сборник РИО». Т. 98.
- Милютин Д. А.* Дневник (1873—1882 гг.). Т. 1—4. М., 1947—1951.
- Михайлов И. И.* Из воспоминаний И. И. Михайлова.— «Русская старина», 1914, т. 160, кн. 10, с. 99—113; кн. 11, с. 399—419.
- Морозов П. О.* Соляное дело (По документам и личным воспоминаниям).— «Голос минувшего», 1915, № 11, с. 144—160.
- Муравьев-Амурский В. В.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. 1809—1909. Варшава, 1909.

Муромцев С. А. В первые дни министерства гр. М. Т. Лорис-Меликова. Записка о политическом состоянии России весной 1880 г. Берлин, 1881.

Никитенко А. В. Дневник. В 3-х т. (1826—1877 гг.). М., 1955—1956.

Оболенский Д. Д. Из воспоминаний о Н. М. Баранове.— «Русский архив», 1901, № 10, с. 258—264.

Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца. М.—Л., 1927.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2-х т. (1883—1892 гг.). М., 1966.

Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. Изд. 2-е. СПб., 1914.

Соловьев С. М. Записки С. М. Соловьева. Пг., [б. г.]

Софронович В. И. Записки Валериана Ивановича Софроновича.— «Русский архив», 1903, кн. 1, вып. 1, с. 112—140; вып. 2, с. 145—200; вып. 3, с. 331—368; вып. 4, с. 492—553; кн. 2, вып. 5, с. 96—117.

Стогов Э. И. Записки.— «Русская старина», 1903, т. 113, № 1, с. 131—148, № 2, с. 271—284, № 3, с. 459—476; т. 114, № 4, с. 117—141, № 5, с. 307—330; т. 115, № 7, с. 51—66, № 8, с. 383—395.

Тихонов. 25 лет на казенной службе (Воспоминания отставного чиновника). Ч. 1—2. СПб., 1912.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник. Пер. с франц. Е. В. Герье. Т. 1—2. М., 1928—1929.

Урусов С. Д. Очерки прошлого. Записки губернатора Кишинева. 1903—1904. Т. I. М., 1907.

Феоктистов Е. М. Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929.

Фишер К. И. Записки сенатора.— «Исторический вестник», 1908, № 1, с. 43—70; № 2, с. 438—460; № 3, с. 796—818; № 4, с. 58—78; № 5, с. 426—465; № 6, с. 825—845; № 7, с. 50—70; № 8, с. 426—447; № 9, с. 792—821; № 10, с. 45—73; № 11, с. 422—498; № 12, с. 848—860.

Шестаков П. Д. Граф Дмитрий Андреевич, как министр народного просвещения. Посмертные записки бывшего попечителя Казанского учебного округа Петра Дмитриевича Шестакова. 1866—1880.— «Русская старина», 1891, № 2, с. 387—405; № 4, с. 183—210.

Хижняков В. М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916.

Христиани Г. Г. Воспоминания о графе Дмитрие Алексеевиче Милютине.— «Исторический вестник», 1913, № 2, с. 421—468.

Исследования, ведомственные отчеты, общие курсы, учебные пособия

Литература, изданная до 1917 г.

Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.

Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Ч. 1—3 (кн. 1—8). СПб., 1858—1862.

Государственный контроль. 1811—1911. СПб., 1911.

- Государственный совет. 1801—1901. СПб., 1901.
- Градовский А. Д. Начала русского государственного права.— Собр. соч. Т. 7—9. СПб., 1907—1908.
- Евринов В. А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб., 1888.
- Исторический обзор деятельности Комитета министров (К 100-летию Комитета министров. 1802—1902). Т. 1—5. СПб., 1902.
- Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887. Ч. 1—5. СПб., 1888.
- История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 1—5. СПб., 1911.
- В приложение к т. 5.— Списки сенаторов.
- История уделов. 100-летие их существования. 1797—1897. Т. 1—3. СПб., 1901—1902.
- Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897.
- Катаев И. М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб., 1914.
- Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1—2. Изд. 2-е. СПб., 1893—1897.
- Краткий исторический очерк развития деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798—1898). СПб., 1898.
- Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII—XIX вв.). Изд. 2-е. СПб., 1909.
- Министерство внутренних дел. 1802—1902. СПб., 1902.
- Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 1—2. СПб., 1902.
- Министерство юстиции за 100 лет (1802—1902). СПб., 1902.
- Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. М., 1927.
- Рождественский С. В. Обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). СПб., 1902.
- Рубакин Н. А. Много ли в России чиновников? (Из «Этюд о чистой публике»). — «Вестник Европы», 1910, кн. 1, с. 111—134.
- Рубакин Н. А. Россия в цифрах. СПб., 1912.
- Данные о численности чиновников.
- Эпоха Николая I. Под ред. М. О. Гершензона. М., 1910.

Литература, изданная после 1917 г.

- Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— «Абсолютизм в России XVII—XVIII вв.». М., 1964, с. 206—242.
- Дубенцов Б. Б. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов). — «Проблемы отечественной истории». Ч. 1. М.—Л., 1976, с. 202—227.
- Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 2-е. М., 1968.
- Ерошкин Н. П. Самодержавие первой половины XIX в. и его политические институты (К вопросу о классовой сущности абсолютизма). — «История СССР», 1975, № 1, с. 37—59.
- Ерошкин Н. П. Чиновничество.— Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976, с. 44—52.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970.

Корелин А. П. Российское дворянство и его сословная организация.— «История СССР», 1971, № 5, с. 56—81.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.).— «Исторические записки». Т. 87. М., 1971, с. 9—173.

Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.

Рябикова Т. Б. Численный и сословный состав студентов Московского университета.— «Вестник МГУ». Серия истории, 1974, № 5, с. 57—67.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в России в конце XIX в. Л., 1973.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

Шепелев Л. Е. Отмененные историей (Чины, звания и титулы Российской империи). Л., 1977.

Юшков С. В. История государства и права СССР. Изд. 4-е. М., 1961.

Литература на иностранных языках

Ambürger E. Geschichte der Behördeorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

Torke H. Des russische Beamtentum in der erste halfte des 19 Jahrhundert. — «Sonderdruck aus Forschungen des Osteneneuropischen Geschichte». Bd 13. Berlin, 1967.

Приложение

Извлечение из уставов
о службе гражданской

(«СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ», т. 3. СПб., 1833,
стр. 1—39)

Книга I

СВОД УСТАВА О СЛУЖБЕ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА

О ПРИНЯТИИ В ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ И ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ К ДОЛЖНОСТЯМ

РАЗДЕЛ I

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩИЕ

1. При определении в гражданскую службу принимаются в уважение: 1) состояние лица или его происхождение, 2) возраст, 3) познания.

2. Различие вероисповедания или племени не препятствует определению в службу, если желающие вступить в оную имеют на сие право на основании нижеследующих статей.

Ср. узаконения о веротерпимости и манифесты о присоединении разных областей и народов к империи.

3. В гражданскую службу по праву происхождения дозволяется вступать: 1) дворянам родовым и детям личных дворян; 2) детям священников и дьяконов православного и греко-униатского исповеданий, кроме рожденных до получения отцами их сего сана; также детям евангелических и реформатских пасторов; 3) детям куп-

цов 1-й гильдии; 4) детям приказных служителей, ученых и художников, не имеющих чинов.

1827 окт. 14 (1469) ст. II. — 1828 март 8 (1853); нояб. 22 (2445) ст. III. — 1829 янв. 26 (2627) и дек. 7 (3331).

4. По праву происхождения дозволяется также вступить в гражданскую службу детям придворнослужителей, не достигших классных чинов, детям почтальонов и других нижних почтовых служителей и детям мастеров, подмастерьев и мастеровых заводов и фабрик, подведомственных Кабинету и Департаменту уделов, но с тем ограничением, что первые могут быть определяемы только в места придворного ведомства, дети почтовых служителей — только по почтовому ведомству, а последние — только по ведомству Кабинета и Департамента уделов.

1827 окт. 14 (1469) ст. I, п. 7. — 1828 нояб. 29 (2466) п. 1 и 5. — 1830 окт. 23 (4023). — 1831 мая 23, полож. о писц. по ведомству Департ. уделов.

5. Запрещается принимать в гражданскую службу: 1) иностранцев, кроме в ученые и учебные должности; 2) купцов 2-й и 3-й гильдий и их детей; 3) вольноотпущенных и их детей; 4) мещан и вообще людей, принадлежащих к податным состояниям, с тем же изъятием, какое постановлено в отношении к иностранцам; 5) отставных от военной службы нижними чинами не дворян и их детей; 6) церковнослужителей и их детей, с некоторыми только изъятиями, означенными в ст. 7 (а); 7) евреев, кроме тех, кои по выслуге в военной службе определенных лет получают законное на то право (б).

(а) 1827 окт. 14 (1469) ст. I. — 1829 сент. 24 (3191). — (б) 1828 авг. 16 (2233).

Примечание. Запрещение принимать в службу людей из званий, в сей статье означенных, так же как и все законы, имеет действие только на будущее время и не нарушает права тех, кои приняты уже были в службу до воспоследования указа 1827 окт. 14 (см. ст. II сего указа).

6. Купцам, получившим какой бы то ни было чин вне порядка службы, не возбраняется вступать в гражданскую службу на праве личных дворян с обязанностью прослужить, на основании ст. 286 последующего раздела, четыре года до производства в первый классный чин.

1831 окт. 25, мнен. Гос. совета.

7. Способных к службе церковнослужителей и детей их дозволяется определять в канцелярские служители консисторий, духовных попечительств и духовных правлений с таким ограничением, чтобы они не имели права переходить в иную гражданскую службу, но им не возбраняется возвращение в духовное звание, если по усмотрению епархиального начальства признаны будут способными и доброго поведения.

1830 апр. 6 (3594) п. 1 и 3.

8. Запрещение, в ст. 5 постановленное, остается без действия, и лица, в оном означенные, получают право вступать в гражданскую службу: 1) когда кто из них по месту воспитания своего приобретет право на классный чин или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего устава, дозволено принимать в службу независимо от рода и звания; 2) когда кто приобретет порядком, для сего узаконенным, ученую или академическую степень.

1827 окт. 14 (1469) ст. III.—1828 окт. 5 (2326).—
1829 июл. 23 (3024).

9. Подкидыши, не помнящие родства, и незаконно-рожденные, хотя бы они воспитаны были дворянами, тогда токмо могут быть принимаемы в гражданскую службу, когда, быв записаны сперва в податное состояние и из оного законным образом уволены, окончат курс учения в котором-либо из учебных заведений, дающих на основании сего устава право на вступление в службу; те же воспитанники, кои имеют сами по себе законное происхождение, но воспитаны были другими, сохраняя по общему закону состояния отцов их, а не воспитателей, принимаются в гражданскую службу вообще не иначе как по правилам вышеизложенным.

1828 нояб. 29 (2467) п. 1 и 2.

10. Не достигший 14-летнего возраста не может быть причислен ни к какому гражданскому ведомству, но начало действительной службы считается лишь с того времени, когда служащему минет 16 лет.

1827 окт. 14 (1469) ст. V.—1829 апр. 27 (2850) п. 6.

11. Дети российских подданных должны быть воспитываемы от 10 до 18 лет возраста предпочтительно в отечественных публичных заведениях или хотя и в домах своих под надзором родителей и опекунов, но всегда в России; в противном случае лишаются права на вступление в гражданскую службу. Изъятия из сего правила

могут быть допускаемы единственно по каким-либо важным причинам и не иначе как с высочайшего разрешения.

1831 февр. 18.

12. Всяк желающий вступить в гражданскую службу, если не кончил курса учения в учебном заведении, обязан на предварительном испытании доказать, что он не только умеет правильно читать и писать, но знает основания грамматики и арифметики, без чего никто в службу принят быть не может.

1827 окт. 14 (1469) ст. V.—1828 нояб. 26 (2456).—
1831 февр. 10.

13. Испытание сие производится в том месте, куда поступающий на службу определиться пожелает, через секретарей и других лиц, письменными делами управляющих.

1831 июл. 10.

14. Окончившие курс наук в учебных заведениях, не подвергаясь определенному в предыдущих статьях испытанию, принимаются в гражданскую службу по выданным им при выпуске аттестатам с теми правами, какие предоставлены учебным заведениям, в коих обучались.

Ср. узаконения, приведенные в III главе сего раздела.

ГЛАВА II

О ПРИНЯТИИ В СЛУЖБУ ПО РАЗЛИЧИЮ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ОТДЕЛЕНИЕ I

О принятии в службу дворян и детей личных дворян

15. По общему праву, российским дворянам присвоенному, хотя никто из них не может быть принуждаем ко вступлению в службу, но между тем правительство желает и главным начальникам надлежит поощрять, чтобы молодые дворяне по окончании наук употребляли себя к изучению, не менее для них полезному, законов своего отечества и образа судопроизводства и для сего определялись бы в гражданскую службу, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству приобретать от первых степеней канцелярских сведения и способности в делах

и в них столько совершенствоваться, чтобы могли, поступая в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей.

1762 февр. 18 (11444).—1785 апр. 21 (16187) ст. 17 и 18.—1801 мая 5 (19856) ст. 2.

16. Недоросли из дворян, роды коих внесены в родословную книгу, при просьбах об определении их в службу должны представлять засвидетельствованные губернскими предводителями дворянства или исправляющими их должность копии с протоколов депутатских собраний, по коим кто признан в дворянском достоинстве; если же случится, что протоколы в депутатских собраниях состоялись еще прежде рождения настоящих просителей, а потому они и показаны в них не были, то депутатские собрания обязываются, дополнив новыми выправками прежде состоявшиеся свои определения, внести в оные те лица, коим копии выдаются.

1828 февр. 6 (1773) ст. 3, а.—1829 авг. 13 (3092).

17. Жители западных губерний, не состоящие в подушном окладе, но не доказавшие окончательно прав на дворянство, принимаются в службу по одним свидетельствам депутатских собраний и по надлежащем удостоверении о не состоянии их в подушном окладе. Местные начальства при допущении таковых лиц на службу обязаны тотчас представить документы их в герольдию, которой рассмотрение оных оканчивать непременно в полугодичный срок. Те из них, коих документы впоследствии найдены будут недостаточными, причисляются к канцелярским служителям третьего разряда (см. отд. V сей гл.); признанным же герольдией в дворянском достоинстве предоставляются и по службе все права преимуществ, сословию сему присвоенные.

1831 дек. 3.

18. Проситель, рожденный от чиновника, который имеет чин, приносящий потомственное или личное дворянство, при просьбе об определении должен представить послужной список отца за надлежащим подписанием или, буде сей последний в отставке, увольнительный его вид, в коем прописано все прохождение службы.

1828 февр. 6 (1773) ст. 3, 6.

19. В обоих случаях должны быть прилагаемы еще метрики о законном рождении и крещении просителя за подписанием священника, совершавшего крещение; когда же оно нет более при том приходе, то документ сей может

подписать другой священник того же прихода, основываясь на метриках, хранящихся при церкви, а подпись священнической руки и верность самой метрики должны быть засвидетельствованы консисторией (там же, ст. 3, п. с).

ОТДЕЛЕНИЕ II

О принятии в службу детей священников и дьяконов православного и греко-униатского исповеданий и пасторов евангелических и реформатских

20. Дети священников и дьяконов православного и греко-униатского исповеданий принимаются в гражданскую службу по увольнительным видам, от духовного начальства в надлежащем порядке им выданным.

1828 март. 8 (1853). — 1829 янв. 26 (2627).

21. Дети священников и дьяконов, обращаемые по излишеству духовным начальством в распоряжение гражданского для избрания рода жизни в случае объявленного ими желания вступить в гражданскую службу, принимаются в оную по выданным им на то от Губернского правления свидетельствам.

1828 нояб. 22 (2445) ст. I, п. 1.

22. Если кто из них с получения сего свидетельства в течение шести месяцев не определится, таковому срок сей продолжается еще на полгода с правом приискать место уже в другой губернии и с выдачей на то надлежащего вида (там же).

23. Кто по истечении вторичного полугодического срока в службу не поступит, таковой лишается права на определение в оную и, по распоряжению Казенной палаты, записывается непременно в одно из податных состояний по его избранию (там же, ст. I, п. 2).

24. Обращаемые в гражданское ведомство по исключении из духовного звания за дурное поведение отнюдь не должны быть принимаемы в службу, хотя бы по званию отцов и имели на то право, и гражданские начальства обязаны наблюдать с возможною осмотрительностью, чтобы таковые исключенные из духовного звания не были определены под видом законно из оного уволен-

ных или обращенных в гражданское ведомство за излишеством.

1828 март 8 (1853).

25. Дети пасторские принимаются в службу по видам их начальств, удостоверяющим, что предьявителю дозволено вступить в службу, куда пожелает.

1818 мая 3 (27362).

ОТДЕЛЕНИЕ III

О принятии в службу детей купцов первой гильдии

26. Дети купцов 1-й гильдии принимаются в гражданскую службу тогда только, когда отцы их состояли в сей гильдии более 12 лет сряду; но если купец 1-й гильдии в течение означенных лет впал в банкротство или даже сделал с кредиторами своими так называемые добровольные сделки, то дети его не могут уже воспользоваться означенным преимуществом.

1824 нояб. 14 (30115) § 25 и 26. — 1827 окт. 14 (1469) ст. I.

27. Дети купцов 1-й гильдии, имеющие право вступить в службу, для принятия в оную должны быть уволены законным порядком со стороны их обществ.

1794 июн. 5 (17212). — 1798 авг. 14 (18622).

28. Увольнение такое удостоверяется свидетельством, выданным от местной думы или ратуши, и без предьявления онога никто из сего звания не может быть определен в службу.

1822 апр. 30 (29024).

29. Уволенный из купеческого звания для определения в службу, если не вступит в оную до новой ревизии, теряет свое право и при производстве сей ревизии обязан подать о себе сказку под опасением в противном случае законной ответственности, как прописный.

1822 апр. 30 (29024) п. 2.

30. На сей конец на свидетельствах, выдаваемых таковым людям от дум и ратушей, должно быть именно означено: 1) что платеж за них податей до новой ревизии приемлет на себя целое общество; 2) что свидетельство такое имеет только силу до наступления новой ревизии (там же, п. 1 и 2).

ОТДЕЛЕНИЕ IV

О принятии в службу детей приказных служителей

31. Дети канцелярских служителей не из дворян, не имеющих классных чинов, обязаны или записаться в службу, или избрать род жизни податного состояния; а потому если кто из них, достигнув 22 лет от роду, т. е. по прошествии года после полного совершеннолетия, окажется не записанным ни в гражданскую, ни в военную службу, то таковой причисляется в одно из податных состояний по его избранию; с уклоняющимся же от сего должно быть поступаемо как с бродягой.

1828 нояб. 22 (2445) ст. III, п. 2.

Примечание. Относительно определения в службу детей ученых и художников, не имеющих чинов, кроме постановления 1827 окт. 14 (1469), присвояющего им на то право, не существует никаких других узаконений; по сему и следует, что они при просьбах об определении должны представлять на общем основании одни документы, удостоверяющие их происхождение.

ОТДЕЛЕНИЕ V

О распределении принимаемых в службу канцелярскими служителями на разряды по различию происхождения

32. Все те лица, кои вступают в гражданскую службу по одному праву их происхождения, принимаются в оную с званием канцелярских служителей.

1811 апр. 24 (24601). — Ср. также нижеприведенные узаконения.

33. Канцелярские служители гражданского ведомства по различию званий, из коих оные поступают в службу, разделяются на три разряда; поступившим в каждый из сих разрядов определяется, на основании II гл. II разд. сего устава, особый срок выслуги для получения первого классного чина. К первому разряду причисляются дворяне родовые; ко второму разряду: дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов православного и греко-униатского исповеданий,

евангелических и реформатских пасторов; к третьему разряду: дети приказных служителей, ученых и художников, не имеющих чинов. К сему же разряду причисляются питомцы воспитательных домов, находящиеся при письменных делах в принадлежащих к сим домам заведениях.

1827 окт. 14 (1469) ст. II. — 1829 янв. 26 (2627). — 1831 мая 27, выс. утв. мнен. Гос. сов.

34. Купцы и купеческие дети 2-й и 3-й гильдий, иностранцы, нижние воинские чины и дети их, придворные служители, не имеющие классовых чинов, и дети их, церковнослужители и дети их, мещане и вообще люди, вышедшие из податных состояний, принятые в службу по разным ведомствам при действии прежних постановлений, составляют впредь до выслуги им классовых чинов четвертый разряд канцелярских служителей, в который, согласно ст. 5, запрещается вновь кого-либо принимать, кроме церковнослужителей и детей их, коих по ст. 7 дозволяется определять в консистории, духовные попечительства и правления (там же, ст. I и II).

35. К сему же разряду причисляются находящиеся в гражданской службе дети нежинских греков, которые по учинении присяги трехлетним пребыванием в России приобрели право на получение паспортов для выезда за границу в качестве российских подданных.

1830 мая 27 (3681).

36. Каждый поступающий вновь на службу из числа лиц, в ст. III означенных, помещается в один из первых трех разрядов по принадлежности с соблюдением сверх общих условий тех частных правил, какие в предыдущих отделениях установлены для каждого звания в особенности.

1827 окт. 14 (1469) ст. III.

37. Дети мастеров, подмастерьев и мастеровых заводов и фабрик, подведомственных Кабинету и Департаменту уделов, определяемые в гражданскую службу на основании ст. IV, именуются заводскими и фабричными писцами и разделяются, независимо от общих разрядов канцелярских служителей, на следующие три особых разряда: в первый разряд поступают дети тех мастеров, которые по качеству ремесла своего и по искусству равняются со званием художника; во второй разряд — дети прочих мастеров и подмастерьев; в третий разряд — дети мастеровых.

1830 окт. 23 (4023) § 1 и 7. — 1831 мая 23, полож. о писц. по ведом. Департ. уделов. § 1 и 7.

ГЛАВА III

О ПРИНЯТИИ В СЛУЖБУ ПО РАЗЛИЧИЮ ПРАВ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ОБУЧАВШИМСЯ В РАЗНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

ОТДЕЛЕНИЕ I

О заведениях, коих воспитанники определяются в канцелярские служители

38. Учебные заведения, коих воспитанники принимаются предпочтительно в канцелярские служители, суть: 1) гимназии; 2) уездные училища; 3) Оренбургское Неплюевское училище; 4) училища для детей канцелярских служителей; 5) воспитательные дома; 6) Санкт-Петербургский и Московский сиротские дома; 7) Ярославское и Полтавское отделения для приготовления писцов.

39. Окончившие полный курс учения в гимназиях и удостоенные похвальных аттестатов определяются на места канцелярских служителей высшего по жалованью разряда соответственно их званию и принимаются в службу предпочтительно тем, кои не обучались в гимназиях или других равных по предметам преподавания заведениях.

1828 дек. 8 (2502) § 234.

40. Те из удостоенных при выпуске похвальных аттестатов, кои сверх прочих наук, преподаваемых в гимназиях, обучались и греческому языку, определяются в гражданскую службу с чином 14-го класса и получают соответствующие оному места (там же, § 255).

41. На том же основании вступают в службу обучавшиеся дома или в частных учебных заведениях, если по публичном испытании в одном из университетов они получают аттестат о достаточных познаниях в предметах, преподаваемых в гимназиях.

1828 дек. 8 (2502) § 238.

42. Окончившие полный курс учения в учреждениях при гимназиях Московской, Санкт-Петербургской, Казанской и Харьковской, отделениях для отличных воспитанников училищ приказнослужительских детей, когда они

не удостоены перевода в университеты, выпускаются в гражданскую службу с теми же правами, какие предоставлены прочим ученикам гимназий.

1828 февр. 16 (1814) § 87, 89 и 96. — 1831 дек. 12, полож. о содержании при Санкт-Петербургской гимназии пансионатов из детей канцелярских служителей.

43. Воспитанники сих отделений из детей канцелярских служителей, поступаая в гражданскую службу, должны прослужить 6 лет, а пансионеры из детей чиновников и дворян — 3 года; исключенные из отделений за маловажные проступки обязаны прослужить в гражданском ведомстве не менее 8 лет (там же, § 234 и 235).

1828 февр. 16 (1814) § 101. — 1829 сент. 4 (3131) п. 6 и 11.

Примечание. Воспитанников Санкт-Петербургского высшего училища, по докладу Министра духовных дел и народного просвещения, Выс. утв. 1822 июн. 25 (29082), велено было принимать в службу также с чином 14-го класса; но по преобразовании сего училища в гимназию указом 1828 дек. 8 (2502), п. 2 и 3, означенное право оставлено в действии для тех только, кои состояли в сем заведении при издании помянутого указа.

44. Воспитанники Приказов общественного призрения, кои по распоряжению сих последних, быв пристроены для обучения в гимназиях, кончат в оных курс учения и получают похвальные аттестаты, могут быть принимаемы в гражданскую службу, хотя бы кто по званию своему и не имел на то права.

1829 июл. 23 (3024) п. 4.

45. Окончившие курс учения в уездных училищах и получившие в том свидетельства, когда по званию своему имеют право вступить в гражданскую службу, принимаются предпочтительно тем, кои не обучались в уездных училищах или высших учебных заведениях.

1828 дек. 8 (2502) § 133.

46. Воспитанникам Оренбургского Неплюевского училища, имеющим по своему званию право вступать в гражданскую службу, присвоается при определении в оную то же самое преимущество, какое предоставлено окончившим учение в уездных училищах.

1824 февр. 9 (29770) § 13.

47. Выпускаемые из училищ, учрежденных для детей канцелярских служителей, а равно и те, кои подверга-

лись исключению из отделений при гимназиях Санкт-Петербургской, Московской, Казанской и Харьковской, определяются в разные губернские и уездные ведомства на места писцов или канцелярских служителей низшего по жалованью разряда.

1828 февр. 16 (1814) § 96.

48. Такое определение их в службу предоставляется Правлениям тех губерний, из коих воспитанники первоначально поступили в училища; на сей конец пред окончанием каждого курса попечительный совет училища уведомляет губернские правления о числе воспитанников, долженствующих определиться на службу по их ведомству (там же, § 96 и 97).

49. Если в той губернии не могут быть определены вдруг все присланные окончившие курс учения воспитанники, то остающиеся без мест поступают на первые вакансии, а до того времени состоят и употребляются сверх штата или при губернском правлении, или по назначению оного при других местах, которые наиболее имеют нужду в приказных служителях, а с тем вместе возможность из канцелярских сумм своих давать сим воспитанникам жалованье, соразмерное окладам их товарищей (там же, § 98).

50. Если в губернию поступит много таких лишних воспитанников и нельзя будет ожидать скорого открытия вакансий, то Губернское правление представляет Министерству внутренних дел о размещении оных по иным губерниям, нуждающимся в канцелярских служителях (там же, § 99).

51. В сих представлениях, равно и в помещении по своему ведомству, Губернское правление руководствуется большим или меньшим одобрением, которое воспитанники получили от начальств училищ или отделений, учрежденных при гимназиях (там же, § 100).

52. Окончившие курс в означенных училищах обязаны прослужить в гражданском ведомстве не менее 8 лет (там же, § 101).

53. Пансионеры из детей чиновников и дворян, окончившие курс учения в таковых училищах, пользуются всеми преимуществами и выгодами воспитанников из детей канцелярских служителей и обязываются прослужить в гражданской службе 4 года.

1829 сент. 4 (3131) п. 6, 9 и 12.

54. Питомцы воспитательных домов, определяемые к письменным делам в подведомственные сим домам заведения, обязаны прослужить в оных не менее шести лет и по получении классного звания могут поступить в какую-либо другую службу.

1831 мая 27, выс. утв. мнен. Гос. сов.

55. Воспитанники Санкт-Петербургского и Московского сиротских домов, кои не имеют способностей для перевода в высшие учебные заведения, по окончании курса в училище, содержанием от Приказа общественного призрения, могут быть определяемы в канцелярское звание, хотя бы они были и из такого состояния, из которого воспрещается прием в гражданскую службу.

1829 июл. 23 (3024) п. 2.—1831 июл. 29, пол. для сиротск. дома в С.-Петербурге. § 85.

56. Воспитанникам таковым при выпуске в службу даются, смотря по успехам их, звания старших и младших писцов, по определениям Приказа.

1823 июн. 26 (29517) § 12.—1831 июл. 29, полож. для сиротск. дома в С.-Петербурге.

57. Младшие писцы должны прослужить не менее 10 лет, а старшие — не менее 8 лет, с прошествием коих обязанная их служба прекращается; но в продолжение сего срока они не могут быть увольняемы из службы иначе как с обращением в податное состояние по их избранию; перемещение же оных по согласию начальства не запрещается.

1823 июн. 26 (29517) § 12, 15, 16, 18.

58. Для тех воспитанников, кои по самому их званию имеют право поступать в службу, срок обязанной службы ограничивается шестью годами (там же, п. 2).

59. Воспитанные в отделениях, учрежденных под ведомством Ярославского и Полтавского приказов общественного призрения для приуготовления воспитанников их в писцы, определяются в службу на том же основании и с теми же обязанностями, как предписано о воспитанниках сиротских домов.

1829 июл. 23 (3024) п. 3.

ОТДЕЛЕНИЕ II

О заведениях, коих воспитанники определяются в общую гражданскую службу с классными чинами

60. Учебные заведения, воспитанники коих определяются во все ведомства гражданской службы с классными чинами, суть: I. Университеты; II. Духовные училища; III. Лицеи; IV. Училища высших наук князя Безбородки в Нежине и Демидовское в Ярославле.

61. Окончившие полный курс наук в вышеозначенных заведениях и получившие одобрительный аттестат принимаются в службу с классными чинами, ниже сего означенными.

62. Назначение классных чинов при выпуске принадлежит самому учебному начальству, которое в распределении оных соответственно успехам и отличиям каждого воспитанника обязано неотложно руководствоваться правилами, для таковых удостоверений особо оному предписанными.

1818 февр. 14 (27268) ст. VIII.

63. Выпущенные из учебных заведений с классными чинами принимаются в службу согласно ст. VIII независимо от их происхождения (а); когда же кто из них принадлежит к податному состоянию, то по представлению учебного начальства исключается Правительствующим Сенатом из счета и оклада, но не прежде как по совершенном окончании курса учения с последующей за тем половины года (б).

(а) 1827 окт. 14 (1469) ст. III. — (б) 1811 нояб. 10 (24864). — 1825 мая 13 (30342).

I. Университеты

64. Получившие в российских университетах ученые степени поступают в гражданскую службу с присвоенными таковым степеням классными чинами.

См. нижеприведенные узаконения.

65. Ученые степени, открывающие путь ко вступлению в гражданскую службу, суть степени: 1) студента, 2) кандидата, 3) магистра и 4) доктора.

Примечание. О медицинских ученых степенях изложено ниже в отделении об учебных заведениях, коих воспитанники определяются в особенные роды службы.

66. Ученые степени сии приобретаются: 1) окончанием в университете курса наук (а) и 2) испытанием в университете на правилах, особо по управлению народного просвещения предписанных (б).

(а) 1822 сент. 29 (29191).—(б) 1819 янв. 20 (27646) § 15, 16, 18 и 19.

67. Никто из находящихся в податном состоянии не может быть произведен в ученую степень и воспользоваться сопряженными с оною преимуществами, доколе не будет уволен из сего состояния узаконенным порядком.

1819 янв. 20 (27646) § 20.

68. Выпускаемые из российских университетов по окончании в них курса наук на своем иждивении принимаются по их желанию во все вообще ведомства гражданской службы: студенты — 12-м, а удостоенные степени кандидата — 10-м классом.

1822 сент. 29 (29191).

69. В Санкт-Петербургском университете право избирать род службы по своему усмотрению присваивается и казенным студентам, если, поступив на полное казенное содержание из свекоштных пансионеров, полупансионеров или вольноприходящих, окончивших курс учения в Санкт-Петербургской гимназии, они во время пребывания в университете окажут отличные успехи.

1822 июн. 25 (29082) п. 9.

70. Для выпускаемых из Санкт-Петербургского и Московского университетов с классовыми званиями студентов, поступивших из воспитанников Санкт-Петербургского и Московского сиротских домов, присвоение сих званий сопряжено с обязанностью остаться в службе не менее шести лет.

1823 март 17 (29359). — 1829 июл. 23 (3024) п. 1 и 2. — 1831 июл. 29, Выс. утв. полож. для сирот. домов в С.-Петербурге. § 81.

Примечание. Воспитанники бывших благородных пансионов при Санкт-Петербургском и Московском университетах, находившиеся в сих заведениях до преобразования их в гимназии, по окончании курса наук в сих последних вступают в гражданскую службу с чинами от 14-го до 10-го класса включительно, смотря по степени их

успехов (1818 февр. 14 (27268) ст. IV. — 1830 март 29 (3569)).

71. Получившие ученые степени по надлежащем испытании в одном из российских университетов, вступая в род службы, знаниям их соответственный, принимают: студенты и кандидаты согласно ст. 65-й прямо с чинами 12-го и 10-го класса, магистры — с чином 9-го, а доктора — с чином 8-го класса. Но преимущество сие относится вообще до тех токмо из получивших ученые степени, кои обучались предварительно в казенных российских учебных заведениях; не находившиеся же в таковых, хотя бы дана им была по испытании ученая степень, принимаются в службу на общем основании, по правам их происхождения.

1803 янв. 24 (20597) ст. 26 и 27. — 1819 янв. 20 (27646) § 44, 45 и 46. — 1822 сент. 29 (29191).

72. Получившие ученую степень доктора, магистра или кандидата в бывшей Полоцкой иезуитской академии не имеют права на классные чины; студенты же сей академии при вступлении в службу получают по аттестатам оной чин 14-го класса.

1819 янв. 20 (27646) § 47.

73. Преимущества, предоставленные обучавшимся в российских казенных учебных заведениях, не распространяются на тех, кои обучались в казенных заведениях Царства Польского.

1831 авг. 11, Пол. ком. мин.

II. Духовные училища

74. Окончившие полный курс учения в духовных академиях и семинариях, одобренные в поведении дети священно- и церковнослужителей могут вступать во все вообще ведомства гражданской службы по их избранию, но не иначе как по получении надлежащего увольнения от духовного начальства и с разрешения Правительствующего Сената, на рассмотрение коего должны быть представлены выданные об успехах их аттестаты.

Ср. ук. 1813 дек. 23 (25506) с нижеприведенными узаконениями.

75. Ученики первого разряда академии, т. е. оказавшие наилучшие успехи, поступают в службу с чином, присвоенным званию магистра.

1808 июн. 26 (23122) § 92, 93, 94. — 1814 авг. 30 (25673). Ч. II, § 396.

76. Ученики первого разряда семинарий при выпуске в гражданскую службу получают право университетских студентов.

1808 июн. 26 (23122) § 59—62, 93, 95 и 96.

77. Уволенные духовным начальством прежде окончания курса наук ученики духовных училищ, если они в поведении и способностях одобрены, могут быть принимаемы в канцелярские служители (а), буде отцы их священники или дьяконы (б).

(а) 1818 авг. 21 (27498). — (б) 1827 окт. 14 (1469) ст. I и II.

III. Лицеи

78. Воспитанники Царскосельского лицея, окончившие установленный в оном курс наук, поступают в гражданскую службу с чином от 14-го до 9-го класса включительно, по мере успехов и благонравия.

1810 авг. 12 (24325) п. 18.—1817 мая 19 (26875) п. 1.

Примечание. Воспитанники бывшего благородного пансиона при Царскосельском лицее, которые до упразднения сего заведения получили аттестаты как в отличном поведении, так и в том, что они при строгом экзамене оказали успехи, равные с воспитанниками старшего курса лицея, вступают в службу с чином от 14-го до 10-го класса включительно, смотря по степени их успехов (1816 дек. 16 (26562) п. 5.—1829 июл. 19 (3013)).

79. Пансионеры Ришельевского лицея в Одессе, совершившие в оном 10-летний курс учения, получают чин 12-го класса, а посторонние питомцы, обучавшиеся 8 лет в классах внешних, удостаиваются чина 14-го класса; воспитанники же состоящего при лицее Училища правоведения и политической экономии по окончании обоих курсов с успехом состоят в 9-м классе.

1817 мая 2 (26827) § 102, 105 и 143.

IV. Высшие училища князя Безбородки и Демидовское

80. Окончившие курс учения в учрежденной в Нежине гимназии высших наук князя Безбородки выпускаются по мере успехов и благонравия с званием кандидатов или

студентов и принимаются в службу с чинами: первые — 12-го, а последние — 14-го класса.

1820 апр. 19. Рескр. Мин. духов. дел и народн. просвещ., п. 2. — 1825 февр. 19. Устав гимн. кн. Безбородки, § 67 и 72.

81. Студенты Демидовского Ярославского училища высших наук по свидетельствам о совершенном окончании в оном учении принимаются в службу с чином 14-го класса.

1805 янв. 28 (21606) ст. 20.

ОТДЕЛЕНИЕ III

О заведениях, коих воспитанники определяются в особенные роды службы

82. Учебные заведения, воспитанники коих предназначаются для особенного рода службы, суть:

I. Академия художеств.

II. Учебные заведения медицинские, фармацевтические и ветеринарные.

III. Главный педагогический институт и педагогические отделения при университетах.

IV. Горный кадетский корпус.

V. Лесной институт.

VI. Московское дворцовое архитектурное училище.

VII. Константиновское межевое училище.

VIII. Землемерное училище при Департаменте уделов.

IX. Школа-мастерская при гоф-интендантской конторе.

X. Коммерческое училище и бухгалтерское отделение при Санкт-Петербургском коммерческом училище.

XI. Военно-учительский институт.

XII. Гвардейская берейтерская школа.

83. Воспитанники сих заведений получают при выпуске классные чины с обязанностью посвятить себя определенному роду службы совершенно или только на определенное число лет, по прошествии коих дозволяется им вступать во все роды гражданской службы на правилах, ниже сего изложенных,

I. Академия художеств

84. Окончившие курс академического учения выпускаются из Академии художеств сообразно их успехам классными или некласными художниками.

1764 нояб. 4 (12275). — 1830 дек. 19 (4199) § 3.

Примечание. В прибавлении к установлениям Императорской Академии художеств не упоминается о правилах поступления художников в другие ведомства гражданской службы; в привилегии же Академии художеств изображено: «Художников и мастеров, происходящих из сей Академии, во всей Империи нашей свободно и беспрепятственно ко всем казенным работам по их искусству в художестве, равно как и в службы, где кто пожелает и такой человек надобен будет, допускать и принимать».

85. Академисты, оказавшие отличные или хорошие успехи в художествах и науках, при похвальном поведении получают от академии при выпуске из оной дипломы на звание художника 14-го класса. Академисты, не столь успевающие в художествах и науках, так как и посторонние и вольноприходящие ученики, посещающие одни художественные классы, получают от академии только аттестаты на звание и состояние свободного или некласного художника.

1830 дек. 19 (4199) § 10.

86. Академист, получивший при выпуске диплом на звание класного художника, должен пребыть в сем звании три года; после чего может он просить о назначении ему программы для звания академика 1-й или 2-й степени (там же, § 15, а).

87. Выпущенные из академии с аттестатами на звание некласных художников академисты и вольноприходящие или посторонние ученики должны представлять работы свои в академию для получения звания кандидата и, получив уже оное, просить о программе на академика; но звание сие дается им не прежде четырех лет по произведении в художники. Отличившиеся же превосходными дарованиями могут поступать в сие звание по удостоянию академического совета (там же, § 15, прим. к а).

88. По исполнении заданной программы художник, признанный академическим советом достойным звания академика, утверждается в сем звании общим годовым собранием (там же, § 15, б).

89. Художники, пробыв в званиях академиков 1-й и 2-й степени 6 лет, а сделавшиеся известными превосходством своих работ и прежде сего времени, могут просить о возведении их по заданной советом программе в профессора 2-й и 3-й степени по избранным им отраслям художеств (там же, § 15, в).

90. Утвержденные в сих званиях общим собранием профессора поступают в должностные профессора на штатные места по баллотированию предварительно в совете и в чрезвычайных или общих собраниях академии не иначе как при открывшихся вакансиях смертью или увольнением занимавших оныя по тем самым отраслям художеств, по которым они получили профессорские звания; если же за неимением вакансий они не поступят на штатные и сверхштатные места, то имеют оставаться в числе кандидатов к оным, называясь до вступления на убылое место профессором живописи исторической и портретной, ваяния, фигур и орнаментов, ландшафтной и так далее по разным отраслям художеств (там же, § 15, г и д).

91. Должностные профессора, пробывшие во 2-й степени не менее 10 лет, переходят в 1-ю степень по мере пользы, принесенной ими художествам и учащимся в академии. При чем принимается в соображение степень доказанного ими искусства, важность их произведений и число образованных ими академистов (там же, § 15, е).

92. Должностные профессора, какой бы то ни было степени, по выслуге 20 лет в сем звании при академии поступают в звание заслуженных профессоров (там же, § 15, з).

93. Выпущенные из академии ученики гоф-интендантского ведомства с званием художников, хотя могут воспользоваться правом, сему званию предоставленным, но взамен употребленного на воспитание их казенного содержания должны прослужить по ведомству гоф-интендантской конторы в должностях, какие сообразно способностям их назначены будут, до того времени, пока минет 45 лет от роду, а потом уже получают полную свободу избирать службу и занятия по своему желанию. Не достигшие в академии звания художника и выпущенные без оных обращаются в мастеровые (см. ст. 131—136).

1827 мая 4 (1073) § 49 и 50.

94. Обучающиеся на казенном иждивении в Академии художеств гражданской архитектуре и вспомогательным

наукам дети дворян и обер-офицеров по окончании курса помещаются для приобретения практических познаний в состоящий при Министерстве внутренних дел Строительный комитет архитекторскими помощниками на два года, а потом уже или прежде, судя по успехам и надобности, определяются по распоряжению министерства в архитекторы по губерниям или в другие должности по сей части. Они обязаны прослужить в ведомстве сего министерства восемь лет со дня поступления в действительную службу. После чего предоставляется им продолжать сию службу или перейти в другую. Впрочем, если бы в ком из сих воспитанников открылись отличные способности, то и до истечения сего срока предоставлено будет таковым избрать по собственному их желанию круг действий или род службы, в коем бы они могли принести вящую пользу.

1830 авг. 26 (3874).

II. Учебные заведения медицинские, фармацевтические и ветеринарные

1) Академия медико-хирургическая
и отделение оной в Москве

95. Воспитанники Медико-хирургической академии и московского отделения оной в отношении к их выпуску разделяются на два разряда. Первый составляют предопределяемые к ученым медико-хирургическим, ветеринарным и фармацевтическим званиям; второй — назначаемые к механическим занятиям по ветеринарной части.

1808 июл. 28 (23185) § 104.

96. Ученые звания или степени по части медицинской суть: 1) кандидат хирургии, 2) лекарь, 3) доктор медицины и медико-хирург или штаб-лекарь, 4) доктор медицины и хирургии. По части фармацевтической: 1) аптекарский помощник или гезель, 2) кандидаты фармации, 3) провизор, 4) аптекарь. По части ветеринарной: 1) кандидат ветеринарной науки, 2) ветеринарный лекарь.

1808 июл. 28 (23185) § 72.—1810 июл. 15 (24298).

97. Окончившие курс учения студенты выпускаются в кандидаты, каждый по своей части.

1808 июл. 28 (23185) § 139.

98. Кандидаты по части медицинской определяются в госпитали на один год и потом производятся в лекари. (там же, § 140).

99. Фармацевтические кандидаты распределяются по аптекам на один год при рецептуре, после чего удостоиваются в провизоры и в аптекари (там же, § 142).

100. Кандидаты ветеринарной науки остаются еще один год при училище, по прошествии же оного производятся в ветеринарные лекари (там же, § 141).

101. Произведенные таким образом в лекари той или другой части распределяются начальством в армии, где они обязаны прослужить в военном ведомстве шесть лет, не считая времени, проведенного ими в звании кандидатов; буде же кто по болезням или другим обстоятельствам срока сего выслужить не может, таковые ни под каким видом не увольняются вовсе от службы, а обращаются в Министерство внутренних дел для определения к местам по гражданскому ведомству.

1808 апр. 21 (22974) ст. III, п. 1.

102. Лекари, распределяемые из академии в губернии и в другие гражданские ведомства или обращаемые в оные из военного ведомства прежде шестилетней выслуги, обязаны остаться в предназначенной им службе: первые — не менее десяти, а последние — не менее восьми лет, включая в то число и служение по военным частям.

Там же, ст. III, п. 2.—1808 июл. 28 (23185) § 140, 141.

103. Высшие ученые степени — медицинские, фармацевтические и ветеринарные — приобретаются по надлежащем испытании в определенных местах в сроки и на правилах, особо по медицинскому ведомству для сего предписанных.

1808 июл. 28 (23185) § 22 и 72. — 1810 июл. 15 (24298). — 1811 июн. 23 (24682). — 1816 февр. 3 (26121) п. 8; февр. 7 (26127). — 1819 янв. 20 (27646) § 5 и прим. к оному и § 48.

104. Произведенные в ученые степени получают соответственные оным по общему расписанию классы со дня вступления их в службу, но токмо на время нахождения при занимаемых местах впредь до действительного производства их по заслугам в чины сих классов.

1790 дек. 16 (16930) ст. II.—1805 авг. 4 (21866) п. 36, 38 и 39. — 1808 июл. 28 (23185) § 72.

105. От действия общего правила сего изъемяются врачи, вызываемые из-за границы для определения в ар-

мию по полкам и военным госпиталям и также в морское ведомство, которые при самом поступлении в российскую службу получают действительный чин, ученому их званию соответственный.

1827 дек. 29 (1664) п. 14.

106. Воспитанники, назначаемые к механическим занятиям по ветеринарной части и оказавшие в оной надлежащие познания, выпускаются с званием ветеринарных помощников.

1808 июл. 28 (23185) § 143.

107. Ветеринарные помощники, оказавшие превосходные успехи во всех частях своей науки и известные по примерному поведению, получают при выпуске 14-й класс; прочие же выпускаются с унтер-офицерским чином.

1816 февр. 3 (26121) п. 1 и 2.

108. Те и другие обязаны выслужить в полках по крайней мере десять лет, после чего переводятся в губернии.

1808 июл. 28 (23185) § 143.

109. Люди разных состояний, отданные в академию для обучения теми местами и лицами, от коих они зависят или кому принадлежат, при выпуске хотя и причисляются по успехам к ученым званиям, но действительно утверждаются в сих званиях с правом вступить в государственную службу не прежде, как по шестилетнем пребывании в службе своих благодетелей, или когда перейдут в свободное состояние прежде сего, какими законными средствами.

Там же, § 144—156. — 1819 март 3 (27703).

2) Медицинские институты при университетах

110. Казенные студенты, получившие образование в учрежденных при университетах медицинских институтах, выпускаются из оных по тем же правилам и с теми же званиями, как студенты Медико-хирургической академии.

1817 февр. 21 (26688). — 1819 апр. 19 (27762) и нояб. 5 (27967).

111. Из учрежденного при Виленском университете особого разряда казенных медицинских воспитанников выпуск производится на том же основании, но желающие поступить в сей разряд обязываются подписками по

окончании курса непременно определиться на службу и нести оную, буде подданные российские, в продолжение шести, а иностранцы в продолжение восьми лет.

1806 дек. 29 (22414) ст. 3 и 4. — 1822 янв. 24 (28886).

3) Врачебная школа на Аптекарском острове

112. Воспитанные в врачебной школе, учрежденной на Аптекарском острове под ведомством Медицинского департамента Министерства внутренних дел, по окончании курса с хорошим успехом выпускаются в звании аптекарских и лекарских учеников по губерниям, где обязываются прослужить 12 лет.

1821 апр. 17 (28612) § 8.

113. Те из воспитанников сих, кои, служа по фармацевтической части с похвалою, приобретут в оной высшие ученые достоинства, могут быть увольняемы, буде пожелают, по выслуге 10 лет (там же, § 9).

114. Воспитанники, кои по наукам или поведению признаются неспособными в лекарские и аптекарские ученики, распределяются в аптечные сады, инструментальные заводы и другие места, где надобность в них быть может, и обязываются прослужить в сих местах 18 лет (там же, § 10).

*III. Главный педагогический институт
и педагогические отделения
при университетах*

1) Главный педагогический институт

115. Студентам Главного педагогического института предоставляется при выпуске их звание старших учителей гимназии и присвоенный оному по общему расписанию класс (прил. II).

1828 сент. 30 (2315) § 75.

116. Отличнейшие студенты, отправленные для усовершенствования в чужие края, по возвращении в Россию подвергаются в одном из университетов установленному для высших ученых степеней испытанию и, смотря по их сведениям, удостоиваются званий доктора, адъюнкта и экстраординарного профессора (там же, § 131).

117. Студенты, успехами своими равные тем, кои назначены к отправлению в чужие края, но непосы-

лаемые, получают степень адъюнктов (там же, § 60 и 129).

118. Студенты Главного педагогического института обязаны по окончании воспитания своего прослужить при одном из учебных заведений Министерства народного просвещения не менее восьми лет, в чем каждый воспитанник и обязывается письменно при вступлении в институт (там же, § 13).

119. Если действительные студенты института по каким-либо причинам не поступят в учителя или надзиратели гимназий и других училищ и не воспользуются присвоенными сим званиям особенными классами, то при вступлении с разрешения министра народного просвещения в общую гражданскую службу они получают чин 12-го класса (там же, § 189).

2) Педагогические отделения при университетах

120. Казенные студенты университетов, поступившие в находящиеся при них педагогические отделения, получают степень кандидата и по окончании курса определяются в учебные заведения того округа с званием старших или младших учителей по удостоению.

1803 янв. 24 (20597) § 39 и 40. — 1804 нояб. 5 (21498) § 126, 128, 129 и 131 (21499, 21500), § 123, 125, 126 и 127. — 1820 июн. 4 (28302) и § 93 и 100.

121. Никто из казенных студентов, окончивших образование свое в сих отделениях, не может без важных причин оставить учительского звания, не прослужа в нем шести лет от определения к должности, каковой срок распространяется и на тех, которые для их усовершенствования отправлены будут на счет университета в чужие края. Изъятие в сем общем правиле, для некоторых студентов допускаемое, означено выше в ст. 69.

Сверх тех же узаконений: 1822 июн. 25 (29082). — 1822 дек. 13, цирк. отнош. Мин. дух. дел и народн. просв. к попечителям учебных округов.

IV. Горный кадетский корпус

122. Воспитанники Горного кадетского корпуса, предопределившие себя на службу по горной или соляной части, если они, окончив полный курс учения, по испытании, в

оном же корпусе произведенном, получают при выпуске надлежащие одобрительные аттестаты от начальства сего корпуса, вступают в службу с чинами от 14-го до 10-го класса включительно, смотря по степени их успехов.

1818 февр. 14 (27268) ст. IV. — 1818 дек. 28 (27602) п. 1. — 1826 март 9 (184) п. 5.

123. Выпущенные на сем основании из Горного кадетского корпуса казенные воспитанники обязаны прослужить в горном ведомстве десять лет.

1818 дек. 28 (27602) п. 2.

124. Казенные воспитанники горного корпуса, которые при выпуске не будут удостоены классных чинов, отсылаются на заводы с званием унтер-шихтмейстеров.

1826 март 9 (184) п. 6.

125. Назначение воспитанников корпуса при выпуске их, смотря по желанию и способностям, к занятию различных мест по искусственной части, по письмоводству или другой какой-либо части, входящей в состав общего горного или соляного управления, предоставляется министру финансов (там же, п. 7).

V. Лесной институт

126. Воспитанники первого разряда сего института при выпуске награждаются по представлению министра финансов в Правительствующий Сенат чинами 12-го класса, а второго разряда — чинами 14-го класса; воспитанники же третьего разряда выпускаются простыми практикантами.

1829 июн. 19 (2940) § 20.

127. Вместе с получением чинов воспитанники сии распределяются на службу по лесной части; определение же их в канцелярские чины вовсе запрещается (там же, § 22).

VI. Московское дворцовое архитектурное училище

128. Окончившие в архитектурском училище теоретический курс воспитанники по строгом испытании переводятся в практическое отделение сего училища с званием архитектурских помощников и с чином 14-го класса; не

выдержавшие полного испытания выпускаются из училища без классного чина.

1831 нояб. 22. Уст. Моск. дворц. архитек. учил. § 6.

VII. Константиновское межевое училище

129. Все ученики Константиновского межевого училища, как штатные, так и на своем содержании обучающиеся, кои по окончании в нем курса окажутся более способными к межевой службе, определяются в чертежные межевых канцелярий и контор помощниками и если чрез две практики покажут хорошие способности и познания, то получают 14-й класс с определением в землемеры.

1819 дек. 10 (28024) п. 14.

130. Оказавшиеся по экзамену более способными к служению в канцелярском звании определяются в межевые канцелярию и конторы в число канцелярских служителей на общем основании (там же, п. 16).

131. За обучение в сем училище на казенном иждивении выпущенные из оного должны оставаться на службе по межевой части в течение шести лет после выпуска и могут быть увольняемы прежде сего срока не иначе как по удостоверениям врачебных управ о неспособности их за болезнью к дальнейшему продолжению службы (там же, п. 17).

VIII. Землемерное училище при Департаменте уделов

132. Воспитанники землемерного училища при Департаменте уделов, окончившие с успехом полный курс учения, получают при выпуске 14-й класс и определяются к землемерным должностям при Департаменте уделов с обязанностью прослужить в удельном ведомстве десять лет.

1828 июл. 28 (2182) § 34 и 36.

133. Если воспитанник при хорошем поведении и прилежании к наукам окажется по окончании курса не способным к землемерным занятиям, то выпускается к письменным делам по ведомству Департамента уделов и, прослужив два года, производится в 14-й класс (там же, § 35).

134. Воспитанных в школе, учрежденной при мастеровом дворе гоф-интендантской конторы, кои окажутся слабого сложения и не способными к мастерствам, но будут хорошо читать и писать, дозволяется определять в гражданскую службу, хотя бы они по званию, из которого приняты в училище, и не имели на то права.

1827 мая 4 (1073) § 52.

135. Преимущество сие ограничивается тем, что они могут быть определяемы на службу только в канцелярию гоф-интендантской конторы, в которой обязаны прослужить не менее 25 лет (там же, § 52).

136. Выпущенные из Академии художеств ученики гоф-интендантского ведомства при определении в службу хотя пользуются тем же правом, но должны прослужить по ведомству гоф-интендантской конторы в сообразных способностям их должностям до того времени, пока минует им 45 лет от роду, а потом уже получают полную свободу избрать службу по своему желанию (там же, § 49).

*X. Коммерческие училища и бухгалтерское
отделение при Санкт-Петербургском
коммерческом училище*

137. Штатные воспитанники коммерческих училищ Санкт-Петербургского и Московского по отличным успехам удостоиваются при выпуске звания кандидатов коммерции с чином 14-го класса (а), но право на поступление с сим чином по их желаним в государственную службу получают они не прежде, как через 10 лет после их выпуска, обязываясь в течение сих первых 10 лет непременно посвящать себя какой-либо отрасли коммерции (б).

(а) 1799 июн. 29 (19017). — 1807 нояб. 14 (22686). — 1818 окт. 28 (27564). — (б) 1822 сент. 12 (29183).

138. Пансионеры бухгалтерского отделения при Санкт-Петербургском коммерческом училище, воспитанные в оном на иждивении разных мест военного ведомства, в случае отличных успехов получают при выпуске чин 14-го класса, но с обязанностью прослужить потом

В ведомстве тех мест: кантонисты — не менее 15, а дети обер-офицерские — не менее 10 лет; до окончания же сего срока могут быть увольняемы только за совершенной к службе неспособностью, по неизлечимой болезни или увечью.

1825 сент. 18 (20493) п. 1 и 4.

139. Пансионеры, содержимые в бухгалтерском отделении на счет приказов общественного призрения, выпускаются на том же основании соответственно успехам в науках с чинами 14-го класса или в канцелярском звании с обязанностью прослужить по части приказов: первые — 8, а последние — 10 лет, не включая в сие число двух первых лет по выпуске их, предназначенных на практическое приурочивание их к делам. Пансионерам из действительных дворян вышеозначенные сроки обязательной службы сокращаются наполовину.

1827 мая 14 (1088) п. 7 и 11. — 1829 июл. 23 (3024) п. 5. — 1831 июл. 29, положение для сиротского дома в С.-Петербурге, § 93.

XI. Военно-учительский институт

140. Ученики военно-учительского института, состоящего при Санкт-Петербургском батальоне кантонистов, выпускаются в полки аудиторами с чином 13-го класса.

1827 сент. 8 (1366) § 27.

XII. Гвардейская берейтерская школа

141. Ученики гвардейской берейтерской школы при выпуске их берейтерами в кавалерийские полки производятся в 14-й класс с обязанностью прослужить в полках 6 лет.

1827 февр. 7 (1881) п. 3.

ОТДЕЛЕНИЕ IV

**О заведениях, коих воспитанников
запрещается принимать
в гражданскую службу**

142. Вовсе запрещается принимать в гражданскую службу, хотя бы кто первоначально по происхождению своему и имел на то право: 1) воспитанников Санкт-Петербур-

бургского технологического института (а); 2) воспитанных в батальонах и полубатальонах военных кантонистов, исключая детей дворян и обер-офицеров, оказавшихся не способными к строевой службе, которые отдаются в распоряжение гражданского начальства для определения по желанию их в статскую службу соответственно их происхождению.

(а) 1828 нояб. 28 (2463) § 17. — (б) 1812 сент. 23 (25232). — 1828 март 8 (1851) п. 8.

ГЛАВА IV

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ К ДОЛЖНОСТЯМ

143. Определение к должностям имеет два вида: 1) первоначальное, при самом принятии в службу; 2) при перемещении от одной должности к другой.

ОТДЕЛЕНИЕ I

О праве на определение и перемещение к должностям

144. Никому не запрещается просить об определении или перемещении к должности [по] силам и способностям каждого соответственной, но право сие ограничивается нижеследующими общими постановлениями.

1765 дек. 31 (12537) п. 4.

145. Ко всем должностям гражданским, требующим юридических и других познаний, ни в какой губернии никто не может быть определен, не окончив учения в общественном или частном училище.

1803 янв. 24 (20597) § 24.

Примечание. В постановлении 24 янв. 1803 (20597) присовокуплено, что правило сие воспримет свое действие в каждой губернии спустя пять лет по устройении в учебном округе, к которому она принадлежит, училищной части, на основании общих правил. После, по уставу 1828 дек. 8 (2502), училищная часть в губерниях хотя и восприяла другое образование, но означенное правило ничем положительно не отменено.

146. В губерниях остзейских в особенности ко всем означенным должностям дозволяется определять таких только, кои предъявят свидетельство в том, что обучались по меньшей мере три года сряду в Дерптском или другом российском университете, начав и свое ученье в оных. Из правила сего изъемяются только определяемые по особым высочайшим повелениям и лично те, кои определены уже были по разным должностям в сих губерниях до воспоследования указа 1818 августа 4.

1818 авг. 4 (27445) п. 1. — 1820 июл. 4 (28302) § 2.

147. Никто не может быть помещен прямо к высшей должности в такие ведомства, где по закону определено замещать оные только из начавших свое служение в том же ведомстве.

Сие правило существует, между прочим, по таможенной части, на основании таможенного устава 1819 дек. 14 (28030) § 503.

148. Запрещается определять членами присутственных мест чиновников, соединенных родством или свойством с председателем или другими членами тех мест.

1723 нояб. 5 (4342). — 1828 мая 22 (2049).

149. Лица, на которых по месту их воспитания или по законным условиям, с коими они получили классные чины, возложена обязанность посвятить себя в течение определенного времени известному роду служения, не могут быть перемещаемы ни в какое другое ведомство прежде минования узаконенного на сие срока.

Ср. правила о сем, изложенные в предыдущей главе и во II главе IV раздела.

150. Никто не может быть определен к двум или более должностям вдруг и занимать оные в одно и то же время, разве последует на то особое высочайшее повеление (а). Частные из сего изъятия допускаются тогда только, когда оные разрешены самым уставом или учреждением какого-либо места или ведомства (б).

(а) 1815 дек. 23 (26041) п. 1 и 2. — (б) Таким образом, по докладу, выс. конф. 1817 янв. 3 (26591), дозволено профессорам и учителям преподавать учебные предметы в разных классах и местах. По указу 1804 февр. 28 (21187) ст. II, чиновникам бывшей комиссии составления законов разрешено было служить в других местах. По штату 1824 июн. 4 (29940) п. 2, юрист-консульт заемного банка может занимать должность и в другом месте и проч.

151. Когда должность положена в известном каком-либо классе за уряд, то сие не может быть препятствием к определению на оную имеющих чины выше или ниже сего класса, буде только они по опытности и способностям окажутся того достойными (а); с другой стороны, в общем порядке гражданской службы замещение должности не присвоит никому соответствующего класса оной чина (б). Изъятия из сего по некоторым особым ведомствам определяются в III главе следующего раздела.

(а) 1804 июн. 19 (21355). — 1809 авг. 6 (23771) п. II. — (б) Сие видно из того, что в общих гражданских штатах классы должностей полагаются токмо за уряд.

152. Для пользы службы и выгод служащих открывающиеся в каждом месте вакансии предпочтительно замещаются состоящими уже на службе в том же месте; какое правило имеет быть наблюдаемо сколько возможно во всех определениях к должностям.

1803 февр. 4 (20608) п. 4.

ОТДЕЛЕНИЕ II

Порядок определения к должностям

I. Власть, от коей зависит определение к должностям

153. Определение к должностям совершается: 1) именными высочайшими указами, по непосредственному усмотрению императорского величества или по представлениям Сената, министерств и других главных начальств; 2) Правительствующим Сенатом; 3) министерствами и равными им главными начальствами; 4) губернскими правлениями; 5) самими местами и ведомствами, в коих находятся открывшиеся вакансии.

154. Власть, от коей зависит помещение в каждую должность, смотря по роду оной, определяется в частных учреждениях.

II. Порядок первоначального определения в службу

155. Желаящий поступить в службу обращается с просьбою в то самое место, куда он определиться намерен; буде же низшее место само не имеет права определения,

то представляет, на основании предыдущих статей, высшему начальству.

156. Просьба об определении в службу пишется по обыкновенной форме на высочайшее имя и на гербовой бумаге того достоинства, какую узаконено употреблять в том месте, куда она поступает.

1821 нояб. 24 (28814). — 1823 март 21 (29370).

157. К просьбе прилагаются свидетельство из метрических книг о времени рождения и все документы, служащие удостоверением в звании и в праве его на вступление в службу.

1821 янв. 31. — Ср. также узаконения, приведенные в предыдущих и последующих главах сего раздела.

158. Лица евангелического исповедания при определении в службу обязаны представить сверх означенных документов пасторское свидетельство о своем конфирмовании.

1830 июн. 10 (3701).

159. По вступлении в службу каждый должен быть приведен к присяге в верности оной по приложенной у сего форме (прил. I).

1720 февр. 28 (3534) гл. 1. — 1825 дек. 23 (13) ст. IX.

160. Привод к присяге на верность службы предоставляется тому месту, в ведомство которого кто определен.

1720 февр. 28 (3534) гл. 1. — 1721 нояб. 10 (3846). — 1794 мая 17 (17203).

161. Присяга на верность службы совершается прежде словесно, а потом подписанием печатного присяжного листа.

1720 февр. 28 (3534) гл. 1.

162. Присяжные листы, по надлежащем подписании, оных, доставляются из всех мест и ведомств гражданских в Правительствующий Сенат.

1721 нояб. 10 (3846).

163. Каждое место и начальство о всяком вновь определенном в его ведомство чиновнике обязано в то же время дать знать герольдии, с означением имени его и фамилии и времени вступления в службу, в настоящую должность и чин.

1812 апр. 16 (25087). — 1817 окт. 29 (27116) п. 3.

III. О порядке перемещения к должностям

164. Прощения о перемещении к должности подаются по той же форме, как и прощения при первоначальном определении к должности.

Ср. узаконения, приведенные к ст. 156.

165. Каждый вновь определенный к какой-либо должности, высшей или низшей без различия, обязан учинить на оную присягу.

1720 февр. 28 (3534) гл. 1. — 1721 нояб. 10 (3846). — 1794 мая 17 (17203).

166. Присяга на должности чинится по той же форме, как и при определении в службу.

1720 февр. 28 (3534) гл. 1. — 1721 нояб. 10 (3846). — 1794 мая 17 (17203). — 1825 дек. 23 (13) ст. IX.

167. Определенные к должностям по высочайшим повелениям, если находятся в столицах, приводятся к присяге в Сенате; все же прочие и находящиеся вне столиц дают присягу в самых тех местах, куда они определены.

Сверх тех же узаконений, 1811 июн. 25 (24686) § 53.

168. Все вообще начальства и места должны всемерно стараться о замещении подведомственных им должностей людьми достойными и способными; почему при удостоении кого-либо к открывшейся вакансии, если он прежде состоял уже в службе, обязаны не только рассматривать послужный его список, но и стараться удостовериться в поведении его и рдении при исправлении прежней должности, дабы тем основательнее можно было заключить о способности его к занятию нового места.

1781 февр. 5 (15117). — 1795 апр. 23 (17321). — Ср. также узаконения, к следующей ст. приведенные.

Примечание. В высочайшем рескрипте 1822 авг. 1 (29151) на имя управляющего Министерством внутренних дел, между прочим, предписано к наблюдению главноуправляющих в губерниях и гражданских губернаторов, чтобы все чиновники, определяемые к должности, обязываемы были подписками в том, что они не принадлежат ни к каким масонским ложам и другим тайным обществам, под каким бы оне названием ни существовали, и что впредь к оным принадлежать не будут.

169. Если кто по дружбе или из подарков поместит или представит на вакансию недостойного или неспособного, а достойного и способного несправедливым донесе-

нием обойдет, то таковой, несмотря на лице, яко неверный слуга, отрешается от места и передается суду.

1720 февр. 28 (3534) гл. XI.—1753 янв. 13 (10066).—1802 авг. 16 (20372) п. 6.

170. При перемещении из одного ведомства в другое сверх правил вышензложенных должны быть наблюдаемы по военной и счетной части особые правила, во II и III отделениях, III главы II раздела, относительно чинов при таковых переходах предписанные.

171. О всех определяемых к должностям Правительствующим Сенатом из находящихся не у дел чиновников, буде нет оных налицо, публикуется в ведомостях, дабы они знали о своем определении и могли явиться к должности своевременно.

1798 авг. 23 (18637).

172. Срок явки к должностям для отсутствующих назначается по мере расстояния от настоящего пребывания их до того места, куда они на службу определены, полагая для проездов в один путь на 100 верст по два дня.

1720 февр. 28 (3534) гл. IV.—1799 апр. 15 (18936).

Список сокращений

ГБЛ	Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина
ГПБ	Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РИО	Сборник Русского исторического общества
ЦГАОР	Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив СССР

Именной указатель

- Абаза А. А. 194
Абрикосовы 98
Адлерберг А. Ф. 135
Адлерберги 186
Акинфов В. И. 88
Аксаков К. С. 180
Александр II (Николаевич) 38,
43, 46, 60, 99, 100, 134, 160,
180—187, 189, 190—193, 195,
199, 211
Александр I (Павлович) 31, 33,
118
Александр III (Александрович)
47, 49, 62, 101, 102, 188, 192—
195, 198, 213, 224
Алексеевы 98
Анастасьев А. К. 198, 213
Андреев К. А. 90
Анненков Н. Н. 45
Аракчеев А. А. 31, 125, 192
Арцимович В. А. 160, 177, 178,
190, 210
Артемьев А. И. 17, 80, 82, 83
- Бакунин А. П. 75
Балашов И. П. 96
Бабанов Н. П. 213
Бартоломей Г. М. 113, 156
Бахрушины 98
Бахтин 42
Бацмаков 210
Бенкендорф А. Х. 8, 59, 111, 123,
147, 148
Берви-Флеровский В. В. 137
Бибииков Д. Г. 75, 120, 121, 145—
148
Бибииков И. Г. 146, 154
Блинов И. 18
Блок А. А. 194
Блудов Д. Н. 38, 42, 46, 79, 131
Бобринский А. В. 198
Бобринский А. П. 182
- Боголюбов Н. П. 17, 146, 154,
155
Богословский 90
Бодиско А. А. 79
Бойль Р. П. 150
Боровков А. Д. 72, 108
Борхман Э. М. 78
Боткин С. П. 182
Бочаров И. 78, 137
Брок П. Ф. 79, 118
Бруннов И. И. 79
Буксгевден 112, 147
Булгаков П. С. 152, 157
Бунге Н. Х. 48, 202
Бутурлин М. Д. 131, 150
- Вагнер Л. И. 78
Валуев П. А. 18, 180—182, 185,
189—191, 202, 211
Ванев 22
Ванновский П. С. 47, 194
Васильчиков Б. А. 39, 40—42,
115, 123, 215
Вдовиченко 144
Велепольский С. А. 13, 95
Веселовский М. Б. 17, 76, 101,
143, 154, 155, 164, 165, 167,
171
Вигель Ф. Ф. 32, 33
Вильгельм I 182, 183
Витте С. Ю. 11, 49, 62, 64, 87,
103, 104, 194, 202
Владимир Александрович (вел.
кн.) 49
Волконский М. С. 200
Воронцов М. С. 132, 149
Воронцов-Дашков И. И. 48, 61,
200
Воскресенский А. П. 171
Врангель Ф. М. 128
Вронченко Ф. П. 117, 118
Вышнеградский И. А. 11, 103,
198

- Гагарин П. П. 100, 101, 131, 202
 Галаган Г. П. 198
 Герцен А. И. 145, 153, 154, 159
 Гирс Н. К. 48
 Гильденштубе 199
 Глорниантов А. И. 27
 Гоголь Н. В. 143
 Голицын А. Н. 91
 Голицын Д. В. 72
 Голицын С. М. 75, 130
 Головков Ф. В. 77
 Головнин А. В. 86, 186, 188, 190, 197, 198
 Головнин В. М. 128, 188
 Горемыкин И. Л. 104, 105
 Горчаков А. М. 93, 144, 191
 Градовский А. Д. 3, 18
 Грановский Т. Н. 181
 Гринвальд И. Е. 75
 Грот К. К. 160, 190, 197, 210
 Губе Р. М. 80
 Гурьев Д. А. 79, 131
 Гучковы 99
- Давыдов С. И. 174
 Дараган М. П. 88
 Дашков Д. В. 121
 Де-Брэ О. 18, 117, 119, 122, 123, 125—127
 Делло И. П. 169
 Дельвиг А. И. 100, 124, 125, 184
 Дельвиг А. А. 150, 151
 Делянов И. Д. 47
 Ден В. И. 190, 210
 Денфер А. У. 80
 Демидова Н. Ф. 20
 Деспот-Зенович 156
 Джежелей А. Д. 89
 Долгоруков В. А. 121
 Долгоруков Ю. А. 152, 186
 Кондауров Д. Н. 153
 Дубасов И. И. 74
 Дубельт Л. А. 113
 Дубенцов Б. Б. 22, 44, 104
 Дубровин Н. Ф. 72, 172
 Дурасов 175
 Дурново И. Н. 47
 Дурново П. Н. 87
 Дыльский 148
- Евгения (императрица Франции) 197
 Евреинов В. А. 18
 Елена Павловна (вел. кн.) 182
- Екатерина II (Алексеевна) 40
 Ерошкин Н. П. 3, 19
- Жандр А. И. 102
 Жемчужников В. В. 100
 Жемчужников В. М. 178
 Жемчужников М. И. 177
 Жила 90
- Заблоцкий-Десяловский А. П. 127
 Закревский А. А. 145, 146, 158, 210
 Замятнин Д. Н. 86, 189, 190, 197
 Зарудный С. И. 187, 189
 Зернов Н. Е. 78
 Зограф Н. Г. 90
 Зубов А. П. 86
- Игнатъев П. Н. 202
 Илличевский П. Д. 80
 Инсарский В. А. 165
 Искуль Гильденбах А. А. фон 50
- Кавелин К. Д. 181
 Калмыков Н. М. 168
 Канарский 147
 Канкрин Е. Ф. 44, 116, 117
 Кампенгаузен Б. Б. 44
 Капнист И. В. 158
 Каракозов Д. И. 190, 210
 Карамзин Н. М. 32
 Карнович Е. П. 19, 21
 Карпаковский 156
 Караулов 159
 Катков М. Н. 193
 Келлер Ф. Э. 215
 Кербердз С. В. 102
 Киреев А. А. 62, 64, 213
 Киселев П. Д. 111, 122, 126, 127, 133, 187
 Кишкин А. Н. 175
 Кладищев Д. П. 206
 Клейгельс Н. Б. 104, 105
 Клейнмихель П. А. 113, 115, 121, 122, 124—126, 133
 Клейст Э. Б. фон 78
 Клиненберг Н. М. 213
 Княжевич А. М. 80, 210
 Кованьков А. А. 58
 Ковальский 193
 Кожевников 157
 Кожин 158
 Козьмин Б. П. 186

- Коковцов В. Н. 87
 Колмаков Н. М. 168, 174, 175
 Колокольцев И. П. 175
 Кондауров Д. Н. 153
 Кони А. Ф. 107, 169, 195, 204, 210
 Константин Николаевич (вел. кн.) 62, 181, 188, 189, 191, 197
 Корелин А. П. 29, 221
 Коркунов Н. М. 3
 Корф М. А. 17, 42, 56, 58, 59, 79, 106, 107, 115, 117—127, 129, 131—134, 145, 146, 156
 Корф С. Н. 88
 Кочубей А. В. 80
 Крестовниковы 99
 Кривцов А. Д. 152
 Кроковский А. 175
 Крузенштерн И. Ф. 128
 Круковский И. Ю. 167
 Крылов Н. И. 78
 Кубе Л. И. фон 77
 Куломзин А. И. 99, 100
 Куломзин С. П. 175
 Кутузов М. И. 183
 Кутузов Н. 111, 115

 Лабудзинский Д. Н. 88
 Лазарев М. П. 128
 Ламанский Е. И. 99
 Ланжерон 44
 Ланской С. С. 168, 189
 Лебедев К. Н. 117, 120, 122, 146, 157
 Левшин А. И. 80, 86
 Лего 171
 Лейкина-Свирская В. Р. 21
 Леке М. И. 80
 Ленин В. И. 3, 185, 186
 Леруа-Болье 187, 196
 Линкольн Б. 23
 Лобко П. Л. 50, 52
 Лорис-Меликов М. Т. 188, 194
 Лучинский Ф. Я. 156, 157
 Львов 107

 Макашин С. А. 190
 Мальцев И. С. 94, 184
 Манасеин И. А. 48
 Мария Александровна (императрица) 190
 Мария Федоровна (императрица) 16
 Мартынов В. Д. 204

 Маслов Д. Н. 80
 Мейсендорф Л. К. 79
 Мелников 199
 Меншиков А. С. 17, 115, 122, 127, 128, 131, 132, 181
 Механцев П. А. 77
 Мещерский В. П. 198
 Милютин Д. А. 18, 107, 108, 121, 128, 146, 183, 187—189, 191, 192, 194, 198, 210, 212
 Милютин Н. А. 80, 120, 121, 160, 187
 Мироненко С. В. 181
 Михаил Николаевич (вел. кн.) 197
 Михаил Павлович (вел. кн.) 146
 Мицкевич А. И. 78
 Мордухай-Болтовский 90
 Морозовы 99
 Мосолов 151
 Муравьев А. Н. 190, 210
 Муравьев Н. В. 62
 Муравьев П. М. 161
 Муравьев (Амурский) Н. Н. 149

 Набоков Д. Н. 86
 Навроцкий 171
 Назимов М. 72
 Найденев А. П. 77, 169
 Найденовы 99
 Наполеон III 197
 Нашокин Н. А. 76
 Небольсин П. Н. 80, 82
 Нелидова 125
 Непорожнев 62
 Неронов Ф. П. 102
 Нессельроде К. В. 79, 91, 122, 127, 128, 130, 132, 133
 Нехлюдов П. В. 213
 Нечаев С. Д. 79
 Никитенко А. В. 34
 Николай Николаевич (старший, вел. кн.) 184
 Николай II (Александрович) 63, 64, 194, 195, 224
 Николай I (Павлович) 17, 39, 41, 42, 45, 46, 56—59, 106—111, 113, 117—120, 123—129, 142, 147, 149, 156, 165, 178, 179, 181, 182
 Никошидзе 88
 Порев А. С. 80, 120

 Оболенский И. М. 195

- Огарев И. И. 76
 Ольга Николаевна (вел. кн.) 109
 Ольденбургский (принц) 131
 Ореус И. М. 80
 Оржеховский И. В. 21, 22, 205, 207, 210, 214
 Орлов А. Ф. 17, 60, 121, 123, 124, 132, 133
 Орлов-Давыдов В. П. 94
 Островский М. Н. 47, 194

 Пален К. И. 190
 Панаева А. Я. 188
 Панин В. Н. 121, 168
 Панкратьев Ф. П. 157
 Панов М. М. 162
 Панчулидзе А. А. 76, 153, 155, 158—160, 162, 210
 Панютин 164, 165
 Паскевич И. Ф. 59, 133
 Перетц Е. А. 50, 190, 196, 199
 Пентюхов 158
 Перовский Л. А. 79, 120, 133, 136
 Пестель В. И. 150
 Пестель И. 154
 Пестель П. И. 126
 Петр I 39
 Петров Г. М. 50
 Пинтнер В. 23
 Писарев Н. Е. 146—148
 Платонов В. П. 86
 Плеве В. К. 64, 195
 Победоносцев К. П. 47, 86, 193—195, 197
 Погодин М. П. 32, 179
 Политковский А. Г. 113
 Политковский Ю. Г. 10
 Половцов А. А. 10, 13, 18, 46, 48, 49, 61, 62, 103, 182, 191, 195, 197, 198, 200, 201, 205
 Половцовы 10
 Поль 169
 Польц 165
 Поляковы 98, 99
 Потапов А. Л. 199
 Потоцкие 13
 Пржеславский О. А. 116, 138
 Пресняков А. Е. 106
 Прохоровы 99
 Прутченко Б. Е. 164, 165
 Пугачев Е. И. 127
 Пушкин А. С. 17, 107, 110, 191
 Пушин 213

 Радищев А. А. 146, 147, 151, 154, 156, 162
 Радищев А. Н. 17, 146
 Распутин Г. 224
 Рахальский 90
 Рейтерн М. Х. 87, 100, 202
 Ренненкамф К. К. 46
 Решетов Н. А. 210
 Ровинский Д. А. 169, 189
 Ростовцев Я. И. 38
 Рубакин Н. А. 19, 21
 Руперт В. Я. 113, 148, 149
 Рябикова Т. Б. 26

 Сабашниковы 99
 Сажин (Арман Росс) 186
 Салтыков М. Д. 89
 Салтыков-Щедрин М. Е. 143, 190
 Сафонов С. В. 160
 Селиванов И. В. 155, 158, 159
 Смирнова-Россет П. О. 107
 Солнцев Г. И. 169
 Соловьев С. М. 106, 118, 119
 Соловьев Ю. Б. 50
 Сольский Д. М. 197
 Сперанский М. М. 31, 108, 116
 Стишинский А. С. 52
 Стогов Э. И. 145
 Стояновский Н. И. 187, 189, 197
 Суворов А. А. 75, 146, 185
 Сумароков (А. П.) 27
 Сырнев А. И. 77
 Сытины 99

 Танеев А. С. 45, 46, 48, 49, 57, 58, 61
 Тарновский 159
 Татаринов В. А. 187, 189
 Татаринов С. П. 151
 Татищев А. А. 198, 213
 Терещенко 176
 Тимашев А. И. 190, 191, 211, 212
 Топоров Н. С. 78
 Толмачев 174
 Толстая 120
 Толстой А. П. 80
 Толстой Д. А. 190, 194, 197
 Толстой Е. П. 150
 Толстой И. Н. 148
 Толь К. Ф. 121
 Торке 22
 Траскин А. С. 150
 Трепов (Ф. Ф.) 192
 Третьяковы 99

- Троицкий С. М. 20, 65
Тройницкий (А. Г.) 34
Трошинский Д. П. 44
Трубецкой Н. Н. 213
Туркул И. Л. 136
Тучков П. А. 130
Тютчева А. Ф. 181, 182
Тютчев Ф. И. 182, 192
- Уваров С. С. 17, 45, 46, 118, 119
Урусов М. А. 150, 151, 162
Устинов Н. М. 80
Ушковы 99
- Федоров Ф. П. 171
Федорчук 160
Феоктистов Е. М. 18, 182, 184,
197, 204
Филипп 223, 224
Филиппов Т. И. 101, 102, 184
Фишер К. И. 18, 59, 116, 117,
124, 126, 128
Флит фон дер 130
Фонвизин (Д. И.) 27
Фредерикс В. Б. 64, 202
Фрибес В. Ф. 75, 150, 155
Фриш Э. В. 46
Фролов И. С. 156
Фундуклей И. И. 156
- Харитонов П. А. 50
Хижняков В. М. 213
Хлудовы 99
Хомяков А. С. 176
- Хрущев Д. А. 160
- Циммерман А. Э. 107, 127, 155,
188
- Чаадаев П. Я. 110
Чоглоков 88
Челищев М. И. 94
Челищев Н. И. 94
Черевинский А. П. 50
Черкасский В. А. 160
Чернышев А. И. 17, 114, 121—
123, 129, 134
Чернышевский Н. Г. 186, 188
Чичерин Б. Н. 182, 183
- Шамшин И. И. 50, 52, 53
Шереметев С. Д. 200
Шестаков И. А. 48, 101, 102
Шильдер Н. К. 31
Шипов 167
Ширинский-Шихматов П. А.
119—121
Шкляревич П. И. 169
Шпицбарт Э. А. 89
Штиглиц А. Л. 10, 94
Шуббе И. Е. 225
Шувалов П. А. 182, 184, 192,
211
Шумахер А. Д. 120
Шурхайло Т. И. 165
Щербачев 176
- Янковский Е. О. 213

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I Чиновничество	24
Глава II Высшая бюрократия накануне Крымской войны	106
Глава III Губернская администрация накануне Крымской войны	143
Глава IV Изменение состава высшей бюрократии и губернской администрации к началу XX в.	179
Заключение	221
Источники и литература	225
Библиография	241
Приложение	248
Список сокращений	282
Именной указатель	283

ИБ № 670

Петр Андреевич Зайончковский

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ АППАРАТ САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ в XIX в.

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор Г. И. Пылаева
Младший редактор С. С. Игнатова
Оформление художника А. Генкеля
Художественный редактор В. А. Захарченко
Технический редактор Л. В. Барышева
Корректор В. С. Матвеева

Сдано в набор 8 июля 1977 г. Подписано в печать 18 ноября 1977 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2. Усл. печатных листов 15,12. Учетно-издательских листов 16,31. Тираж 19 000 экз. А 07422. Заказ № 1994. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105. Москва, Нагатинская, 1.